

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том V

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отдавая дань уважения и признательности российским психоаналитическим первопроходцам мы сочли возможным и необходимым включить в первые тома серии «Сумма психоанализа» статьи пионеров российского психоанализа.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.М.Боковикову, А.Е.Иванову и Ф.Ф.Ильясову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Деборин А.М.	Фрейдизм и социология	4
Луря А.Р.	Психоанализ как система монистической психологии	32
Рейснер М.А.	Социальная психология и учение Фрейда	60
Рейснер М.А.	Фрейдизм и буржуазная идеология	106
Сапир И.Д.	Фрейдизм и его марксистская оценка	128

Фрейдизм и социология

А. М. Деборин

I

Учение Фрейда получило широкое распространение среди известной части марксистов, которые полагают необходимым предпринять очередную ревизию марксизма с точки зрения психоанализа. Мы несколько не намерены обвинять этих товарищей в *сознательном стремлении* к извращению марксизма. Они, конечно, вполне искренно убеждены в том, что психоанализ Фрейда способен *обогащить* марксизм новым содержанием. Но каковы бы ни были субъективные намерения марксистов-фрейдистов, их стремления «омолодить» марксизм посредством вливания в него «свежей» крови фрейдизма неминуемо ведут к полному извращению марксизма.

Учение Фрейда представляет собою весьма сложный «комплекс» идей, но в настоящей связи нас интересует *социология* фрейдизма, то есть применением метода психоанализа к общественным явлениям. В целях выяснения этого вопроса мы считаем полезным подвергнуть разбору несколько работ, вышедших из-под пера фрейдистов и касающихся весьма жгучих актуальных проблем, как-то: проблемы капитализма, революции и коммунизма.

Цюрихский пастор Оскар Пфистер — один из виднейших последователей Фрейда — выпустил недавно книжку, посвященную психологии капитализма¹. Почтенный пастор, верный своей профессии, несет заботу о спасении человеческих душ. Неудивительно, что именно в психоанализе он нашел незаменимое оружие, которое дает духовному пастырю возможность «овладеть» душой своей духовной овцы. Таких «овец» или, попросту говоря, клиентов, которые обращаются за исцелением от своих недугов к пастырю Пфистеру, как он сам признается, немало. Но кругозор образованного цюрихского пастора не ограничивается «приходом». Свой «опыт» по части исцеления душ от власти злого духа он пытается применить к исследованию целой общественной формации — к капитализму.

В своем «исследовании» он исходит прежде всего из работ в этой области Макса Вебера и Вернера Зомбарта, которые утверждают, что религиозные системы и церкви оказали решающее влияние на выработку капиталистического духа и соответствующей ему хозяйственной системы. Вебер и Зомбарт придерживаются того мнения, что условием поворота исторического развития в сторону *капитализма* явилось *ограничение половой жизни*. Фома Аквинат, говорит Зомбарт в своей книге «Буржуа», требовал подчинения всех человеческих влечений, аффектов и деятельностей — разуму. В первую очередь отец церкви имел в виду ограничить половые влечения человека. Таким образом, подготовлялся и складывался новый

¹ Pfister O. Der seeliche Aufbau des klassischen Kapitalismus und des Geldgeistes.

душевный строй, который и лег в основу капитализма, который *породил* эту общественную систему. На место господства влечений и аффектов был поставлен *разум*, ставший отныне господином мира.

Одновременно с процессом «вытеснения» из человеческой души аффектов и влечений шел процесс *рационализации* душевной, а вместе с ней и всех *общественной* жизни. Тот же Фома способствовал своим учением развитию благопристойности и трудолюбия. Разгульная жизнь и мотовство им строго запрещались. Вот те элементы, из которых сложился так называемый «дух капитализма». Впрочем, в нашу задачу не входит изложение взглядов Вебера и Зомбарта на происхождение капитализма. Мы упомянули их лишь для того, чтобы показать, что взгляды Вебера и Зомбарта о влиянии кальвинизма, пуританизма и их моральных учений на возникновение капитализма служат для нашего фрейдиста исходным пунктом в его собственных построениях.

Добрый пастор Пфистер не согласен с «социологической» постановкой вопроса у Вебера и Зомбарта. Он готов осчастливить человечество своей собственной теорией. Сущность классического капиталистического духа Вебер и Зомбарт усматривают в соединении *жажды денег с христианским образом мыслей*. Такой подход к этой проблеме, говорит Пфистер, неправилен, ибо он исходит из слишком «интеллектуального» понимания процесса.

Моральные предписания и учения, которые должны служить причиной возникновения капитализма, являются выражением более глубоких душевных процессов и сил.

Проблема капитализма в формулировке Пфистера сводится к следующему: как это случилось, что в то время как в средние века церковь вместе с богом выступала против маммона, она впоследствии, в новое время, подчинила бога маммону? Почему дух маммона победил бога, несмотря на то что религиозный идеал противоречит жажде денег? Замечательная формулировка проблемы возникновения капитализма, не правда ли? Жаль, очень жаль, что К. Маркс написал свой «Капитал», не будучи знаком с таким глубокомысленным ученым, как Пфистер...

Для разрешения поставленной проблемы Пфистер обращается, как и следовало ожидать, от ортодоксального последователя учения Фрейда к анализу страдающего истерией субъекта. Мы нарочито приведем некоторые подробности, касающиеся этого истерика, для того чтобы читатель убедился в научной «ценности» метода психоанализа, поскольку его применяют к объяснению общественных явлений.

Итак, субъект, о котором нам повествует пастор Пфистер, пожилой человек с лишком пятидесяти лет. Он усердно молится дважды в день — утром и вечером, выше всего ставит набожность, но вместе с тем в нем сильно развита жажда наживы; он предается всевозможным спекуляциям, не останавливаясь перед уголовными преступлениями, раз этого требуют «дела». При этом он хорошо сознает свое моральное падение, хотя несколько не страдает угрызениями совести.

В дальнейшем автор пространно рассказывает о жизни нашего «субъекта» и в результате приходит к тому выводу, что у этого истерика *между жаждой наживы и неспособностью к любви* (импотентностью) существует непосредственная связь.

Переходя от истерика к Кальвину, Пфистер пытается вскрыть общие между ними черты. В душе Кальвина скрывалась бессознательная, вытесненная из сознания ненависть к отцу; в противном случае он не мог бы создать себе такого сурового и мрачного бога, каким был бог Кальвина. Истерический субъект, которого Пфистер подверг анализу, также питал ненависть к отцу, что выражалось, между прочим, в его наглом поведении в отношении своих школьных наставников. Кальвин создал религию и мораль, в которых не нашлось места для любви. Но могучее половое влечение ищет себе, в случае невозможности нормального удовлетворения, ненормального выхода, что ведет к возникновению невроза *навязчивости*.

Следствием импотентности и невозможности нормального удовлетворения половых потребностей является чувство страха, которое мы одинаково встречаем как у Кальвина, так и у клиента Пфистера. Оба страдают также головными болями. Будучи вытеснена из действительной жизни, любовь может быть перенесена на сверхъестественные объекты, например в средние века на Иисуса и Марию. В случае невозможности такого перенесения возникает чувство страха. Так, у Кальвина сильно развит страх перед адом. Но есть и третья возможность, когда подавленная любовь находит свое выражение в определенном символе. «Дух капитализма» состоит именно в том, что деньги являются *символом любви*, они *замещают* любовь, так как прямой путь к любви закрыт. Можно сказать, таким образом, что капитализм есть навязчивый невроз, подобно религии, которая Фрейдом так и определяется как *универсальный навязчивый невроз*, ибо основным характерным признаком навязчивого невроза является то, что страдающий им отворачивается от действительности и обращается к символу, который должен замещать действительность или действительную любовь.

Первоначально деньги служат капиталисту средством для таких целей, которые имеют быть осуществленными в действительности. Но для страдающего навязчивым неврозом его бессознательные символические действия являются самоцелью. Стало быть, первоначальная фаза капитализма, которая Пфистером именуется *религиозным* капитализмом, еще не вполне носит характер «навязчивого невроза». Но этот «религиозный» капитализм с течением времени превращается в свою противоположность — в *абсолютный капитализм*, когда деньги становятся для капиталиста самоцелью. Этот процесс, говорит наш автор, совершается с психологической необходимостью. «Капиталистический дух» теряет свой первоначальный психологический, биологический и этический характер и превращается в «денежный дух» (Geldgeist).

Капиталистический дух обязан своим происхождением Кальвину, который «шествует впереди армии современных капиталистов». Этот «дух капитализма», поскольку он согласуется с этикой кальвинизма, говорит

Пфистер, еще не отличается характером навязчивого невроза. Кальвин ориентировался еще на действительность. Капитал призван прославлять имя бога, он имеет целью благо человека. Однако момент *любви* слишком слабо подчеркивается Кальвином; его этикой любовь уже «вытесняется», чем подготавливается превращение религиозного капитализма в абсолютный или светский капитализм.

Эта подготовка объясняется еще и тем, что между кальвинизмом и навязчивым неврозом существуют уже сходные психологические черты, выражающиеся в подавлении любви, что, в свою очередь, порождает чувство страха и малоценности, далее разбухание нашего я и символические действия, не признаваемые рассудком, но служащие для ослабления чувства страха. Все эти психологические переживания служат основанием для выработки духа светского капитализма в противоположность религиозному. Религиозный же, или классический, капитализм характеризуется тем, что христианский бог составляет средоточие капиталистического хозяйства и что эгоистические стремления или страсти ему, классическому капитализму, чужды¹.

В дальнейшем, когда бог низводится с престола, когда умножается число безбожников, классический капитализм превращается в светский, или «дух капитализма» вытесняется стремлением к наживе, жаждой денег.

Само собою разумеется, что наш пастор предпочитает «религиозный» капитализм светскому, ибо последний ведет к безбожию, к падению нравов и проч. Мелкобуржуазная философия капитализма этого фрейдиста чрезвычайно характерна. Но об этом ниже. Пока же необходимо еще подчеркнуть, что О. Пфистер готов мириться и с «светским» капитализмом, ибо возможно, что капиталистическая форма хозяйства является технической необходимостью и соответствует человеческой природе и внешним обстоятельствам, говорит он. Но он не допускает, чтобы человек все-таки должен был быть рабом наживы. Он считает даже возможным и необходимым сочетать капитализм с «социализмом духа». Как добрый пастырь, он готов пролить слезу по поводу страданий народа и сказать несколько горьких слов миллиардерам, живущим в роскоши и праздности. Но тут же спешит прибавить, что имеются капиталисты, которые признают и социализм, разумеется не как экономическую систему, но как идею. Будучи одушевлены чувством ответственности и солидарности, такие капиталисты являются одновременно и социалистами по своим убеждениям.

В деле выработки современного капиталистического душевного склада решающую роль сыграло то обстоятельство, что *религиозная основа жизни была утеряна*. При этом надо помнить, проповедует добрый пастор, что, кто находит удовлетворение в земной жизни, тот не может найти пути к богу и никогда не будет стремиться к более высоким духовным ценностям. Все великие деяния должны быть искуплены страданиями и трудом. Где нет страданий и необходимости преодоления препятствий, там нет и религии.

¹ Pfister O. Der seeliche Aufbau des klassischen Kapitalismus und des Geldgeistes. S. 35.

Часто религия исчезает также и вследствие того, что гнев против отца земного переносится на отца небесного — бога.

Кальвинистический капитализм связан с потерей любви к богу и людям. Но все же светские интересы в первую эпоху капитализма были еще подчинены богу. В пору господства бога умеренность, скромность и набожность составляют основной тон жизни. Но кальвинистическое воспитание способствовало умерщвлению детской любви, вытеснению из души ребенка чувства наслаждения жизнью, жажды свободы и любви. Аскетическая мораль и религия кальвинизма подготавливали сами торжество маммонизма. К этому надо еще прибавить и то, что бездушная техника и материалистическая наука и философия пришли на помощь этому психологическому процессу неизбежного перехода к светскому капитализму, который носит на себе все черты навязчивого невроза, заключает наш автор.

В самом деле, человек полагает обычно, что его погоня за деньгами совершается по его свободной воле. Но это не так. Стоит лишь захотеть такому человеку изменить свой образ жизни, как он убеждается в полной невозможности сделать это. Так как благодаря вытеснению нормальная и желательная деятельность не может быть выполнена, то *бессознательное* создает символическую замену ее и принуждает сознание выполнять то, что ему угодно.

Символы являются представителями других благ или ценностей, прямое и непосредственное присвоение которых в силу тех или иных причин запрещено. Символ замещает определенный вытесненный объект, так что если человек, например, стремится к наживе, то на самом деле деньги являются символом вытесненной из сознания любви... Над сознанием господствуют бессознательные силы, которые заставляют человека гнаться за символами, иллюзиями, вместо того чтобы овладеть непосредственно тем объектом, выражением которых эти символы являются. Отсюда следует, что вся капиталистическая формация представляет собою ложь и вместе с тем болезнь, от которой психоанализ может, по-видимому, излечить человечество.

Итак, религиозному капиталисту присущ так называемый аскетический образ жизни. Его материальные потребности скромны и умеренны. Все интересы и любовь человека переносятся на бога, который предохраняет от переоценки материальных благ. При светском капитализме предприниматель жажду наслаждения сосредоточивает на своей личности. Деньги становятся для него богом, то есть высшим благом, в то время как первоначально высшим благом и целью для человека был бог.

Если мы теперь снова вернемся к нашему истерическому субъекту, то мы вспомним, что он не питал уважения к отцу и своим учителям. Капиталисты тоже отвергли своего отца-бога. И подобно тому как истерик стал крупным предпринимателем, то есть цель своей жизни усматривал в наживе, в накоплении денег по той причине, что любовь у него не могла найти нормального выхода и он вынужден был посредством «сверх компенсации» заглушить и подавить в себе чувство своего ничтожества,

малоценности, связанное с его неспособностью к любви, так и капиталист вообще потому гонится за деньгами, что они являются символом вытесненной из сознания любви, способствуют заглушению в нем чувства страха и малоценности, как и возвышению его личности.

Но это не все. Оказывается, что истерик Пфистера отличается еще одной замечательной особенностью, которая имеет огромное значение. Он страдает *запорами*...

Отсюда Пфистер делает сногшибательное заключение, что существует причинное отношение между запорами и «духом мамонизма». При этом он определенно ссылается на Фрейда, который в своей работе «Характер и анальная эротика» указал на тесную связь, существующую между запорами и любовью к порядку и бережливостью. Что запоры причинно связаны с стремлением к наживе, доказывает то обстоятельство, говорит Пфистер, что у многих больных запоры ликвидируются *аналитически* в том случае когда «денежный дух» больного становится предметом беседы. Быть может, аналитический метод является превосходным средством лечения запоров, хотя мы продолжаем придерживаться того мнения, что против запоров слабительное является, пожалуй, лучшим средством, чем душеспасительные «аналитические «беседы о «денежном духе», но что для объяснения духа капитализма запоры, кроме разве поноса слов, ничего дать не могут, — в этом мы твердо убеждены.

Кроме приведенной, Пфистер склонен выдвинуть и другую теорию, которая, однако, не отличается большей вразумительностью. Первая изложенная нами теория базируется на том, что «денежный дух» является реакцией на принудительное религиозное воспитание и символической заменой подавленной в силу тех или иных условий любви. При этих условиях, как мы видим, «денежный дух» является выражением болезненной организации человека. Нормальный же «денежный дух» связан с чувством малоценности и с эгоизмом. Этот тип людей не интересуется общественным благом, лишен также чувства любви к ближним. Они заботятся и вынуждены заботиться только об увеличении своих наслаждений и расширении сферы своей власти.

Деньги и являются тем средством, которое связывает эти психические переживания с внешним их выражением и проявлением. В случае «навязчивого невроза» существует пропасть между сознательным и бессознательным стремлением. Деньги в качестве символа «навязываются» человеку бессознательными силами души. Их «эквивалент» до сознания не доходит, деньги являются лишь символом этого эквивалента, и наоборот, вытесненная из сознания любовь и проч. в свою очередь является эквивалентом денег.

Что касается нормального типа денежных людей, то они, быть может, в силу дурного воспитания и грубого обращения с ними родителей или же просто прирожденной безнравственности видят цель жизни в наживе. Как бы то ни было, и вторая теория объяснения капитализма столь же нелепа, как и первая. Не могут делу помочь и проливаемые автором слезы по поводу того,

что дурной пример богатых тунеядцев подрывает основы морали и религии, будя в человеке низшие страсти. Предпосылкой всякой религии и нравственности, говорит Пфистер, является подавление низших влечений и страстей. Поэтому естественно, что «светский» капитализм ведет к отрицанию бога и поклонению золотому тельцу. Изгнание бога из мира и жизни ведет с *биологической* необходимостью к обожествлению «денежного духа» до тех пор, по крайней мере, пока любовь к ближнему не изменит этого порядка. Тогда бог снова будет водворен на свой престол.

Пастор Пфистер не ограничивается одним «объяснением» происхождения капитализма из состояния импотентности, запоров, анальной эротики и прочего вздора. Он имеет к тому еще *рецепт спасения* человечества от безбожия, безнравственности и «денежного духа». Посмотрим же, какой его рецепт. Предвосхищая общий вывод Пфистера, мы можем сказать, что капитализм он предлагает нам лечить так же, как лечат всякого больного, страдающего навязчивым неврозом. Вот то глубокомысленное откровение, пророком которого выступает пастор Пфистер. Но если читатель подумает, что фрейдисты не ответственны за благоглупости Пфистера, то они глубоко ошибаются, ибо он делает по своему правильные и последовательные выводы из метода психоанализа. Вопрос только в том и заключается, позволительно ли вообще применять этот метод к общественным явлениям. По нашему мнению, скажем прямо, — непозволительно. Но предварительно послушаем еще нашего доброго пастыря, столь великодушно пекущегося о судьбе бога и морального миропорядка.

Если «дух капитализма» является следствием вытеснения из сознания человека любви, то очевидно, что преодоление капитализма возможно путем поднятия в сфере сознания того, что находится в сфере бессознательного в скрытом состоянии. Иначе говоря, необходимо человечеству вернуть утерянную любовь.

Капитализм как экономическая система не породил из себя ни «духа капитализма», ни «денежного духа». Напротив того, говорит Пфистер, лишь после того, как любовь была изгнана, вытеснена из нашего сознания, мог возникнуть ее невротический суррогат, иллюзорный символ подлинной действительности в виде материальных благ, денег и проч.¹ Капитализм может быть преодолен теми же средствами, какими вообще преодолевается навязчивый невроз и его симптомы.

Необходимо прежде всего довести до сознания больного, что его состояние навязчивости, выражающееся в замене настоящей цели, которую он должен бы преследовать, символической, иллюзорной, происходит оттого, что подлинное реальное благо вытеснено из его сознания. Осознав это, больной не будет уже гнаться за фантомами, а обратится к подлинной действительности. Капиталист, например, поймет, что деньги и вообще материальные блага — суета сует и всяческая суета, что они являются лишь

¹ Pfister O. Der seeliche Aufbau des klassischen Kapitalismus und des Geldgeistes. S. 66.

выражением неудовлетворенного желания высших благ, скажем любви; тогда он откажется от эксплуатации рабочих и предастся вселенской любви.

Вы видите, читатель, как просто и легко преодолеть капитализм, если стать на точку зрения фрейдизма. Оказывается, что капитализм — это просто *болезнь*; и во всех учебниках психиатрии подробно описывается ее симптомы и характер. Психоанализ открыл лучший способ лечения ее, а тут все эти «окостенелые» марксисты продолжают держаться за фалды своего учителя Маркса и твердят о классовой борьбе, революции и прочих глупостях. Ну скажите, разве это не самые отсталые люди, которые ровно ничего не хотят знать о новейших открытиях в области... психиатрии...

Итак, ученый пастор видит все зло капитализма и хочет его «преодолеть» путем церковных проповедей о преимуществах любви к ближнему и о пагубности мамманизма. Однако, чтобы не слишком скомпрометировать доброго цюрихского пастора в глазах швейцарских обывателей, необходимо тут же заметить, что он очень и очень далек от каких бы то ни было ниспровергательных намерений. Правда, он громит капитализм, но он вовсе не требует замены его социалистическим строем. Он только стоит за скромность, умеренность и аккуратность. Иначе говоря, он мещанин с ног до головы; он представитель «народа» и заботится об интересах мелкой буржуазии. Поэтому он очень хорошо сознает, что деньги являются не только суррогатом утерянных человеком идеальных ценностей, но и средством для приобретения необходимых средств к жизни, духовных радостей и выполнения высших обязанностей. Поэтому он не против приобретательской деятельности и не против капиталистического строя вообще, а лишь против чрезмерной «навязчивой» переоценки значения денег в ущерб разуму и нравственности.

Психоаналитический метод как средство лечения человечества от «чрезмерностей» капитализма, от «навязчивого невроза» требует при таких условиях усиленной проповеднической деятельности, что вполне соответствует призванию и профессии нашего пастора. Мы охотно допускаем, что он в своих воскресных проповедях, опираясь на свои знания и опыты в области психоанализа, громит распущенность и «чрезмерную» роскошь богатых, требуя умеренности и скромности, возвращения в лоно церкви и христианской морали. Но чтобы «навязчивый невроз» капитализма от его проповедей сколько-нибудь пострадал — мы сильно сомневаемся.

Вполне естественно и по-человечески понятно, что пастор Пфистер и «себя не забывает», что смысл всех его рассуждений о капитализме и испорченности современного человека сводится в конце концов к необходимости вернуться к свободному от вытеснения идеализму, который «отводит человеку надлежащее место в великой целокупности мира, связывая его не только с человечеством, но и с мировым целым и волей творца, как этого требует его сущность и достоинство»¹. Только такой идеализм и в состоянии вывести нас из хаоса современной жизни и указать

¹ Там же. S. 85.

путь к высшим ценностям. «Эгоизм» может быть преодолен только высшей нравственностью и религиозным миропониманием. «Эгоизм» присущ не только капитализму, но и социализму и коммунизму. Христианское миропонимание не является выражением какого-либо определенного социального порядка. Оно одинаково истинно для всякого общественного строя. И так как «эгоизм и жажда наживы, стало быть, капиталистический и денежный «дух» суть *биологические*, а не социологические феномены, то и «лечение» их возможно не посредством изменения общественных отношений, а путем психоаналитических... проповедей, произносимых пастором Пфистером.

В качестве последнего наставления Пфистер выставляет то положение, что «экономическое равенство», требуемое социалистами, вовсе не делает еще человека «другом», товарищем своих ближних. Коммунисты же должны помнить, что общность материальных благ не гарантирует еще достойного человека существования. А посему только *коммунизм религиозно-нравственной любви доставит* человеку истинную свободу, блаженное довольство и вообще достойное существование¹.

II

Мы подробно остановились на «анализе» капитализма фрейдистом Пфистером не потому, чтобы его соображения сами по себе заслуживали от сколько-нибудь внимания; с нашей точки зрения, вся его «философия» — сплошная поповская белиберда. Но дело, читатель, не в Пфистере и не в нашем отрицательном отношении к его благочестивым размышлениям. Вопрос этот гораздо сложнее.

На примере Пфистера мы видим, до каких геркулесовых столбов доходят фрейдисты, когда они начинают применять метод психоанализа к общественным явлениям. С другой стороны, не следует пренебрежительно отнестись к одному Пфистеру и выделить его из среды других фрейдистов. То, мол, Пфистер; за его выступление никто не ответствен. Я уверен, что наши фрейдисты-марксисты будут мной крайне недовольны и выскажут предположение, что именно в целях дискредитирования фрейдизма мы нарочито остановились на писаниях богобоязненного пастора. На это мы им наперед ответим, что Пфистер не последняя спица в их колеснице. Он считается весьма авторитетным психоаналитиком; на его работы ссылается сам Фрейд. Мало того, Фрейд считает его одним из самых «ортодоксальных» последователей своего учения, а работы его снабжает своими предисловиями².

Вот как Фрейд отзывается о нашем авторе:
«Заслуга пастора Пфистера состоит в том, что он первый с энтузиазмом применил анализ и познакомил с ним воспитателей и духовных пастырей.

¹ Там же. S. 84.

² См.: *Pfister O. Die psychoanalytische Methode*, 3. Aufl., 1924.

Ему удалось привлечь к участию в своих научных изысканиях многих швейцарских педагогов. Иные из представителей его сословия как будто разделяют эти убеждения, но из предосторожности предпочитают держаться в тени»¹.

В другом месте Фрейд сообщает, что Пфистер опередил А. Адлера и Юнга в детальном исследовании того, «как материал сексуальных представлений и инцестуозного выбора объекта обращается на образование высших, этических и религиозных интересов человечества»². Таим образом, мы имеем авторитетное заявление самого Фрейда о научных заслугах Пфистера в области психоанализа.

Новое «исследование» Пфистера о капитализме доставит, быть может, ему большую славу ученого в кругах психоаналитиков. Но мы смеем надеяться, что в кругах марксистов его поповская белиберда встретит единодушную оценку. Нам давно уже не случалось читать более *реакционной* (не на словах, а по всему существу) работы, чем это «исследование». Но читатель может, пожалуй, возразить, что все развиваемые автором нелепости и реакционные идеи составляют личное достояние автора и что это обстоятельство еще ровно ничего не говорит против самого *метода* психоанализа. На это возможное возражение мы должны ответить решительным несогласием, ибо мы считаем, что все эти нелепости вытекают именно из учения Фрейда. Это утверждение подкрепляется, между прочим, и тем обстоятельством, что все фрейдисты, пытавшиеся осветить с точки зрения психоанализа тот или иной социальный феномен, неизбежно упирались в запоры, поносы и анальную эротику и прочее.

Само собой разумеется, что общественные явления не могут быть объяснены условиями индивидуальной жизни и биологическими факторами. Между тем как фрейдизм, сколько бы он ни утверждал противоположное, на самом деле все *социальные* феномены сводит к *индивидуальным* биологическим влечениям и факторам. Противоположность между индивидуальной и социальной психологией, с точки зрения Фрейда, действительно исчезает. Индивидуальная психология, по Фрейду, действительно является одновременно и социальной³, но в том смысле, что социальная психология растворяется в индивидуальной. Общественные явления и социально-психологические феномены рассматриваются по аналогии с чисто биологическими явлениями индивидуального организма. Такая постановка вопроса дает возможность фрейдистам вообще и Пфистеру в частности устанавливать зависимости, причинные связи между «жаждой» капиталиста к прибавочной стоимости и навязчивым неврозом, между бережливостью и анально-эротическими компонентами сексуальной конституции лица, как выражается Фрейд.

Мы видели, что, прежде чем приступить к исследованию психологии капитализма, Пфистер занялся подробным изучением своего невротика,

¹ Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. 1923. С. 45–46.

² Там же. С. 68.

³ Freud S. Massenpsychologie und Ich-Analyse. 1921 (имеется русский перевод).

изложением деталей его детской жизни, с тем чтобы показать, как эти переживания детских лет в значительной степени определили будущую его жизнь. Бремя инфантильной сексуальности тяготеет над нами в течение всей нашей индивидуальной жизни, это одно из основных положений учения Фрейда. Но то же самое относится и к человеческому роду в целом. Сексуальная жизнь детства человечества определяет его жизнь и на высших ступенях культуры. Вся история человечества, согласно этому учению, есть не что иное, как борьба различных компонентов сексуальной конституции человека. Это *инфантильно-сексуальное понимание истории и культуры* ничего общего с марксизмом иметь не может. А между тем находятся марксисты, которым очень хотелось бы сосватать марксизм с фрейдизмом.

Итак, выяснив детскую сексуальную жизнь своего пациента, являющегося крупным предпринимателем, и установив таким образом элементы, из которых сложился его характер, Пфистер переходит к объяснению *общественной роли* этого субъекта из тех же самых сексуальных элементов или компонентов. На основании произведенного им анализа над больным невротиком он делает дальнейшее «научное» обобщение, состоящее в сведении *капитализма в целом* к тем же самым инфантильно-сексуальным компонентам. Но такой подход к проблеме капитализма только доказывает, что Пфистер никакого представления не имеет о капитализме как определенной экономической системе; но он не отдает себе даже отчета в том, что следует понимать под *психологией* капитализма. У него нет и намек на *социальную психологию*. Она всецело растворилась в индивидуально-сексуальных «компонентах». Он бы должен был нам показать, в силу каких общественных условий складывается совокупность переживаний, представлений, мнений, идей и настроений у различных общественных классов или групп, в частности у *буржуазии*. Вместо этого нам преподносят сексуальную метафизику, ничего общего не имеющую с социальной психологией.

Мало того, метафизика пола должна нам объяснить самое возникновение капитализма. Сексуальные «компоненты» являются определяющими причинами соответствующей экономической системы, данной формы хозяйства. Если верить Пфистеру, то до Кальвина человечество наслаждалось райским блаженством на земле. Оно вело нормальную и здоровую жизнь. И лишь благодаря кальвинизму, пуританизму и прочим сходным явлениям человечество вступило в патологическую фазу своего развития, которая может быть преодолена лишь средствами «психоанализа». Человечество, и в первую очередь капиталисты, страдают «навязчивым неврозом». Преодоление же «навязчивого невроза» исторически должно выразиться в *возврате к первоначальному состоянию*, когда в жизни людей господствовала религия и нравственность, умеренность, скромность и половое здоровье.

Вся эта «философия» имеет свои корни в психологии и жизни отсталой части мелкой буржуазии, которая постоянно оглядывается назад и мечтает о золотом веке, лежащем всегда позади настоящего. В каждом невротическом

явлении, говорит Пфистер, скрывается анахронизм. Это как нельзя более хорошо характеризует известную часть учения Фрейда. Оставим в стороне вопрос о том, как обстоит дело с этим «анахронизмом» в области невротозов, но что в качестве общего начала, перенесенного на историю, он представляет собою реакционный принцип — это ясно. Путь не подумает читатель, что реакционная и пессимистическая тенденция присуща лично Пфистеру. Нет, она является неизбежным логическим следствием учения Фрейда о *вечном круговороте*, о *регрессивном характере влечений*, о *принципе нирваны* и проч.

Но чтобы читатель не подумал, что мы возводим напраслину на Фрейда, имеющего и среди марксистов так много поклонников, мы позволим себе, несколько предвосхитив план нашей работы, привести из его сочинений несколько любопытных цитат. Так, в одном месте, резюмируя свои рассуждения, он говорит: «Консервативной природе влечений *противоречило* бы, если бы целью жизни было никогда прежде не достигнутое еще состояние. Этой целью, напротив, должно быть старое, *исходное состояние*, которое живые существа раз оставили и к которому они стремятся вновь через всевозможные окольные пути развития»¹.

В другой связи мы подробно остановимся на всех этих «компонентах» учения Фрейда. Но читатель уже видит, что, в сущности, учение Фрейда враждебно эволюции и развитию, что оно не только консервативно, но и реакционно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Фрейд приходит к глубочайшему пессимизму и к оправданию принципа нирваны... Мы, таки образом, неожиданно прибыли в гавань философии Шопенгауэра, говорит в другом месте Фрейд, для которого смерть есть «истинный результат» и постольку цель жизни, а сексуальное влечение — воплощение «воли к жизни»². И наконец, в другом месте он выражается следующим образом: «То обстоятельство, что мы признаем в качестве господствующей тенденции душевной и, может быть, нервной жизни вообще стремление к понижению (*Herabsetzung*), к сохранению постоянства, к уничтожению внутреннего напряжения, раздражения (*принцип нирваны*; по выражению Barbara Low), как оно выражается в принципе наслаждения, является для нас одним из сильнейших мотивов для веры в существование стремления к смерти»³. Приведенных цитат из сочинений Фрейда достаточно для характеристики его мировоззрения вообще и для понимания хода мыслей между прочим, и Пфистера. Наш пастор поступает с точки зрения фрейдизма вполне правильно, когда, опираясь на учение о *регрессивном* характере влечений, из своего «анализа» капитализма делает вывод о необходимости возврата к «исходному состоянию».

Так мелкобуржуазные иллюзии получают свое биологически-метафизическое обоснование в учении Фрейда.

III

¹ Freud S. Jenseits des Lustprinzip, 2. Aufl., 1921. S. 36.

² Там же. С. 49.

³ Freud S. Jenseits des Lustprinzip, 2. Aufl., 1921. С. 55.

Заядлый венгерский реакционер А. Кольнаи выпустил в 1920 г. Книжку под названием «Психоанализ и социология»¹. Книжка издана «Интернациональным психоаналитическим издательством» как специальный томик (№ 9) «Интернациональной психоаналитической библиотеки». Стало быть, ответственность за содержание книжки несет не только автор, но и целая организация психоаналитиков. А между тем «произведение» Кольнаи представляет собой возмутительный пасквиль на марксизм и коммунизм.

Замечательно то, что, в то время как наивные марксисты-фрейдисты склонны видеть в психоанализе материалистическую теорию, патентованные фрейдисты придерживаются противоположного мнения. В полном согласии с Пфистером Кольнаи на первых же страницах своей книжки заявляет, что психоанализ означает «освобождение от материалистического обскурантизма протекших десятилетий»².

В другом месте своей книжки он пишет, что ценность психоанализа состоит в том, что он может быть противопоставлен «хозяйственно-материалистическому мистицизму марксизма»³.

В дальнейшем мы узнаем от Кольнаи, что психоанализ не стоит и не должен стоять вне жизни, что его социальный идеал — это *социал-либерализм*. «Мы полагаем, — пишет он, — что Ференци (другой венгерский фрейдист, о котором Фрейд писал, что он один стоит целого Ферейна. — А. Д.) правильно указал, что психоанализ желает индивидуально-социалистического общества». Что же это, однако, за птица такая, индивидуально-социалистическое общество? На этот вопрос услужливый Кольнаи дает нам вполне явный и определенный ответ. Это не разнузданный анархизм, но и не деспотический коммунизм, а прямая их противоположность, то есть объединение свободного индивидуализма и регулирующего коллективизма, соединение автономии и контроля, общность разделения труда, хозяйственного и духовного развития, договора, справедливости и личности. Если это не совсем вразумительно — а по нашему мнению, это очень даже невразумительно, — то вина лежит не на нас, а на «свободолюбивом» Кольнаи, который слишком уж «свободно» обращается с логикой.

В разъяснение своего политического credo Кольнаи далее сообщает, что «всякая комбинация террора и анархии должна быть отвергнута. Было бы неправильно думать, что психоанализ, хотя он и революционен, одобряет каждую революцию как таковую. Психоанализу известно, что сопротивление отцовскому авторитету, являющееся источником социальных реформ, всегда связано со склонностью к справедливости и рациональности и что он (повидимому, отцовский авторитет? — А. Д.) никогда не становится излишним»⁴.

¹ Kolnai Aurel. Psychoanalyse und Sociologie. 1921.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 64.

⁴ Kolnai A. Psychoanalyse und Sociologie. С. 68–69.

Поэтому для нашего социал-либерала неприемлемы, как он выражается, ни «красная разруха», ни «черная реакция», но и не формальная буржуазная демократия, как он спешит прибавить. Одним словом, под пером нашего социал-либерала психоанализ превратился в политическое реакционное течение.

Г.Кольнаи, опираясь на открытия Фрейда, устанавливает далее, что в состоятельных семьях среди больных преобладают *невроты*, а среди несостоятельных — преобладают *психозы*.

Все эти «открытия» нам помогут в дальнейшем при анализе «анархо-коммунизма», что составляет главную цель работы Кольнаи. Автор ставит себе целью доказать *регрессивный характер* «анархо-коммунистического» комплекса. «Прежде всего заметим, — говорит он, — что анархо-коммунизм отличается в сильной степени гедоникой блаженства, что он видит свою конечную цель в рае на земле, а современное общество стремится разрушить до основания. Там, где он достиг власти (тонкий намек на Советскую Россию и Венгрию. — *А. Д.*), он внес полную дезорганизацию и означает возврат к более примитивным формам»¹.

Достаточно подготовив, таким образом, читателя к восприятию его реакционных идей, Кольнаи переходит к своей основной задаче — к анализу «анархо-коммунизма» с точки зрения фрейдизма.

Но что такое «анархо-коммунизм» в изображении Кольнаи? Для ответа на этот вопрос Кольнаи, естественно, считает нужным обратиться к основным понятиям психоанализа. Но с самого начала уже мы узнаем, что под «анархо-коммунизмом» следует понимать *марксизм и всякое социалистическое движение* вообще. А в дальнейшем воспоследует углубление понятия марксизма и коммунизма с точки зрения фрейдовской сексуально-биологической метафизики.

Итак, анархизм требует не только уничтожения власти, но и всяких законов, правил и ограничений, говорит Кольнаи. Коммунизм же означает не только максимум социального сотрудничества, но и «непосредственное душевное слияние всех индивидов». Анархизму и коммунизму наш конфузионист противопоставляет свой социал-либерализм или «персональный коллективизм» — общественный строй, в котором *господствует свободная конкуренция* и «чистая собственность труда».

Между анархизмом и коммунизмом, продолжает наш «исследователь», существуют общие черты. Оба одинаково отвергают частную собственность (какой ужас!) и государственную организацию (час от часу не легче!). Но ужаснее всего то, что оба эти направления ждут «спасения мира» от всеуничтожающего восстания угнетенных. Правда, коммунистическое движение наших дней наталкивается на социал-демократическое движение, которое имеет *коллективистическую* окраску, но и социал-демократия, видите ли, также не отказывается от *конечной цели коммунизма*. При всех реалистических, демократических, государственных и

¹ Там же. С. 87.

индивидуалистических тенденциях социал-демократии в ней все же имеются «существенные элементы коммунистической и пролетарской установки».

Теперь мы уже достаточно просвещены насчет «преимуществ» социал-либерализма перед анархизмом и коммунизмом и имеем возможность под руководством Кольнаи проникнуть глубже в сексуальную метафизику Фрейда, которая призвана осветить «сущность» этих явлений и доказать их пагубность.

Мы уже знаем, что анархизм и коммунизм стоят на почве революции. Но что такое революция? Вряд ли читатель себе отдает отчет в том, что «прообразом всякой революции является восстание против отца». Тут выступает на сцену фрейдовский отцовский комплекс, который должен свидетельствовать о *регрессивном характере* всякой революции. Таким образом, с точки зрения Кольнаи, речь может идти всегда лишь о реформах в рамках существующих отношений, не свергающих власть отца, а видоизменяющих ее. Всякая революция объявляется *регрессом*. Этому учит новейшая «психология глубин».

Если революция означает уничтожение власти отца и возврат к власти матери, то анархизм, стоящий на почве революции, есть не что иное, как *социальная проекция Uterus'a*. Вот какие ценные открытия делаются фрейдистами!

В обоснование этого открытия, которое должно, по-видимому, сыграть большую роль в области социологии, приводятся следующие соображения. Братский клан имеет два конкретных центра сгущения: один из них — мать, от которой братья ведут свое происхождение и в «лоно» которой они хотели бы снова вернуться; второй центр сгущения образует отец, который не дает сыновьям возможности осуществить их цель и который над ними господствует. На него обращена их ненависть.

Анархизм представляет регрессию на эту установку, ибо его идеалом является братство, то есть общая «утеринальная интроверсия». Регрессивное желание братского клана составляет сущность анархизма. Эротика, которая образовалась среди братьев, представляет собою не что иное, как осадок неудовлетворенного инцестуозного желания при сохранении инцестуозного принципа. Братья видят в господстве отца препятствие к удовлетворению своих стремлений, и поэтому их ненависть направляется на него. Братья или сыновья убивают отца, но оказывается, что после совершенного ими убийства отца они цели своей не достигли и убедились, что без отца жизнь невозможна. Отцовская власть поэтому снова необходимо восстанавливается.

Отсюда, собственно говоря, следует ни более ни менее как то, что анархисты в стремлении к осуществлению своего идеала на самом деле обнаруживают инцестуозные желания, объектом которых является *мать*. Естественно, что, узнав от Кольнаи и его учителя Фрейда об истинном скрытом от них смысле своих стремлений, анархисты устыдятся и станут паиньками, добрыми мирными гражданами, тем более что, согласно психоанализу, восстановление отцовской власти неизбежно.

Я не намерен развивать в подробностях эту нелепую и реакционную теорию, претендующую на научность и опирающуюся якобы на факты. Я готов допустить, что в первобытном обществе действительно имели место те события, которые описываются Фрейдом как в его сочинении «Тотем и табу», так и в других работах. И тем не менее психология и теория анархизма ничего общего с этой реакционной болтовней не имеют. Нам думается, что психология и теория анархизма диктуются не переживаниями первобытной эпохи, а условиями жизни современного капиталистического общества.

Кольнаи же, опираясь на учение Фрейда — *регрессивный характер* влечений индивидуума, — стремится доказать, что в душе анархиста живут *атавистические* инстинкты первобытного человека. У Кольнаи, как и у Пфистера и других фрейдистов, мы видим все те же тенденции: переживания современного человека объясняются из какого-нибудь «комплекса» первобытной, доисторической эпохи. Комплекс этот отличается неизбежно *сексуальным* характером. А желания и стремления современного человека направлены всегда к восстановлению давно отжившего состояния, вытесненного в силу культурного развития из сознания, но всегда актуального в сфере бессознательного. Индивидуальные переживания переносятся затем на целые общественные группы или классы, так что в результате оказывается, что классовая или групповая психология также сводится к атавистическим сексуальным компонентам.

Эта новая, крайне реакционная теория весьма выгодна и полезна для господствующих классов современного буржуазного общества, она якобы «научно» обосновывает пагубность анархизма, изображая, к удовольствию всех буржуа и мещан, его последователей какими-то первобытными зверями. Во всей этой теории, с нашей точки зрения, нет ни грана «социальной психологии», чем так гордятся фрейдисты. Социальная психология может быть научно обоснована только на почве марксизма, исходящего из того положения, что общественное бытие определяет общественное сознание. В целях обоснования и объяснения психологии современных классов и общественных групп фрейдисты тащат нас постоянно назад, к ветхому Адаму с его сексуальными желаниями. С нашей же точки зрения, психология групп и классов складывается на почве *данных общественных отношений*, как ни сильны бывают в психике человека пережитки старины. Впрочем, к вопросу о социальной психологии нам придется вернуться еще в другой связи, пока же вернемся к Кольнаи.

Нам будет особенно интересно ознакомиться с его социально-психологической интерпретацией *марксизма и коммунизма*. «Угрожающий современной цивилизации марксистский коммунизм, — говорит Кольнаи, — будучи в отношении конечно цели анархистическим, признает вместе с тем государственное насилие, милитаризм и догматизм как средства употребления которых рассчитано на годы и десятилетия». Ленин, продолжает автор, усвоил марксовско-энгельсовскую теорию государства, согласно которой всякое государство представляет собою механизм господствующего класса для эксплуатации и угнетения народных масс.

Пролетариат, учит Ленин вместе с Марксом и Энгельсом, должен завоевать власть и использовать государственный механизм для полного уничтожения системы эксплуатации и угнетения, в результате чего государство исчезнет, рассказывает с ужасом гр. Кольнаи своим читателям. Но если это так, если конечная цель анархизма и марксовского коммунизма одна и та же, то какая между ними разница? — спрашивает Кольнаи. Разница заключается лишь в том, разъясняет он, что марксовский коммунизм «методичнее, научнее и менее импульсивен, чем анархизм». Общественным носителем коммунизма является пролетариат, который вследствие производственной функции своей больше связан с техникой, хозяйством и вообще действительностью. Коммунизм так же *регрессивен*, как и анархизм, но его регрессия кажется менее крайней. Он так же разумеется, враждебно настроен *против отца*, но эта враждебность кажется менее острой.

Коммунисты стоят на точке зрения диктатуры пролетариата, но пролетарская диктатура, осуществляемая коммунистами, не является диктатурой пролетариата над буржуазией, а диктатурой вождей против самого пролетариата. Наивный читатель может, пожалуй, поверить Кольнаи, что он против буржуазии и заботится о пролетариате, защищая его от ненавистных коммунистов. Но неловкость и неопытность немедленно выдают автора с головой. *Частная собственность*, спешит он прибавить, гарантирует независимость и автономию индивидуума, между тем как коммунизм уничтожает эту основу всякого общества.

Опираясь на авторитет фрейдиста Лоренца¹, Кольнаи объявляет, что коммунистическое движение стоит под знаком гомосексуальной эротики. Доказательством этого глубокомысленного открытия является объединяющий рабочих лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В этом лозунге выражаются, стало быть, эротические стремления рабочих... идеалом же, то есть конечной целью коммунистического движения, является *чистый принцип материи*. Для того чтобы сделать понятным для читателя этот психоаналитический бред, мы, к сожалению, вынуждены последовать за Кольнаим в его дальнейших, столь же «научно» обоснованных, как и предыдущие, рассуждениях. Анархизм, как помнит читатель, Кольнаи рассматривает как социальную проекцию Uterus'a. В отношении коммунизма он делает маленькую уступку, не меняющую, впрочем, существа дела. Пролетарии-братья, в сущности, также стремятся к овладению матерью и к свержению отца. Коммунистический принцип — это к тому же *инфантильный принцип*, ибо только *дети* удовлетворяют свои потребности без всякого отношения к исполненной ими работе. Но именно этот принцип коммунисты кладут в основание нового общества...

Кольнаи не согласен с другим фрейдистом, П.Федерном, который в уничтожении частной собственности видит прогрессивное начало, так как оно ведет к преодолению власти отца. Под отцовским принципом надо понимать всякое авторитарно начало, которое, сублимируясь, приняло

¹ См. его работу: *Der politische Mythos*, 1920; отд. изд. вышло в 1923 г.

разнообразные формы в современном обществе: власть короля, капиталистов и проч. Характерно, что некоторые социал-демократы ухватились за отцовский комплекс и готовы воспользоваться им в целях укрепления авторитета профсоюзных и партийных вождей, которые якобы заменяют собою рабочим отца.

Без отца никак невозможно, вопит Кольнаи. Восстание против «отца», то есть против королей, царей, помещиков и капиталистов, означает не прогресс, а регресс. Оставляйте власть «отцов» в неприкосновенности, продолжает вопить Кольнаи, ибо всякая попытка свержения власти отца — преступление перед культурой и прогрессом. Впрочем, утешает себя наш автор, психоанализ доказал, что власть отца восстанавливается неминуемо и неизбежно. Правда, Кольнаи готов допустить (не шутите, он человек передовой!), что в современном обществе отцовский принцип часто враждебен прогрессу, тем не менее «никакой силлогизм не может заставить нас признать, будто прогресс состоит в разрушении отцовского принципа». Победа братской орды над отцом, то есть победа коммунизма и уничтожение частной собственности, означает возврат к первобытной орде. Отсюда наш автор делает отрадный для современных «отцов» вывод, что «коммунизация» собственности, как он выражается, представляет регрессивное явление; прогресс же возможен лишь на почве частной собственности. Обществу, основанному на *братстве*, он противопоставляет *общество отцов*.

Пролетариат, продолжает Кольнаи, сам проникнут классовым эгоизмом и маммонизмом, что выражается в его приверженности к историческому материализму и в его равнодушии к сельскому хозяйству... В борьбе с марксизмом и коммунизмом наш архиреакционер и крайне невежественный в вопросах философии и социологии литератор не пощадил даже Гегеля, который, уже во всяком случае, не повинен ни в материализме, ни в коммунизме. Однако за Гегелем водится огромный грех, которого не могут ему простить реакционеры. Это его диалектика, оказавшая столь «пагубное» влияние на Маркса, сумевшего сочетать ее с материализмом. Система Маркса нашему автору очень не нравится, и он не скупится по ее адресу на крепкие слова, но надо правду сказать, что он в ней абсолютно ничего не понял.

Мистический материализм Маркса, говорит он, видит во всем исключительное стремление к власти класса. Марксизм рационалистичен, что также не нравится Кольнаи, хотя, с другой стороны, он же подчеркивает якобы аффективный характер марксизма. Сам Кольнаи не способен свести концы с концами, поэтому он приписывает марксизму все те противоречия, которые он сам по своему невежеству и тупоумию сконструировал. «Спасение мира рабочим классом, — говорит он, — вызывает в памяти мотив об освободительной роли и великом счастье младшего брата; оно означает желание побежденного отцом сына овладеть матерью». Нам сдается, что сам автор не отдает себе отчета в своей болтовне. Но дело тут не в логике и не в Кольнаи. Взявшись за гуж, не говори, что не дюж. Раз мы уже занялись Кольнаим, то посоветуем читателю набраться храбрости и терпения

и выслушать его последние «откровения». Ибо все, что говорилось до сих пор, имело целью подготовить читателя к последнему и заключительному аккорду.

Итак, слушайте, читатель. Марксизм представляет собою *параноидную конструкцию*. Он отличается всеми характерными признаками паранойи: исключительным подчеркиванием «я», которое, однако проецируется на безличного Молоха — на хозяйство. С этим же связано техническое значение машины и преждевременное разрушение «я» пролетария. К параноидным «симптомам» относятся также, как известно, *мания величия и мания преследования*. Всеми этими психическими болезнями страдает пролетариат, и этими же элементами проникнута и идеология пролетариата — марксизм, что выражается, например, в учении об *эксплуатации буржуазией пролетариата*. Мания преследования, которой страдает пролетариат, идет так далеко, что все государственные учреждения, религия, мораль и прочее рассматриваются марксизмом как орудие эксплуатации пролетариата. Это еще не все.

Кольнаи в своей безграничной тупости и бездонном невежестве объявляет, что марксизму присущ *бред равности*, ибо известно, что все попытки социального оздоровления истолковываются марксизмом, как стремление эксплуататоров соблазнить и одурачить рабочих. Острая диалектика в такой же мере присуща марксизму, как и параноикам. То же самое относится к догматизму марксизма и некритическому скептицизму его в отношении других учений. Но и это еще не все. Кольнаи не может удовлетвориться одной паранойей. Он вошел во вкус; в своей ненависти к марксизму и рабочим этот тупоумный писака не знает меры, марксизм под конец трактуется как *социальный психоз*. Само собой разумеется, что марксизм и коммунистическое движение, как мы уже указали, представляют собой регрессивные явления. Кольнаи готов лишь сделать исключение для ревизионизма Бернштейна, который *«почти лишен регрессивного характера»*, и для социал-демократии, *поскольку* она готова вести совместную работу с *буржуазной демократией* и отказаться от *конечной цели*. Зато уж никакой пощады не заслуживает большевизм или ленинизм, в котором наш черносотенец видит просто *острую форму психоза*. Не будем останавливаться на характеристике большевизма, которая в общем ничем не отличается от характеристики марксизма. Естественно, что в глазах Кольнаи большевизм означает поистине светопреставление. Большевизм ведет прямым путем к восстановлению первобытной орды (всеобщее братство). Он отрицает всякое писаное право, применяет насилие и утверждает деспотизм; он отвергает семью, питает симпатии к красному цвету, плохо обращается не только с *отцами* (капиталистами), но и с купцами, которые не являются ни «отцами», ни «сыновьями». И проч. Словом, грехов у большевизма много, очень много. Их не перечить, особенно если вспомнить, что за большевизмом числятся еще такие преступления, как обязательное употребление в общении с гражданами слова «товарищ». Но довольно, и перечисленных «преступлений» вполне достаточно.

Читатель, наверное, недоумекает по поводу того, что мы уделили глупому и злостному пасквилю Кольнаи на марксизм и коммунизм столько внимания. Ведь очевидно для всякого, что тут мы имеем дело с человеком, которому в самом деле место в психиатрической клинике. Но «в защиту» нашего автора я должен сказать, что он не одинок, что махровые цветы его квазинаучного исследования растут на почве фрейдизма и что, в сущности, все социологические работы фрейдистов носят такой же характер. На примере Кольнаи только ярче всего видно, к каким «плодотворным» результатам приводит применение метода психоанализа к общественным явлениям.

IV

До сих пор мы имели дело с двумя реакционными писателями, и мы видели, к каким мудрым выводам они приходят относительно сложнейших вопросов общественной жизни. Мы считаем, что их реакционные и нелепые, по существу, идеи коренятся в самом учении Фрейда. Было уже указано на *регрессивный* характер влечений в учении Фрейда, на его закон вечного повторения, на влечения смерти и проч. Что дело тут не в реакционных и в поповских настроениях какого-нибудь Пфистера или Кольнаи. А в самом существе учения Фрейда — покажет нам специальный очерк, который мы намерены посвятить изложению Философских основ мировоззрения основателя психоанализа. Настоящий же очерк мы считаем необходимым закончить изложением точки зрения другого фрейдиста, П.Федерна, на революцию. Этот автор там интересен, что он по своим *личным* воззрениям примыкает как будто к левому флангу. Посмотрим же, как Федерн изображает то общественное явление, которое называется революцией.

Революция означает для него, прежде всего, крушение всех авторитетов. В результате мировой войны в целом ряде стран вспыхнули революционные движения. Революционный радикализм нашего времени, говорит он, нашел свою организационную форму в Советах рабочих и солдатских депутатов. Советы противостоят парламентам, являющимся органами авторитета. Революционной жажде свободы соответствует только советская организация, на почве которой должна разыгрываться социальная и политическая борьба. Но ту же Федерн забегает вперед и предупреждает, что эта борьба «на почве советской организации» должна повести к победе демократии над диктатурой пролетариата. Советская организация должна представлять собою вторую палату наряду с низшей палатой. Эта вторая палата являлась бы «манифестом» или символом перехода власти от капитализма к социализму¹.

Старый господский порядок покоится на насилии. Он поддерживается полицией и войском. *Страх* перед возможным насилием вызывает в каждом отдельном человеке рабский образ мыслей, которым и характеризуется старый порядок. Помимо чувства страха, в человеке создается социальное

¹ *Federn P. Zur Psychologie der Revolution: Die vaterlose Gesellschaft. 1919. S. 5.*

чувство благоговения перед существующими учреждениями, перед законом, перед авторитетами и проч.

Так как во всех этих случаях в образовании такого «умонастроения» действуют стадные инстинкты. Подражание и внушение, то спрашивается, какие конкретные чувства зависимости вызываются подражанием и внушением в господском или отцовском обществе нашего времени. На этот вопрос Федерн дает, ответ в духе фрейдизма, что основой всякого уважения перед авторитетом является *отношение ребенка к отцу*.

Современное общество покоится уже тысячелетия на базисе патриархального авторитета. В семье, этой первой ячейке общества, носителем авторитета и власти является *отец*. Естественно, что в обществе человек ищет *заместителя отца* и находит его в лице священника, учителя, короля и проч. Первоначальным идеалом ребенка является отец; впоследствии его место заступают, таким образом, носители власти — полицейский, любой чиновник и, наконец, король. Подданные короля суть его дети или сыновья. Таким образом, государство, по аналогии с семьей, состоит из отца, матери и детей.

Эта глубокомысленная философия дает нам далее «ключ» к разрешению всех вопросов, связанных с революционным движением. Вследствие дурного обращения отца с детьми, чувства ревности последних к матери и т.п. в ребенке пробуждаются отрицательные тенденции. Отец вызывает в ребенке чувство ненависти, которое бессознательно переносится на социальные учреждения. Враждебное отношение к отцу определяет, таким образом, оппозиционное направление данного субъекта («ребенка») в политике. Мирабо стал вождем революции, поясняет свою мысль наш автор, вследствие его враждебного отношения к своему отцу. Отсюда следует мораль, что все революционеры испытывают ненависть или вражду к своим отцам, чем и определяется их враждебность по отношению к королям, власти и существующим учреждениям, воплощающим в себе отцовскую власть.

Мы видим, что Федерн, как и все фрейдисты, для объяснения революции апеллирует к *инфантильным* переживаниям и к *бессознательному*. Восставая против существующего порядка, против эксплуатации и угнетения, которые очень хорошо *осознаются* рабочие, если верить фрейдистам, на самом деле восстают *бессознательно* как дети, против «авторитета» из вражды к *своему отцу*. Не испытывай рабочий неприязни к своему отцу, он бы никогда не стал в оппозицию к существующему социальному строю и с «любовью» переносил бы все страдания, выпадающие на его долю в современном обществе.

Мы одинаково отвергаем как *переоценку бессознательного и принижение сознания*, так и стремление вывести революционное настроение из инфантильных переживаний, из «установки» ребенка к отцу. Рабочие прекрасно сознают свои реальные интересы, механику эксплуатации и связь их с политическим строем; они хорошо *сознают* значение классовой борьбы и отдают себе отчет в той роли, которую играет «глава государства» и проч. Апелляция к *бессознательному* в постановке фрейдистов означает

принижение роли сознания в жизни людей. Рабочие не видят ни в капиталистах, ни в королях *своих отцов*. Они видят в них своих *угнетателей*, что вытекает не из вражды к своим отцам, а из вражды к своим классовым врагам. Господствующие классы действительно рассматривают себя как «отцы» народа, и эту *идеологию* они стремятся в целях угнетения навязать «низшим» классам, проповедуя подчинение как небесному, так и земному отцу.

Уверение Федерна в том, что буржуазный строй держится на «страстной, бессознательной, детской интенсивной» жажде отцовского или сходного с ним авторитета, решительно ни на чем не основано. Жажда — страстная и далеко не бессознательная — авторитета присуща определенным группам, то есть господствующим классам всякого общества, распадающегося на классы. Ибо на силу авторитета опирается в значительной степени и прочность данного строя. Господствующие классы сознательно окружают ореолом одного какого-либо представителя своего класса и культивируют чувства преданности, зависимости и рабского подчинения по отношению к этому носителю мощи и авторитета класса в целом. Но вся эта психологическая и идеологическая надстройка чувств, переживаний и идей вовсе не имеет своим источником «эдиповский комплекс», а экономические формы зависимости, которые определяют психологическую установку человека.

Федерн совершенно неправильно исходит, по-видимому, из того, что семья предшествует родовому союзу, между тем как на самом деле кровный родовой союз предшествовал семье. Патриархальная семья возникла из разложения родового строя под влиянием земледелия и рабства. «Первобытный человек не знал отца как данного индивидуума, — говорит совершенно правильно Плеханов. — Словом «отец» обозначался у него каждый член его кровного союза, достигший известного возраста. Поэтому у него не могло быть сыновней обязанности в нашем смысле. Чувство этого рода, заменялось у него сознанием солидарности со всем кровным союзом»¹. Разложение родового строя ведет к образованию семьи, с одной стороны, и государственной организации — с другой. «Раз возникло правительство, — продолжает Г. В. Плеханов, — возникают известные отношения между правящими и управляемыми. За правящими признается обязанность заботиться о благосостоянии управляемых; за управляемыми признается обязанность подчиняться правителям. Кроме того, там, где существуют определенные законы, естественно, существуют также их профессиональные охранители: законодатели и судьи. И все эти отношения между людьми получают свое фантастическое выражение в религии. Боги становятся небесными царями и небесными судьями»².

Отношения между человеком и человеком в различных общественных организациях определяют психологическую установку индивидуума, весь

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения. Т. XVII. С. 226.

² Там же.

строй его чувствований, настроений и представлений, стало быть, и религиозные верования. «Отношения между богом и человеком, — говорит Плеханов, — сначала напоминают отношения, основанные на взаимном договоре или, вернее, на кровном родстве». Фрейд и его последователи исходят из того, что первобытной формой человеческого общества была орда, в которой неограниченно властвовал сильный самец¹... Фрейд полагает, что судьба этой орды оставила «неразрушимые следы» в человеке и что «развитие тотемизма, охватывающего зачатка религии, нравственности и социального расчленения, связано с насильственным убийством вождя и превращением отцовской орды в братскую общину». Все эти рассуждения и гипотезы довольно любопытны. Достаточно подчеркнуть, что судьба первобытной орды оставила *неразрушимые* следы в человеке, несмотря на столь продолжительную историю человеческого рода.

Индивиды первобытной орды, говорит далее Фрейд, стояли очень низко. Они были во всем связаны, но отец орды был свободен. «Его интеллектуальные акты были сильны и независимы даже в своей обособленности, его воля не нуждалась в усилении другой волей... На заре истории человечества он был *сверхчеловеком*, которого Ницше ожидал лишь в будущем»².

Я не буду излагать дальше теорию Фрейда, которая кажется нам неприемлемой в силу целого ряда соображений. Достаточно указать на то, что, по Фрейду, «сексуальная ревность и нетерпимость отца стали в конечном итоге причиной массовой психологии». Совершенно непонятно, откуда брался этот сверхчеловек, если вся орда состояла из индивидов очень низкого уровня. «Первобытный отец мешал своим сыновьям в удовлетворении их прямых же сексуальных стремлений; он принуждал их к воздержанию и вследствие этого к эмоциональной привязанности к себе и друг к другу». И этот тезис кажется нам ни на чем не основанным, произвольной гипотезой. Но что любопытнее всего — это то заключение, которое делается Фрейдом относительно психологии масс вообще: «Масса кажется нам вновь ожившей первоначальной ордой. Подобно тому как первобытный человек может ожить в каждом индивиде, так и из любой человеческой толпы может быть воссоздана первобытная орда». «Вождь массы все еще является первобытным отцом, которого продолжают бояться; *масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть; она страстно жаждет авторитета, она жаждет, по выражению Лебона, подчинения*»³.

Итак, масса изображается в отрицательных и непривлекательных тонах. Фрейд видит в ней первобытную орду, которая «жаждет» неограниченной власти, «жаждет» подчинения и проч. Она, словом,

¹ См.: S. Freud. Massenpsychologie und Ich-Analyse. 1921, а также его же «Тотем и табу». Госиздат, 1924.

² Там же. С. 103 (ср. русск. перев. С. 72).

³ Freud S. Massenpsychologie und Ich-Analyse. С. 111.

стремится к восстановлению власти первобытного отца, который, по уверению того же Фрейда, никогда не может быть забыт¹.

Мы не можем согласиться с фрейдовской психологией масс. Достаточно указать на то, что Фрейд считает в этой области крупнейшим авторитетом Лебона, который проникнут тупой ненавистью к социализму и народным массам. Его психология масс и социализма продиктована этой ненавистью. Даже проф. Фишер вынужден признать, что учение о коллективной «глупости» людей является устарелым и его нельзя уже принимать без критики².

Старая «психология масс» проникнута господским взглядом на «толпу» и просто реакционна, хотя в ней имеются и кое-какие верные наблюдения. К сожалению, мы лишены возможности остановиться в этой статье более обстоятельно на вопросе о психологии масс, классов и групп.

Утверждение Фрейда, что всякая масса «жаждет», чтобы ею управляла неограниченная власть, что она «жаждет» отца и «подчинения», свидетельствует и о его «господских» настроениях. Этот тезис мы рассматриваем как отрывку господской психологии, господского пренебрежения к массе. Фрейд не проводит разницы между отношениями *господства*, покоящимися на насилии, и между отношениями, базирующимися на свободном *убеждении* и принимающими форму свободного выбора вождя и руководителя. В обоих случаях действуют различные факторы и условия, и поэтому нет никакого основания апеллировать постоянно к первобытному отцу. Вождь партии или определенного идейного направления ничего общего не имеет ни с первобытным отцом, ни с господином, ибо его «власть» покоится не на насилии, а на убеждении и на общности взглядов, выразителем и представителем которых он является. Но об этом в другой раз.

Апелляция к первобытному отцу, которого человек «никогда не может забыть», означает возврат, регресс, которого человечество якобы не может избежать. Мы уже подчеркнули то обстоятельство, что Фрейд начинает историю человечества именно с «первобытного отца», по-видимому, для того, чтобы доказать необходимость вечного возврата к нему. На протяжении истории человечества «всякое бывало»; первобытный отец был убит сыновьями; на смену патриархальной орде пришел братский клан, который в свою очередь был сменен другими общественными формами, и тем не менее *тоска по отцу* как некая тяжелая форма наследственности якобы не может быть изжита.

Мы уже знаем, что патриархальная орда, во главе которой стоял суровый отец, принуждавший сыновей к воздержанию, была ими свергнута. Сыновья собрались однажды вместе, рассказывает Фрейд, убили отца и растерзали его, образовав братский клан. «Но недовольство создавшимся положением осталось и стало источником новых перемен. Люди, связанные в

¹ Там же. С. 128.

² Handbuch der vergleichenden Psychologie herausgeg. von Gustav Kafka. T. 2 (Fischer. Psychologie der Gesellschaft. С. 416).

братскую массу, постепенно приблизились к воссозданию старого положения на новый лад; мужчина опять стал главой семьи и перестал признавать господство женщины, установившееся в том период времени, когда не было отца»¹. В другом месте Фрейд указывает на то, что «социальные завоевания братского клана не погибли, и фактическое различие между новыми отцами семейств и неограниченным праотцем орды было достаточно велико, чтобы обеспечить продолжение существования религиозной потребности, сохранить неудовлетворенную тоску по отцу»².

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что, по Фрейду, вся мировая история вращается вокруг «неудовлетворенной тоски по отцу». С точки зрения философии фрейдизма Кольнаи прав, отстаивая привилегии «отцов», то есть капиталистов и королей, и видя в анархизме и коммунизме нечестивое покушение сыновей на «мать» или стремление восстановить братский клан, связанный с *убийством отца*.

Но так как Федерн не хочет погрязнуть в реакционном болоте Кольнаи, так как он, видите ли, человек «передовой», то он делает попытку иначе истолковать «взаимоотношение сыновей и отца». Но как бы он ни старался, ничего путного выйти из его стараний не может по той простой причине, что самая постановка вопроса принципиально совершенно неприемлема.

Федерн также изображает дело таким образом, что король является для подданных отцом. Первобытная тоска по отцу в современном обществе находит свое выражение в признании короля отцом. Несмотря на критику сознания и разума, потребность в отце продолжает жить в бессознательном, которое сильнее всех доводов рассудка. Разум бессилен против бессознательных влечений и стремлений. Целые тысячелетия человечество знало лишь организации с отцовской властью, говорит Федерн в духе Фрейда. Неоднократно на протяжении истории *отцовские организации* свергались и их место занимали *братские организации*. Но надо сказать, что последние не удерживались и человечество снова возвращалось к патриархальной организации. Но так как Федерн — социалист, то он все же полагает, что *не исключена возможность того, что братская организация когда-нибудь победит*. Однако, зная, что настоящие корни патриархального строя лежат в бессознательном, Федерн, естественно, требует терпимого и либерального отношения к монархистам, клерикалам и буржуазии за их антиреспубликанские убеждения, которые не вытекают из определенных классовых интересов, а из *биологического* наследства, которое каждый человек несет в бессознательном.

Война вызвала среди народа, то есть среди сыновей или детей короля-отца, чувство разочарования. Самое объявление войны, говорит Федерн, для многих означало разрушение связи детей с отцом, ибо ни один отец не может позволить убийства детей, разве лишь в крайних случаях необходимой защиты *матери*, то есть родины. Ослабление связи между детьми и отцом

¹ Freud S. Massenpsychologie etc. S. 125; русс. пер. С. 87.

² Фрейд З. Тотем и табу. С. 158.

повлекло за собой падение императоров и королей (в России, Германии, Австралии), которые не оказались в состоянии защитить мать от насилия. Низвержение отцов поставило детей в тяжелое положение; они оказались без отца, бедными сиротами. Но социал-демократы спасли положение тем, что задолго до войны стремились удовлетворить идеальную потребность детей в отцовской привязанности. Вождь партии являлся идеальным отцом для ее членов. Если революция в немецкой Австрии, говорит Федерн, не приняла хаотического характера, то этим счастьем мы обязаны Виктору Адлеру, на которого каждый член партии смотрел *«почти сознательно» как на отца своего.*

Вспыхнувшие в целом ряде стран в связи с мировой войной революции представляют собою не что иное, как *повторение первобытных восстаний против отца*¹. Такие революции могли бы в случае успеха иметь большое освободительное значение для человечества, говорит «радикально» настроенный автор. Но дело в том, что, свергнув отца, многие стали «абсолютными противниками отца», вследствие чего они воспротивились всякой дисциплине и всякому порядку. До сих пор «порядок» покоился на привязанности детей к отцу, на отцовском авторитете, сдерживавшем и скреплявшем все общественные связи. С устранением отцовского авторитета общественная жизнь приняла совершенно иной вид: исчезло миролюбие, понизилась работоспособность людей, взаимная помощь и проч. в человеческой душе сохранилась первобытная связь между отцом и детьми, состоящая в том, что дети уживаются друг с другом, *только подчиняясь отцовской дисциплине и из страха перед отцом.* Так поет наш радикальный на словах, но крайне реакционный на деле «социалист» Федерн. Я спрашивают читателя, чем отличается эта философия революции и истории от той *феодальной* дворянской идеологии, имеющей еще своих последователей и в наше время среди самых отсталых групп и реакционных классов, — идеологии, по которой царь или король являются отцами народа, подвластный же народ — *детьми*, обязанными дрожать в страхе перед отцом, царем-батюшкой, и во всем ему подчиняться. На примере Федерна, который субъективно настроен прогрессивно, мы снова убеждаемся, что «новейшая психология глубин» Фрейда проникнута крайне реакционными элементами. Революционная фразеология Федерна несколько не может скрыть от читателя реакционной сути фрейдовской концепции.

Последуем, однако, за нашим автором до конца. Итак, потеря отца, крушение отцовского авторитета в глазах «детей» влечет за собою чувство неуверенности и заставляет «детей» прибегать к насилию и террору, которые являются выражением их слабости и неуверенности.

Одним из характерных признаков современных революций является тенденция, направленная против собственности. Но в бессознательном, говорит Федерн, отцы остались носителями собственности... Отцу принадлежит весь мир. И подобно тому как в доисторические времена

¹ P. Federn. Zur Psychologie der Revolution: Die valerlose Gesellschaft. 1919. S. 22.

братский клан, освободившись от страха перед отцом, набрасывался на его имущество с целью его присвоения, так и ныне благодаря падению патриархального авторитета собственность лишилась своего «душевного покровительства». Однако Федерн не является защитником собственности. Напротив того, он считает, что движение, имеющее своей целью превратить частную собственность в коллективную, является прогрессивным. Оно знаменует собою переход к *братскому принципу*. Как видит читатель, Федерн радикально настроен. Он даже симпатизирует советской России, в которой видит первую попытку построения нового общественного строя. И тем не менее его взгляды, как уже нами неоднократно отмечалось, проникнуты реакционными тенденциями. Его прогрессивные требования идут вразрез с той теорией, которой он придерживается. В самом деле, в большевизме автор видит «*первобытную* тенденцию человечества к новому порядку».

Бессознательная установка по отношению к отцу решает и вопрос о выборе человеком партии. «Спартакисты» в Германии (книжка Федерна написана в 1919 г.) питают инстинктивную ненависть против всего того, что напоминает им об отцовском авторитете. В них живы унаследованные от *первобытной* жизни побуждения. Новый общественный строй, который должен быть построен на «братском принципе», должен преодолеть в душе человека огромные препятствия. Ибо отцовская установка *унаследована* от первобытной эпохи человечества и связана теснейшим образом со всеми личными отношениями, соотношениями человека к матери, женщине, собственности, религии и проч. Вся совокупность отношений людей в обществе определяется отцовским комплексом». Отсюда получается и своеобразное учение о партиях. Принадлежность лица к той или иной партии определяется его отношением к отцу. Первобытный отец так крепко засел в душе человека, что его невозможно забыть, как уверяет Фрейд. А Федерн, следуя своему учителю, с одной стороны, утверждает, что отцовская установка составляет первобытное наследство человека, но, с другой стороны, он полагает, что братский принцип, хотя и с большими, почти невероятными трудностями, может до известной степени вытеснить отцовский принцип. Но и для него отношением к отцу определяется вся общественная и личная жизнь человека.

Все это учение, на котором мы были вынуждены столь подробно остановиться ввиду господствующего среди части марксистов увлечения фрейдизмом, с нашей точки зрения не выдерживает никакой критики. Быть может, в доисторические времена первобытный отец действительно пользовался неограниченной властью и принуждал сыновей к половому воздержанию, оставляя за собой право распоряжаться всем имуществом и всеми женщинами. Быть может, восставшие сыновья действительно убили этого отца и создали новую общественную организацию на началах братства, которая снова была реорганизована на отцовском принципе. Все это, быть может, и так, хотя надо сказать, что мы имеем здесь дело только с гипотезами.

Но если бы даже доисторический период человечества протекал действительно так, как это представляется Фрейдом, то его концепция все же остается насквозь ложной и абсолютно неприемлемой для объяснения как современной, так и прошлой истории человечества. Для Фрейда и фрейдистов чрезвычайно характерно, что из всей истории человечества выхватывается *один момент*, который должен собою определить содержание всей истории и который оставляет неизгладимый след в душе человека. Этот «момент» относится к доисторическому периоду человечества и связывается с *убийством праотца*; но почему не исходить из *братского клана*? Так, идея первородного греха получает мнимое научное обоснование и становится в глазах фрейдистов основной осью, вокруг которой вращается якобы вся последующая история человечества.

*Воинствующий материалист,
1925, № 4, с. 3–39*

Психоанализ как система монистической психологии

А. Р. Лурия

I

Каждое крупное научное достижение, к какой бы области оно ни принадлежало, всегда вводит некоторые новые методологические принципы, равно обязательные для всех смежных наук.

После «Курса позитивной философии» О. Конта некритическое пользование принципами метафизики в научном исследовании стало невозможным: труды Дарвина сделали обязательным для всех биологических наук динамический принцип, который они поставили на место господствовавшего до них статического взгляда на самостоятельное, неподвижное существование отдельных видов.

Даже и крупные достижения в отдельных более узких проблемах не остаются без внимания на установление той группы обязательных для всех смежных наук принципов, которую можно назвать основной методологией эпохи. Работы И. П. Павлова в области условных рефлексов, новые труды в области изучения внутренней секреции, исходившие из анализа скорости света теории Эйнштейна, — все это создает некоторый общий методологический фундамент эпохи. Марксизм, явившийся не только революционной доктриной, но и крупнейшим научным достижением, был особенно ценен именно своей методологией, которая вошла в науку под именем диалектического материализма и теперь может считаться безусловно обязательной для целого ряда смежных областей знания. Именно поэтому мы думаем, что методологию диалектического материализма можно требовать не только от общественно-экономических наук, но и от наук биосоциальных (а именно такой является психология) и даже наук биологических. Методология диалектического материализма вся основана на двух важнейших предпосылках сливающихся в одну мощную струю, — стремление объективно, не смешивая фантастическое с реальным, изучать действительную связь явлений с одной стороны, и изучать их не абстрактно, но так, как они существуют в действительной жизни, изучать их так, чтобы их значение помогло оказывать на них в дальнейшем активное воздействие. Эта последняя практическая тенденция крайне оздоровляюще отразилась на всей марксистской философии и помогла ей выдвинуть две предпосылки, которые и составляют теперь обязательную основу для всех позитивных наук.

Первая из них — это принцип материалистического монизма как основа всякого подхода к явлениям природы и общества.

Марксизм считает безусловно ложным всякое культивируемое идеалистической философией различие двух принципиально-особых классов явлений, имеющих разное происхождение, как, например, «дух» и «материя», «тела» и «души» и т.д. единственной возможной точкой зрения

является для него целостный взгляд на мир как на систему материальных процессов, лишь одной из деталей которой является психическая жизнь человека, которую марксизм рассматривает, как продукт деятельности мозга и в конечном счете — продукт воздействий на мозг и на человека социальной среды и лежащих в основе ее классово-производственных условий. Всякое выделение «мышления» или «психики» как самостоятельного класса явлений марксизм рассматривает как ненаучный, явно идеалистический подход к явлениям. Сам Маркс и особенно Энгельс¹, а после них ряд их последователей² ярко оттенили необходимость такого монистического подхода при изучении любого вопроса. Эта монистическая точка зрения особенно ясно выявляется в отношении Маркса и Энгельса к психике, которую они рассматривают как свойство организованной материи³, имеющее свои корни в деятельности человеческого организма и влияния на него социально-производственных условий⁴. Этим вопрос о психике сразу же перемещается из плоскости философских рассуждений о «реальности сознания» и т.п. (нет ничего более чуждого марксизму, чем такие философствования явно метафизического, абсолютного характера⁵) — в плоскость монистического объяснения явлений психики, сведения ее к ряду более примитивных оснований материальных процессов.

В конечном счете мы можем свести это первое положение марксистской методологии к требованию рассматривать явления мира объективно и не отсылать к «человеку» как к последней причине явлений (познания, социальных явлений и т.д.), как это делали мыслители XVIII и начала XIX века⁶, но объяснить самого человека из явлений внешней среды, внешних материальных условий существования⁷.

Вторая основная предпосылка материалистической методологии заключается в диалектическом подходе к явлениям. Марксизм в этом

¹ Ср.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Пер. Н. Н. Брука. С. 40: «Если спросить, что собственно представляет собой мысль и сознание и откуда они берутся, то мы найдем, что это — продукт человеческого мозга. А человек сам — продукт природы, развившийся вместе с окружающим его миром и в нем; отсюда становится само собой понятным, что продукты человеческого мозга, которые тоже являются произведениями природы, не противоречат всему мировому целому, но соответствуют ему»...

² Ср.: Плеханов (Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1922 г. Ильин (Ленин). Материализм и эмпириокритицизм. М., 1909 г. Бухарин. Теория исторического материализма. ГИЗ, 1922.

³ Ср.: Бухарин. Теория исторического материализма. ГИЗ, 1922. С. 51. Корнилов К. Н. Современная психология и марксизм. Ленинград, 1924.

⁴ Ср.: Маркс К. 6-й тезис о Фейербахе: «Сущность человека, это — вовсе не абстракт, свойственный отдельному лицу. В своей действительности это есть совокупность всех общественных отношений».

⁵ Энгельс. Анти-Дюринг. С. 11: «Если мы станем выводить мировую схематику не из головы, а лишь посредством головы из действительного мира... то нам понадобится для этого не философия, а позитивные сведения о мире и о всем, происходящем в нем; и получится при этом также не философия, а положительная наука...» Как чужды этому рассуждения о реальности психического, сущности сознания и т.п.!

Ср. также: Маркс К. 2-й тезис о Фейербахе: «Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос».

⁶ Ср.: Плеханов (Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. С. 27 и сл., 114. О наивной вере в идеи как главные действующие силы. См.: Marx — Engels. Die Heilige Familie. 1845. S. 126–128.

⁷ Ср.: Бельтов. Цит. соч. С. 127, 178; см. также: Маркс К. Предисловие ко второму изд. I тома „Капитала“. ГИЗ, 1920.

отношении резко отличается от метафизического материализма тем, что смотрит на материальные условия как на нечто постоянно изменяющееся, находящееся в движении, причем это движение иногда испытывает некоторые скачки, разрывы, чаще всего развивается не непрерывно в одном направлении, но переходя из одной крайности в другую, противоположную ей¹.

Марксизм вводит здесь динамическое понимание явлений как необходимый принцип и резко отмежевывается от статического, метафизического взгляда на вещи. Этот последний склонен был смотреть на явления как на разорванные, изолированные, постоянные сущности, но не как на процессы; способ суждений метафизики был абсолютен и статичен; этот тип мышления сильно помешал развитию позитивного, научного познания явлений, создавая систему философских абстракций вместо системы научных, положительных понятий².

Изучая цельные, конкретные жизненные процессы, наука должна, таким образом, учитывать все условия, воздействующие на изучаемое явление, и, отказываясь от абсолютных и «вечных» истин, должна усвоить объективно-материалистический и диалектический принцип как свое исходное положение.

Эти основные положения развертываются в марксизме в ряд отдельных, более частных методологических требований.

Поскольку материальная среда, влияющая на человека, определяется в большинстве случаев условиями производства и производственных отношений, — всякая наука, изучающая человека, должна учитывать именно эти внешние, обуславливающие психическую деятельность, материальные моменты, то есть, опираясь на биологию, опираться также и на социологию.

Таким образом, всякая наука о человеке должна быть не метафизической наукой о человеке вообще, но положительной наукой о социальном, вернее, классовом человеке. Лишь эта точка зрения обеспечивает правильность и действительную объективность достигаемых наукой результатов.

С другой стороны — и это уже будет гносеологическим принципом марксизма, — если сам психический аппарат, создающий ту или иную систему, находится в условии социальных и классовых влияний, во всяком мышлении необходимо должно быть привнесение некоторой доли субъективности, сознательное или бессознательное классовое или социально-экономическое окрашивание создаваемой системы. Так возникает марксистское учение о необходимости не принимать сложные социально-

¹ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг и др.

² *Энгельс.* Рецензия на книгу Маркса „Критика политической экономии»: когда Фейербах произвел расчет с умозрительной идеей, гегелианство постепенно отмерло, и стало казаться, что в науке снова установилось царство метафизики с ее неподвижными категориями...» // сборник „исторический материализм«. М., 1924. С. 124-125. Под ред. Адоратского и Удальцова. Ср. критику метода мышления Прудона в письма Маркса к Анненкову от 25 декабря 1845 г. (Цит. сборник. С. 32).

психические явления как данное, «не верить им на слово», но объяснять их из иных, более примитивных основ, вскрывать за ними их социально-классовую сущность.

Этот принцип — мы назовем его принципом аналитическим¹ — приобрел свое особое значение в анализе сложных «идеологических надстроек» и является мощным орудием в борьбе за действительно-объективное, без примеси «личного извращения», познание вещей «так, как они есть на самом деле».

В этих отношениях марксистская система резко и принципиально отличается от иных, метафизических и наивно-эмпирических философских систем и, в противоположность наивно-эмпирическому методу идеалистической философии, может быть вполне квалифицирована как система научной, аналитической методологии.

Таким основным предпосылкам марксистской методологии должна отвечать, по нашему мнению, всякая современная наука, в том числе, конечно, и психология, и если последняя не всегда им отвечала, то лишь потому, что органически стояла ближе к принципам идеалистической философии, чем к основам научного материалистического мировоззрения.

Именно эти ее недочеты, по нашему мнению, и стремится сгладить психоанализ.

II

Психоанализ в известном смысле является реакцией на старую «эмпирическую» психологию², точно так же как она сама в свое время родилась как реакция на психологию «рациональную».

Психоанализ, с другой стороны, можно рассматривать, как протест против недочетов и грехов узкоэкспериментальной психологии и попытку избежать ее ошибок.

С обеих этих точек зрения психоанализ резко отмежевывается от тех сторон господствующей психологии, против которых особенно должна возражать методология, выдвинутая диалектическим материализмом.

Оперируя по преимуществу методом самонаблюдения, лишь осложненным контролем эксперимента³, классическая «общая психология» должна была необходимо замкнуться в области изучения «явлений сознания», еще точнее — «явлений собственного сознания», и тем самым

¹ Нам здесь же хотелось бы отметить то внутреннее родство, которое есть в аналитическом, вскрывающем за видимостью вещей их реальные корни, методе марксизма и психоанализа - системы более специальной по области своего приложения, но столь же значительной по принципиальному подходу.

² Терминологическое замечание: термины „эмпирическая психология“, „общая психология“, „старая психология“ мы (несмотря на некоторую неточность) будем употреблять для обозначения характерного и классического для целой эпохи направления психологической мысли, строящегося согласно принципам, изложенным у большинства психологов-эксперименталистов последней четверти XIX века.

³ Ср.: *Пфендер А.* Введение в психологию. Спб., 1909. С. 109/110 и др. *Кьлре.* Grundriss d. Psychologie. S. 9 и сл. Ср. также большинство руководств по экспериментальной психологии, особенно примыкающих к Вюрцбургской школе. Из обзоров см.: *Lindowsky.* Neue Arbeiten über die Methode der Selbstbeobachtung // Archiv f. d. gesamte Psychologie. 1913. Bd. 29. S. 49–50. *Кравков С. В.* Самонаблюдение. М., 1922.

стать наукой скорее субъективного, наивно-эмпирического, чем просто «эмпирического», характера.

Заботой такой психологии было точнее изучить те формы протекания сознательных процессов, которые исследователь мог обнаружить на себе самом, внимательно наблюдая за протекающими в нем явлениями «переживаний», «мышления» и т.п. Для более удобного наблюдения таких процессов создавались искусственные условия «эксперимента»; настоящий характер этих «экспериментов» был блестяще обнаружен вюрцбургской школой, показавшей, что в работе методом самонаблюдения эти условия играют лишь служебную роль¹.

Именно благодаря такому «наивно-эмпирическому» подходу к психической жизни эмпирической психологии пришлось отказаться от научного материалистического обоснования психических явлений (эта часть ограничивалась в эмпирической психологии обыкновенно «вводными» замечаниями о «теле» и «душе» явно грубо-идеалистического характера); ей пришлось ограничить область своего исследования явно недоброкачественной с научной точки зрения сферой явлений субъективных, то есть — главным образом «показаний» — суждений испытуемых о наблюдаемых ими у себя процессах, веря им при этом на слово, не внося «поправок на субъективность»² и лишь иногда коррелируя опыт почти наивной постановкой физиологических исследований (например, исследование дыхания и пульса при сознательно вызываемых «эмоциях»); богатейшая область бессознательных психических процессов, лежащая ниже данных «наивной эмпирике» фактов, — оставалась вне сферы исследования классической психологии.

Именно из-за этих недочетов своих основных методов психология оставалась наукой по преимуществу описательной³, занятой описанием и систематикой явлений сознания и почти не рискующей спуститься к их объяснению, к анализу условий их возникновения.

Эти условия, скрытые обыкновенно отчасти в низших, бессознательных слоях психической жизни, отчасти в условиях внешней среды, поневоле должны были игнорироваться общей психологией. Всем этим создавался вполне определенный идеалистический и «наивно-эмпирический»⁴ характер старой психологии.

Наивно-эмпирическим материалом, получаемым в условиях искусственной экспериментальной обстановки, обусловлен и второй

¹ Ср. работы Н. Аха, А. Мессера, Бюлера и др. Их критику дал в свое время В. Вундт. (Psychol. Studien, Bd. III // Archiv f. d. ges. Psychologie); прекрасной критике подверг ее К. Н. Корнилов в „Учении о реакциях человека» (М., 1922).

² Примером могут служить любые исследования чистой экспериментальной психологии, у нас в России — исследование школы Г. И. Челпанова.

³ Ср.: Дильтей. Описательная психология. Русс. пер. М., 1924.

⁴ Блестящую характеристику этого недостатка психологических методов дал еще Л. Фейербах, который в статье «Против дуализма тела и души...» (Соч. ГИЗ, 1923. С. 148) писал: «В психологии нам влетают в рот жареные голуби; в наше сознание и чувство попадают только заключения, а не посылки, только результаты, а не процессы организма...»

принципиальный недостаток классической «экспериментальной» психологии.

Не имея возможности идти по пути научного «объяснения» психических явлений, экспериментальная психология пошла по пути разложения своего материала на мелкие изолированные частицы — «атомы» и сепаратного изучения этих гипотетических «элементов» психики¹.

Тенденция сложить психику из таких изолированных, статических элементов — тенденция далеко не новая², особенно характерная для того особого типа мышления, который еще Энгельс³ характеризовал как тип метафизический, тип по существу противоположный жизненному диалектическому пониманию явлений.

Именно в такую метафизическую ошибку впадает психология, резко разграничивая «ум», «чувство» и «волю», или различая как простейшие элементы психической жизни «ощущения» и «чувства»⁴, или, наконец, занимаясь изучением элементарных, изолированных процессов ощущения, восприятия, памяти, внимания, представления и т.д. и т.п.

Все эти элементы, рассматриваемые как отдельные статические явления, конечно, не являются реально существующими, жизненными процессами; если их изолированное изучение и было в свое время полезно психологии, то теперь оно безусловно становится тормозом в ее развитии, и мы с правом можем назвать этот «предмет психологии», являющийся, по собственному признанию психологов, продуктом абстракции⁵, метафизическими фикциями, а систему, изучающую их, — в принципе системой метафизической⁶.

Конечно, так построенная система психологии даже и не могла приступить к изучению цельного нервно-психического процесса, того, что складывается в реальную человеческую личность, что характеризует ее поведение, мотивы, реакции и т.д. Старая психология, построенная на таких принципах, уже давно отказывалась перейти к изучению цельного человека⁷,

¹ Ср., например, критику мозаической психологии у *В. Макдуголла* «An Outline of Psychology», 1923, p. 16–17, а также в трудах целого ряда психологов новых направлений (подробные указания см. в моей книжке «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии», Казань, 1923. С. 10 и сл.).

² Ср.: *Bonnet*. *Essais analytiques sur les facultés de l'ame* (1769), по которому задачи психологии — «анализировать каждый факт, разложив его на простейшие элементы...» Цит. по: *Болтунов*. Понятие эмпиризма в немецкой психологии XVIII века // Вопросы философии и психологии. 1912, Кн. II. С. 50. Теми же тенденциями насквозь проникнут английский ассоциационизм. Эти тенденции отразились даже на новейших системах экспериментальной психологии — ср. определение предмета психологии у Тиченера, «Учебник психологии», М., 1917. С. 37.

³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг.

⁴ Ср., например, *Эббинггаус* // Основы психологии. Русс. пер., Спб., 1912. С. 161 и мн. др.

⁵ Ср., например, *Вундт*. Очерки психологии. С. 25. *Джемс*. Психология. Спб., 1905. С. 7. Между прочим, см. яркую статью: *Vumke O.* *Psychologie und Psychiatrie, Klinische Wochenschrift*. 1922. S. 202–203.

⁶ Подробно я останавливаюсь на этом в своей работе «О принципах реальной психологии» (рукопись, § 3).

⁷ Ср. уже цит. соч. Бонне об отказе изучать „готового человека» и *I. Speck*. *Bonnets Einwirkung auf die deutsche Philosophie* // Archiv f. d. Geschichte d. Philosophie. Bd. X. X. 504–519. О дальнейшем ср.: *Leighton*/ *The psychological Self and actual Psychology* // *Psychological Review*. Vol. 14. P. 669–683. Подробнее в моей книжке «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии», Казань, 1923. К сожалению, психология передавала чаще всего исследование цельного человека литературе, искусству и даже... теософии.

а тем более человека, сложившегося в определенных условиях социально-экономической, и больше — классовой обстановки. Даже последние работы общей психологии, часто воскрешающие традиции «психологии способностей»¹, не привели к созданию системы, помогающей разобраться в сложной структуре человеческой личности, а тем более воздействовать на нее.

Нам ясно, после указанного, что основные принципы, на которых строилась классическая психология, конечно, не идут об руку с теми методологическими требованиями, которые выставляет научная, позитивная мысль эпохи, и, уж конечно, не соответствуют предпосылкам, выставляемым методологией диалектического материализма.

Больше того, почти вся современная психология по своим принципам может быть охарактеризована как система метафизического идеализма, построенного на почве наивно-эмпирического исследования.

Конечно, ни о каком социально-биологическом объяснении явлений психики. А тем более о возможностях организованного воздействия на нее при таком положении вещей не может быть и речи, и возникает вопрос о коренной переделке издания психологии с точки зрения научной методологии диалектического материализма.

Так ставится вопрос о психологии и философией марксизма, и психоанализом.

III

В своих построениях психоанализ исходит из ряда принципиальных положений, которые часто совершенно отличны от отмеченных выше исходных точек общей экспериментальной психологии.

Вместо изучения отдельных изолированных «элементов» психической жизни психоанализ выдвигает как свою задачу изучение цельной личности, ее поведения, механизмов и стимулов², вместо описания отдельных переживаний — объяснение отдельных проявлений личности путем сведения их к глубже лежащим, более примитивным условиям ее жизни и среды; вместо скрыто-дуалистического подхода к психической жизни, часто впадающего в идеализм, — открыто монистический, динамический³ принцип подхода к личности; вместо изучения изолированных «вещей» — изучение непрерывных процессов, в которых отражается органическая связанность жизни ребенка, рода с психикой взрослого человека; вместо выделения вне социального «человека вообще» и изучения его вне формирующих социальных условий — сведение многих глубочайших механизмов человеческой психики на действие социально-групповых влияний; наконец,

¹ Ср. *Лазурский*. Теория способностей в современной психологии // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 100.

² В другом месте мы указывали, между прочим, что один из крупнейших психоаналитических журналов — «*Psychoanalytic Review*» носит в подзаголовке весьма удачное определение: «A Journal, devoted to understanding of human conduct». Это чрезвычайно удачная принципиальная формулировка психоанализа.

³ Этот взгляд, как мы постараемся показать ниже, совершенно не противоречит видимой «телеологичности» психоанализа.

вместо наивно-эмпирического удовлетворения описанием явлений сознания «так, как они даны нам» — принципиально — поставленная задача аналитически изучать внутренние, скрытые обусловленности явлений, «так, как они нам не даны», но как мы их можем изучить, обладая методами объективного анализа.

Исходя из таких принципов психоанализ строит свою систему психологии, и эта система, как нам кажется, несравненно больше удовлетворяет тем методологическим требованиям, которые выставляет всякая позитивная наука, которые отчетливо формулировал диалектический материализм.

Попытаемся проследить основы психоанализа с указанных точек зрения и выяснить те принципиальные положения, в которых его методология совпадает с методологией марксизма.

Задача изучения цельной человеческой личности, которая была поставлена в последнее время прикладной психологией и психоанализом¹, как реакция на атомизирующую экспериментальную психологию, была в свое время выдвинута и сформулирована марксизмом.

Правда, марксизм в период своего возникновения не имел своей законченной чисто психологической теории личности; его интересы лежали, главным образом, в сфере проблем общества и развития его форм, однако проблема личности, мотив ее поведения, интересов, толкающих личность на создание той или иной идеологической системы, все эти вопросы были бесконечно близки основателям марксизма, быть может, именно вследствие их огромной практической ценности; достаточно бегло проглядеть основные работы по философии марксизма, чтобы видеть, с каким интересом разрабатывали эти темы Маркс и Энгельс².

Что подход марксизма к проблемам психики есть действительно подход к единой и цельной, конкретной личности, а не подход к изолированным функциям психики, как это практиковала общая психология, это становится ясно для нас, как только мы ближе присмотримся к самым основам подхода марксизма к личности.

Марксизм подходит к личности как к неотъемлемому и активному элементу истории³; его интересуют вопросы о «движущих силах личности»,

¹ О постановке этой задачи в современной психологии как о ее основной тенденции см. мою книжку: «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии». Казань, 1923.

² О том, что проблема человеческой личности и высших продуктов человеческой деятельности особенно интересовала Маркса и Энгельса, говорит нам целый ряд мест из их сочинений. Ср.: *К. Маркс*. 18 Брюмера Луи Бонапарта, рукопись «Немецкая идеология». Ср.: *Энгельс Ф. Л.* Фейербах: «Искать тех причин, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, даже фантастической форме, отражаются, как сознательные побуждения в головах массы и вожаков, — значит вступить на единственный правильный путь к познанию законов, господствующих в истории» (русс. изд. М., 1918. С. 50–51) и мн. др. Недалек от истины был поэтому Масарик, который указал, что, по Марксу, «задачи научной истории состоят в исследовании движущих причин, отражающихся в головах действующих масс и их вождей как сознательные мотивы» (Философские и теоретические основы марксизма. М., 1900. С. 156).

³ Ср. Маркс — известное место в предисловии к «Критике политической экономии». Энгельс: «Надо понимать не так, что автоматически действуют сами экономические положения, но так, что люди сами делают свою историю, но делают ее в среде, определяющей их собою» (письмо в «*Sozialistischer Akademiker*», 1894 г.). Ср. также его письмо к Штаркенбургу от 25 января 1894 г. и др.

о ее потребностях и влечениях¹, о том, как реальные, неразрывно связанные с личностью условия общественно-экономической жизни отражаются на ее поведении, мы бы сказали, — влекут за собой соответствующие реакции организма², его интересует узнать законы поведения личностей и узнать их объективно-научно, знать о личности «не то, что она думает о себе, но что она есть на самом деле»³.

Таким психогностическим, монистическим и целостным подходом к личности марксизм обязан, пожалуй, еще одной своей, чрезвычайно важной тенденции: будучи чрезвычайно далек от чистого умозрительного философствования, он в своих построениях (и в этом его принципиальное отличие от всякой метафизической философии) исходит из задач практической жизни — его цель — изучить мир с тем, чтобы его перестроить⁴, и этот активистический, практический подход принципиально отражается на всей его системе.

Именно с точки зрения практического активизма необходимо изучить человека как цельный биосоциальный организм, чтоб суметь на него воздействовать; именно с этой точки зрения нет ничего более чуждого самому существу марксизма, чем изучение не цельного исторического человека, но изолированных «явлений» его психической жизни⁵, наконец, именно потому на первый план выдвигаются вопросы, связанные с мотивами человеческого поведения, с механизмами воздействия на человека раздражений биосоциальной среды и его реакций на них.

Все эти требования, предъявляемые марксизмом к современной психологии, мы могли бы свести к требованию — поставить на место рассуждения о сущности психического и его отличия от телесного — монистический подход к изучению не «психики вообще», но конкретной нервно-психической деятельности социальной личности, выражающейся в ее поведении.

Именно в таком понимании мыслим мы монистический подход к изучению психических явлений; исходя из предпосылки, что психические явления в конечном итоге сводятся к усложненным явлениям материального

¹ Ср.: *Энгельс*. Л. Фейербах. М., 1918. С. 50 и *Der Anteil der Arbeit in der Menschenwerdung des Affen*. *Neue Zeit*. XIV. Bd. II. S. 551 и огромная литература, связанная с идеологиями, политическим анализом и др.

² Что в учении марксизма вся психика построена по модели рефлекса на социальные раздражения, — ясно из рассмотрения всех работ Маркса и Энгельса. Кроме указанных работ Маркса, Энгельса, Плеханова (особ. см.: *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе) сошлюсь лишь на исследователя марксизма Вольтманна «Исторический материализм» (Спб., 1901. С. 258, 262, 26 и др.).

³ Ср.: *Маркс К.* *Der 18-e Brumaire Louis Buonaparte*. Hamb., 1885. S. 33.

⁴ Ср.: *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе. Особ. тезис 1-й, 8-й и 11-й.

⁵ Мы позволим себе привести здесь цитату из «Немецкой идеологии» К. Маркса: Исходным пунктом идеологов было то, что люди думали, воображали, представляли. Только через рассказанного, выдуманного человека доходили они до человека телесного (курсив наш — *А. Л.*). Они отыскивали землю, исходя из неба. Не правильнее ли было обратное? Подлинная, положительная наука начинается именно там, где прекращается умозрение, — около фактов» (цит. по сб. «исторический материализм» по ред. Адоратского и Удальцова. М., 1924. С. 12–13); ср. уже приведенную выше цитату: «Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос...» (К. Маркс, второй тезис о Фейербахе). Особенно ярко целостный подход к человеческому организму был развит Л. Фейербахом, см. сочинения цит. изд. С. 153, 154, 157. «Истина... антропология, потому что эта точка зрения дает мне целостность и индивидуальность».

ряда, диалектический материализм не может требовать сейчас же материалистической формулы психического процесса; подходя диалектически, он может выставлять лишь одно требование: одновременной работы над механикой мозга, условиями влияния среды и объективно-выражающимся поведением. Только связав определенные движущие силы организма и его поведение с процессами, происходящими в нервной системе и иных органах тела, установив роль этих органов в нервно-психической деятельности, психология сделает не философско-метафизический шаг по пути к построению монистического учения о личности, но вступит на надежный, научный путь завоевания этой области.

Быть может, здесь должен быть сделан в некоторых отношениях возврат к построениям Л. Фейербаха, а до него — французских материалистов XVIII века, исходивших из изучения цельного, «чувственного» (то есть объективно, чувственно-познаваемого) человека и оставлявших совершенно в стороне всякое понятие души, отдельное от происходящих в личности объективных процессов.

Философия и психология Л. Фейербаха и материалистов-«антропологов», конечно, несравненно ближе марксизму, чем построения психологов субъективно эмпирической и «экспериментальной» школы¹.

В противоположность школьной, «атомизирующей» психологии, психоанализ сразу, с первого же шага, начал с проблемы личности; он поставил себе задачей изучить личность в целом и те механизмы, которые формируют ее поведение². Быть может, этим принципам он обязан тому, что его отправным пунктом была больная личность, выбитая из социального строя. А его первой задачей — активное лечение этой личности. Может быть, именно благодаря своим практическим, активистическим корням психоанализ построил ту систему познавательной, объясняющей психологии, какую мы сейчас видим в учении.

Этот факт мы должны констатировать как основное принципиальное положение психоанализа: психоанализ является прежде всего органической психологией личности, и его основными задачами являются: проследить детерминированность отдельных сторон у конкретной, живущей в определенных социально-культурных условиях личности и объяснить более сложные ее образования из первичных, глубже лежащих и более примитивных, бессознательных мотивов³. Эта личность, из которой исходит психоанализ, рассматривается им, что особенно важно, не как понятие чисто психологическое, близкое к понятию «души» и «личности» в старой

¹ Надо отметить, что Л. Фейербах поразительно предвосхитил много построений новой психологии. Его рассуждения о монистическом подходе к личности, о чувствах, о связи мозговой деятельности с деятельностью органов тела — все это классический образчик здравого и глубокого подхода к проблеме личности. Ср. особенно его статью: «Против дуализма тела и души, плоти и духа» (Сочинения. Т. I. ГИЗ, 1923. С. 146 и сл.).

² Особенно хорошо формулирован этот принцип в трудах американских психоаналитиков. Ср., например, *W. White. Foundations of Psychiatry*. 1921 Ch. 1.

³ Понимание психоанализа как психологии цельной личности, ср. также у О. Пфистера «Zum Kampf um die Psychoanalyse». 1920. S. 27–28 (Psychoanalyse als eine System der organischen Psychologie). *L. Binswanger. Psychoanalyse und klinische Psychiatrie. Int. Zeitschr. f. Psychoanalyse*. 1921. S. 147, ff.

психологии; несмотря на бросающуюся с первого взгляда в глаза узкопсихологическую терминологию психоанализа, он подходит к личности, как мы увидим ниже, как к цельному организму, где анатомическое строение, функции отдельных органов, влечения и высшая психическая деятельность неразрывно связаны между собой. Вот почему в психоаналитическом подходе к личности мы часто будем встречать так чуждо звучащие для старой психологии рассуждения о той или иной функции органов, зон организма и т.д. как о моментах, непосредственно объясняющих конкретные нервно-психические процессы.

Именно этот конкретно-органический подход к психологии особенно характерен для психоанализа.

На теоретическое освещение «сущности психического», «реальности психики» психоанализ уделяет очень мало внимания; достаточно сказать, что мы почти не имеем в психоаналитической литературе определений психического, столь характерных для всякой философской психологии; вопрос о «реальности психического», как по существу своему вопрос метафизически-философский, в психоанализе почти совсем отпадает¹, заменяясь конкретным изучением отдельных механизмов и процессов, происходящих в личности.

То, что психоанализ еще не дает ответов на вопросы о сущности психического, — лишний раз подчеркивает его диалектическую, мы бы сказали, прагматическую точку зрения.

Путь, избранный им в этом отношении, — не начинать с готовой монической формулы и материалистического объяснения сущности психических явлений, но идти по пути сначала описания, а затем истолкования процессов поведения и реакций личности, связывая эти реакции с процессами, происходящими во всем организме и его органах, — этот путь, несомненно, является научно правильным и единственно надежным.

Правда, это создает нам целый ряд затруднений при попытке вывести из психоанализа точную философскую систему; психоанализ такой системой не является; однако нам хотелось бы показать, что исследуя поведение личности, ее бессознательные мотивы и их связь с органическими состояниями, он идет по пути к созданию монистического учения о поведении личности.

Здесь, не нарушая нашего изложения, нам хотелось бы коснуться хотя бы основных признаков психического в учении психоанализа, чтобы этим иллюстрировать его принципиально-монистический подход.

Первый (чисто отрицательный) признак нами уже отмечен. Психоанализ лишает психические характеристики сознательного, полагая, что сознание присуще лишь узкому классу психических явлений².

¹ Ср.: *Freud S.* Das Ich und das Es. S. 12 (о психичности бессознательного). Вообще следует заметить, что психоанализу близок биологический, социологический, но отнюдь не логическо-философский подход к психическому.

² Ср.: *Freud S.* Бессознательное. Психологич. и психоаналитич. библиот., ГИЗ, 1923. Т. III. С. 125 и сл.

Говоря о бессознательной психической деятельности, он, таким образом, устраняет тот субъективный признак, который лежал в основе выделения психического как особого, отличного от физического рода явлений. Бессознательная психическая деятельность становится всецело объектом, симптомы которого легче наблюдать объективно, со стороны, чем воспринимать на себе самом путем самонаблюдения, и, таким образом, она становится в один ряд с прочими процессами организма, отличаясь от последних не принципиально, но лишь функционально, динамически (скорее, сказали бы мы, по своей связи с социальными раздражителями, поддерживаемой сложной системой рецепторов и эффекторов. И своей формации благодаря влияниям среды, чем по принципиальному своему характеру). Это уже значительный шаг по пути к построению системы монистической психологии.

Рассматривая, далее, психическую деятельность как энергетический процесс, принципиально не отличный от соматических процессов, психоанализ развертывает нам свое чисто монистическое понимание этой энергии, указывая, что она может чрезвычайно легко принимать как «психические», так и явно соматические формы. Система психоанализа в большей своей части основана на том положении, что «психическая энергия» вполне подчиняется основному закону всякой энергии: она не может исчезнуть, но может превратиться в другой вид, принять другую форму, обратиться на иной объект.

Так, например, сильная «психическая» травма, полученная человеком и хотя бы забытая им или сильное влечение, завладевшее личностью, не могут совершенно бесследно исчезнуть; при условиях, препятствующих свободному протеканию таких процессов, они заменяются иными, так же легко психическими, как и соматическими. Так, энергия, связанная с психической травмой, может превратиться в соматическую и выразиться (что бывает особенно показательно в случае невротических заболеваний, особенно истерического типа) в появлении ряда соматических симптомов: функциональные заболевания сердца, желудка и др., основанные на нарушении иннервации, различные «истерические стигмы» вплоть до симптомов ожога, ран и т.п., и даже изменения строения отдельных органов¹.

Такие симптомы, характеризующие переход энергии из психических форм в формы чисто соматические, — далеко не редкость в психоаналитической практике, и некоторые психоаналитические авторы, как, например, G. Groddeck и др.², дали многочисленные описания подобных явлений.

Das Ich und das Es. P., 1923. S. 9, ff.. Лекции по введению в психоанализ. Т. II. Лекц. 18 и др.

¹ Ср.: *Deutsch F.* Psychoanalyse und Organkrankheiten. Intern. Zeitschrift. f. Psychoanalyse. 1922. S. 290 ff.

² Ср.: *Groddeck G.* Ueber Psychoanalyse des Organischen in Menschen. Internat. Zeitschr. f. Psychoanalyse. 1921. S. 252. *Ferenczi S.* Hysterische Materilisations Phänomene (Hysterie und Pathoneurosen. 1919). *Deutsch F.* Experimentelle Studien zur Psychoanalyse. Intern. Zeitschrift. f. Psychoanalyse. 1923. S. 484 ff. Этому же посвящено много работ S. Freud, а. (см. его: *Kleine Schriften zur Neurosenlehre*). Из непсихологических авторов, подходивших к той же проблеме с иной точки зрения, укажем на Шарко, Жане, Дежерина, П. Дюбуа, ранее их Карпентера и мн. др.

Эти процессы, называемые в психоанализе конверсиями, принципиально ничуть не отличаются от других, в которых отдельные влечения, вытесняясь, как бы исчезают из сферы психического, но их энергия превращается в иную форму психических проявлений, например в страх¹. «Превращение» одного вида психической энергии в другой или «превращение» его в соматический процесс — это явления принципиально одного порядка, что объясняется единым органическим характером этих обоих видов энергии.

Без сомнения, здесь сделан крупнейший шаг по пути к монистической психологии, и указанное (не являясь, правда, определением психического) дает нам гораздо больше для понимания психических явлений и их связи с явлениями соматического порядка, чем дуалистические рассуждения старой психологии об отношении «души» и «тела».

Наконец, на последнем — уже положительной характеристике психики — ее способности реагировать на сложные внутренние и внешние (социальные) раздражители и создавать сложные реактивные образования — мы остановимся еще ниже.

* *

Естественно, что, приступая к изучению сложной системы, какой является личность в целом, психоанализ должен прежде всего выделить из всей организации личности некоторые исходные определяющие моменты и с них начать свое исследование.

Мы не будем далеки от психоаналитического подхода к личности, если скажем, что психоанализ понимает ее как организацию, реагирующую на целый ряд внешних и внутренних раздражителей, и в своем изучении выделяет прежде всего эти две группы процессов, как основные, характеризующие всю психическую структуру, дающие ключ к пониманию всей личности².

Действительно, такие именно реакции отражают всю реагирующую личность, характеризуют все ее главнейшие особенности, дают основное представление и о ее структуре.

О такого типа реакциях говорили Шерингтон³ и Лоеб⁴, указывая на «total reflexes» и «тропизмы»; такие же, характеризующие весь организм целостные реакции имели в виду и behaviorist, и такие авторы, как К. Н. Корнилов⁵ и др.

¹ Ср.: Freud S. Вытеснение. Цит. библи. Т. III. С. 96. и сл. — Бессознательное. Там же. С. 136 и др.

² К этому, по нашему мнению, основному исходному положению психоанализа нам еще придется вернуться не раз, указав на его обоснование. Сейчас же отошлем читателя к тем работам, где психика рассматривается как аппарат, реагирующий на раздражения и влечения: ср.: Freud S. Jenseits des Lustprinzips. 1921, особ. с. 21 и сл. и White W. Цит. соч., особ. с. 2, 4, 5 и сл.

³ Ср.: Sherrington. The Integrative Function of the nervous System.

⁴ Ср.: Loeb. The organism as a Whole from a physiological View point. London, 1916.

⁵ Корнилов К. Н. Учение о реакциях человека. М., 1922.

Таким образом, проблема личности сводится в общем и целом к проблеме раздражений, доходящих до организма, и особенно реакций, которыми организм отвечает на эти раздражения.

Психоанализ склонен, как уже было указано, различать два вида таких раздражений: раздражения внешние, идущие от биологической и социальной среды, и раздражения внутренние, идущие от физиологических процессов, происходящих в организме и отдельных его частях¹.

Раздражения такого типа, по преимуществу социальные, в существенном формируют всю психику; на них мы остановимся позже; постоянные же раздражения второй группы, в их отражениях на психическом аппарате, психоанализом квалифицируются как влечения².

Следует тут же отметить, что принципиальной разницы в характере тех и других психоанализ не видит³; однако его внимание останавливают прежде всего мало изученные и принципиально важные влияния внутренних раздражений — влечений.

Уже в этом, по существу самом главном, пункте психоаналитической системы⁴ психоанализ резко отмежевывается от классической школьной психологии.

Явление влечения рассматривается им в том же строго монистическом аспекте, как и личность в целом; это явление не может быть названо в строгом смысле психологическим; оно включает в себя и явления чисто соматического, нервного раздражения, и внутренней секреции с ее химизмом, и часто не носит на себе чисто «психологического» отпечатка; скорее мы можем считать влечение понятием «пограничным между психическим и соматическим» (З. Фрейд⁵). Дуализм старой психологии здесь оставляется совершенно в стороне; сознаваемость или несознаваемость влечения личностью оказывается совершенно побочным, второстепенным признаком, зависящим от ряда более мелких деталей развития влечения; остаются в стороне и все необходимые для старой психологии гипотезы об отношении «души» и «тела», будь то психофизический параллелизм или

¹ Freud S. Jenseits des Lustprinzips. 1921. S. 21 и сл. «Теория полового влечения». Цит. изд. Т. VIII. С. 83 и др. Ср. также: Alexander F. Metapsychologische Betrachtungen//Internat. Zeitschrift f. Psychoanalyse. 1921. S. 280–281.

² Фрейд З. Влечения и их судьба. Цит. изд. Т. III. С. 104–105. Binswanger L. Psychoanalyse und Klinisch Psychiatrie // Internationale Zeitschrift f. Psychoanalyse. 1921. S. 153 и др.

³ Freud S. Jenseits des Lustprinzips. Ср.: Alexander F. Цит. соч. S. 181: «Diese beiden Reizquellen, die innere und die duessere, haben einen gemeinen Ursprung».

⁴ Binswanger L. Цит. соч. S. 153, говорит: «Der Begriff des Triebes ist der eigentliche Kernpunkt der Freudschen Lehre, das Fundament des ganzen Gebildes».

⁵ Ср.: Freud S. Влечения и их судьба. Психол. и психоан. библ., т. III. М., 1922. С. 107 и сл. Ср. также его «Psychoanalytische Bemerkungen über ein autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia». Jahrbuch f. Psychoanalyse. 11. S. 65: «Wir fassen den Trieb, als den Grenzbegriff des Seelischen gegen das Somatische, sehen in ihm psychische Representative organischer Mächte». Теория полового влечения, цит. библ. Т. VIII. Binswanger L. Цит. статья. S. 153, 155. Ср., например: White W. New York. 1921. P. X. и 1, где вопрос о «духе» и «теле» вообще отпадает при перенесении проблемы психической жизни в плоскость изучения психики, как «конечного выражения интеграции индивида в органическое единство»... White правильно отмечает, что «единственная возможность правильно подойти к психологии — это бросить метафизические спекуляции о сущности души... и ее отношения к телу... исходя из предпосылки, что то, что мы привыкли называть психическим, есть выражение организма как целого».

взаимодействие. Вопрос переносится психоанализом в совершенно иную плоскость — плоскость монистического подхода к психике. Такой подход к проблеме несколько напоминает положение Лапласа, который, построив систему мироздания, исходя из взаимного притяжения небесных тел, ответил на вопрос своего высокого покровителя о месте бога в его системе: «Ваше величество, без этой гипотезы я смог обойтись...».

Именно такой подход дал психоанализу возможность наново пересмотреть вопрос об отдельных психических функциях и увидеть их органическую связь с личностью как с биологически-цельным организмом.

Несколько примеров покажут нам, как психоанализ уже с самого своего возникновения начал отходить в этом вопросе от учений классической психологии. Уже в первых исследованиях отдельные психоаналитические авторы заметили, что строгая изоляция отдельных «актов» и «состояний», чисто пассивных или чисто активных, является в классической психологии недостатком, ведущим к невозможности понять ряд явлений.

Так, например, было замечено, что в такой якобы простой функции, как «память», фактически принимают участие еще и иные функции психики, регулирующие весь процесс запоминания, удерживания и реализации накопленного опыта.

Оказалось, что далеко не все запоминается, сохраняется и припоминается одинаково легко; объекты (мы скажем — раздражения), не связанные с интересами «личности», удерживались слабее, чем ярко окрашенные такой «заинтересованностью».

Объекты, резко противоречащие интересам личности, труднее удерживались и чрезвычайно быстро, видимо, изглаживались из памяти (как впоследствии было установлено, все же сохраняясь в бессознательной сфере); именно этим активным воздействием «интереса», «цензуры» личности и объяснялись случаи «вытеснения», «Забывания» неприемлемых для личности имен, действий и другие трудно объяснимые без этого явления¹.

Так психоанализ пришел к понятию «влечения», активно участвующего во всех психических проявлениях личности, подбирающего из многочисленных раздражений лишь соответствующие ему и таким образом осуществляющего активное приспособление организма к среде.

Не менее ярко сказалось направляющее влияние влечений в акте внимания, где влечения производили некоторый автоматический отбор, заставляя внимание направляться в ту сторону и воспринимать сознательно главным образом те раздражения, которые больше всего соответствовали направлению осознанных или бессознательных влечений². Направляющая

¹ Кроме классических работ Фрейда (ср. его «Психопатологию обыденной жизни» 2-е изд. М., 1923. «Лекции по введению в психоанализ». Т. I. М., 1922 и его работы по теории неврозов — *Kleine Schriften zur Neurosenlehre*) ср.: *Jones E.* The repression theory in its relation to memory. // *British Journal of Psychology*. VIII № 2 и работы *T. Loveday*, *T. W. Mitchell*, *T. H. Pear*, *A. Wolf* на тему «The role of repression in forgetting» // *British Journal of Psychology*. VII № 2.

² Первый поход к этой проблеме дала нам литература о свидетельских показаниях, которая указала на роль интересов в направлении внимания и отборе воспринимаемого (ср. работы *В. Штерна*, *Г. Гросса* и др.).

роль влечений особенно ясно была видна на процессе связывания отдельных видов реакций, так называемых ассоциациях, где огромным количеством исследований было установлено определенно — «аффективное» направление хода ассоциаций и его нарушение вторжением влечений¹, наконец, даже такие процессы, особо оберегаемые старой психологией, как мышление и основанное на нем «познание», оказались в высокой степени зависящими от направления влечений².

Исходя из этих наблюдений, психоанализ и сделал тот первый шаг, который так плодотворно отразился на его последующем развитии: он резко отмежевался от изолированного изучения отдельных сепаратных «психических явлений» и, найдя общий во всех их момент действия влечений, перенес вопрос в плоскость изучения взаимодействия психических функций — в плоскость интерреляции отдельных сторон психики, положив этим начало целостной, позитивной психологии.

Понятие влечения, руководящего детерминирующего момента³ встало, таким образом, в основу учений психоанализа и помогло ему сделать второй шаг по пути к монистическому подходу к изучению цельной личности. Мы не будем долго задерживаться на вопросе о влечениях; нам важно лишь указать своеобразный подход к ним психоанализа.

Самый важный для нас момент мы уже указали выше: влечения являются для психоанализа понятием не чисто психологического порядка, но шире — понятиями «пограничными между психическим и соматическим», понятиями биологическими.

Таким образом, в системе психоанализа особенно подчеркивается зависимость психических функций от раздражений органического порядка; психика вводится в систему организма, изучение ее теряет свою изолированность, которой она отличалась в старой школьной психологии, стремившейся представить психику как нечто не связанное с общей жизнью всего организма и изучавшей мозг вне всяких влияний на него отдельных органов тела (желез внутренней секреции и др.) и общей динамики всего организма. Эта-то попытка ввести психику в общую систему интерреляции органов, рассматривать мозг и его деятельность не оторвано, но наравне с другими органами тела, дать психологии крепкую биологическую базу и тем окончательно порвать с метафизическим подходом к ней, — эта попытка составляет крупнейшую заслугу психоанализа⁴.

¹ Литература вопроса огромна, и подробно на проблеме так называемых комплексных ассоциаций (resp. реакций) я остановлюсь в другом месте. Сейчас отмечу лишь, что проблема была поставлена и разработана школой Юнга, ср. его *Diagnostische Assoziationsstudien*. 1910–1911. Bd. 1–2.

² Ср.: *Schilder P. Wahn und Erkenntnis*. 1918, *Varendonk*. Das vorbewusste phantastische Denken. Intern. Psychoanalyt. Bibliothek. 1922.

³ Ср. *Hattingberg*. Die Triebbedingtheit des seelischen Geschehens als Grundforderung einer biologischen Psychologie. *Zeitschrift f. Neurologie u. Psychiatrie*. Bd. 77. S. 5. *Фрейд З.* Влечения и их судьба. Формулировка двух принципов психической жизни, цит. изд. Т. III и мн. др.

⁴ Между прочим, наиболее яркую формулировку такой необходимости ввести мозг и психику в систему органов тела дал еще Л. Фейербах. В статье «Против дуализма души и тела» (Соч., 1923. Т. I. С. 157) он пишет: «... думает и ощущает не душа, потому что душа есть олицетворенная и гипостазированная, превращенная в особое существо, функция или

Я не ошибусь, если скажу, что психоанализ сделал этим серьезный шаг на пути создания системы монистической психологии¹.

Попытаемся остановиться на этом подробнее, несмотря на те трудности ясных формулировок, которые представляют собой психоаналитические системы (впрочем, как и все системы не философского, но опытного знания)², и на ту субъективную терминологию, которую сам Freud признал «временной», нуждающейся в замене терминологией «органической»³.

Нам прежде всего будет интересно знать, с какими группами влечений, этих «постоянных» внутриорганических раздражений⁴, имеет дело психоанализ.

Он склонен грубо выделить два класса влечений: один из них имеет дело с интересами личности как отдельной особи, стремящейся к самосохранению; другой включает группы влечений, биологически связанных с продолжением рода и называемых влечениями сексуальными⁵. Первый из них, который психоанализ называет кратко «влечениями Я» (*Ich-Triebe*), основан на том, что принято называть инстинктом самосохранения⁶, и связан с пищевыми и оборонительными реакциями организма⁷ и играет

явление мышления, ощущения и хотения, и не мозг, потому что мозг есть физиологическая абстракция, орган, вырванный из целостности, из черепа, из головы, из тела вообще, фиксированный как нечто самостоятельное. Но органом мысли мозг служит только в связи с человеческой головой и телом». К сожалению, эта по существу простая истина была надолго забыта общей психологией.

В этом отношении психоанализ идет в ногу с новейшими учениями о внутренней секреции и ее влиянии на психику, также вводящими психическую жизнь в систему органов тела. Из работ этого направления укажу лишь на новую книгу Н. А. Белова «Физиология типов». Орел, 1924.

¹ На монистически-материалистический характер психоанализа кроме З. Фрейда указывали и ряд авторов, из которых ср.: Bleuler. *Physisches und Psychisches in der Pathologie // Zeitschrift f. d. ges. Neurol. u. Psychiatrie*. XXXI. 1916. *White W.* *Foundations of Psychiatry*. *Binswanger L.* *Psychoanalyse und klinische Psychiatrie // Intern. Zeitschrift f. Psychoanalyse*. 1921. S. 155 (в связи с учением о характере). *Meagher J.* *Psychoanalysis and its critics // Psychoanalytic Review*. 1922. № 3. P. 326, а также Ш. Ференци в целом ряде статей.

² «В том, что некоторые понятия психоанализа не отличаются достаточной ясностью... — говорит Фрейд, — и заключается разница между спекулятивной теорией и наукой, которая создается посредством эмпирических данных. Последняя охотно уступает спекулятивному умозрению все преимущества гладкой, логической безупречной обоснованности и готова удовлетвориться туманными, едва уловимыми основными положениями». О нарцизме. *Псих. и психоан. библ.*, М., 1923. Т. VIII. с. 121. В другом месте Фрейд добавляет: «У меня — отвращение к упрощениям за счет истины». «Лекции по введению в психоанализ». 1922. Т. II. С. 71. Это делает изложение основных принципов психоанализа чрезвычайно трудным.

³ Ср.: З. Фрейд: «Необходимо помнить, что все временно нами допущенные психологические положения придется когда-нибудь перенести на почву также органической основы» (О нарцизме. Цит. изд. Т. VIII. С. 122); ср.: А. К. Ленц о внешней психологической терминологии психоанализа в ст. «Условные рефлексы и конструкция современной психиатрии» // *Новые идеи в медицине*. Пгтр., 1924. № 4. С. 69.

⁴ *Фрейд З.* Влечения и их судьба. *Психол. и психоанал. библ.* Т. III. С. 104–105 и «Теория полового влечения». То же изд. Т. VIII. С. 83 и др., ср. также: *Symposium on the relative role in Psychoptology of Ego, Herd and Sex Instincts (British Journal of Psychology. XVI)*, статьи Brown, Campbell, Gluock, MacCurdy.

⁵ *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. Т. II. С. 141, 201, 202, 208 и др. О нарцизме, русс. изд. Т. VIII. С. 121–122 и др.: «Весь психоанализ построен на резком разделении сексуальных влечений и влечений Я... Лекции. С. 140–141. «Обе группы представляются нам названиями двух источников энергии индивида» (С. 201). Ср. также: *Freud S.* Влечения и их судьба. *Психол. и психоан. библ.* Т. III. С. 109 и сл.

⁶ Ср.: *Фрейд З.* Влечения и их судьба. С. 109: «Влечения» или «самосохранения»...

⁷ Ср.: *Фрейд З.* О нарцизме, очерки по теории сексуальности. Русс. изд. Т. VIII. С. 121–122; Лекции... Т. II. С. 170–171, 200 и др. Эта группа влечений принимает особо деятельное участие в таких процессах, как торможение поступающих извне раздражений

часто доминирующую роль в жизни организма, в судьбе поступающих извне раздражений, в заболеваниях индивида и т.д. Именно эта группа больше всего обуславливает ту единую, цельную личность, к изучению которой подходят теперь психологи; проявления этих влечений чаще всего принято определять как «интерес» личности¹.

Группа сексуальных влечений изучена в психоанализе гораздо лучше. Это обусловлено прежде всего тем, что психологи классической школы, изучавшие психику отдельно, оторванно от различных лежащих вне мозга функций организма, мало обращали внимание на влияние на психику сексуальной деятельности человека²; быть может, здесь играл роль какой-то особый ложный стыд, мешающий до сих пор объективно подходить к сексуальным переживаниям человека; с другой стороны, особо развитой теории сексуальных влечений в психоанализе мы обязаны тому, что весь психоанализ построен, главным образом, на изучении тех нервных заболеваний (так называемых неврозов перенесения), где сексуальные влечения играют особо важную роль и особо доступны для исследования³.

Эта группа влечений, — безусловно, эндогенного происхождения⁴, являющаяся, таким образом, одной из самых древних частей личности⁵, — рассматривается психоанализом также не как явление чисто психическое, но скорее как явление органического порядка⁶, явление несколько чуждое сознательной психике в собственном смысле слова, как ее понимает обычная психология, и влияющее на нее лишь в силу теснейшей связанности отдельных сфер организма.

В определение сексуальных влечений психоанализом входят отдельные моменты, очень ярко демонстрирующие органический характер психоаналитической психологии, и мы остановимся на этой стороне подробнее.

(так называемое вытеснение, цензура), а также в образовании так называемых нарцисстических неврозов. Об этом — ниже.

Надо отметить, что в психоанализе эта группа влечений, несмотря на ее кажущуюся простоту, еще очень мало изучена. Ср.: *Фрейд З. Лекции...* Т. II. Лекц. 26. Влечения и их судьба. Т. III. С.111 и одна из последних работ З. Фрейда — «Das Ich und das Es» (1923).

¹ Ср.: *Фрейд З. Лекции.* Т. II. С. 201–202 и сл.

² Ср.: *Фрейд З. Лекции.* Т. II. С. 141. Ср. также: *Bleuler. Die Psychoanalyse Freuds.* 1911. *Pfister O. Die psychoanalytische Methode.* 2-е — изд. 1920; *Zum Kampf um die Psychoanalyse.* 1920.

³ *Фрейд З. Лекции.* Т. II. С. 169–170. Обвинение психоанализа в пансексуализме, в узком сексуальном монизме, очень напоминает обвинение марксизма в панэкономизме, признании экономического фактора единственным определяющим моментом истории. Это недоразумение, а также основы преимущественного изучения экономического фактора прекрасно осветил Ф. Энгельс в его письме к И. Блоху от 21 сент. 1890. Ср.: *Маркс и Энгельс. Письма.* Изд. Моск. рабоч., 1923. С. 303 и сл.

⁴ Ср.: *Alexander F. Metapsychologische Betrachtungen // Intern. Zeitschr. f. Psychlan.* 1920. S. 284. При экзогенном происхождении «влечений» из раздражений среды эндогенное происхождение имеет лишь половое влечение.

⁵ Ср.: *Flygel I. C. On the biological basis of sexual repression // Int. Zeitschr. f. Psychlan.* 1920. S. 324. «Сексуальные влечения наиболее старая и примитивная форма жизненной энергии».

⁶ Ср.: *Фрейд З. Лекции.* Т. II. С. 176.

Сексуальное не нашло у Фрейда своего законченного определения¹; однако в качестве составных частей в это понятие входят: функции, связанные с различием полов и продолжением рода², хотя последние — не обязательно³, получение наслаждения от функций, связанных с этим влечением органов⁴, некоторая сила притяжения к объектам, возбуждающим такое влечение; короче, существенным моментом, наряду с органической основой, входит сюда то отношение к вещам, которые мы называем любовью и которое, по аналогии с голодом, получило в психоанализе свое более узкое название — «либидо»⁵. Мы уже отметили, что сексуальное влечение имеет в психоанализе очень ясный не-психологический, но биологический смысл; сопоставляя «теорию либидо» с биологическими теориями сексуальности, Freud наталкивается на близкое сходство этой теории с данными новых исследований в области сексуальной биологии, и особенно тех из них, где подчеркивается влияние половых секретов на мозг и нервную систему, и в частности с данными исследований Штейнаха и его школы⁶; именно это наводит на мысль, что недалеко то время, когда психоанализ сможет оперировать терминами сексуальности и сексуальных влечений, вкладывая в них реальное содержание того специфического сексуального химизма, которым эти влечения отличаются от иных, например «влечений личности» («Ich-Triebe»)⁷.

На двух моментах указанного определения сексуального влечения? Не является ли этот момент сугубо психологичным, возможность рассеять одно возникающее по поводу этого определения сомнение» оба они углубят наше понимание психоанализа как системы материалистической психологии.

В самом деле, что мы имеем в виду, указав на момент «наслаждения» как на существенную, характерную черту сексуального влечения? Не является ли этот момент сугубо психологичным, субъективным, и если нет,

¹ В психоаналитической системе психика в узком смысле рассматривается часто даже как нечто противоположное, враждебное сексуальности. В определение психики часто входит понятие о ней, как о «тормозящем органе», органе, регулирующем поступление раздражений. Особенно ярко это в применении к одному из важных моментов психики — к сознанию; ср.: *Фрейд З.* О нарцизме. Русс. изд. Т. VIII. С. 129; *Alexander F.* Metapsychologische Betrachtungen. Цит. место, S. 273. *Ferenczi S.* Die Psyche als Hemmungsorgan // Intern. Zeitschr. f. Psychoan. 1922. S. 4.

² Ср.: *Фрейд З.* Теория полового влечения. Цит. изд. Т. VIII. С. 80, 116; Лекции... Т. II. С. 177.

³ З. Фрейд рассматривает широкий класс сексуальных явлений, где сексуальная деятельность не связывается с функцией продолжения рода (так называемой перверзии, детская сексуальность, невротические симптомы и т.д.); таким образом понятие сексуального у него шире понятия генитального, ср.: *Фрейд З.* Теория полового влечения (passim). Лекции. Т. II. С. 110 и др. Ср. также: *Bleuler.* Die Psychoanalyse Freuds. Цит. изд. S. 25. *Hitschmann E.* Freuds Neurosenlehre. 1911. S. 4; *Pfister O.* Zum Kampf um die Psychoanalyse. S. 237; *Schulz I. H.* Die Psychoanalyse. Zeitschr. f. angew. Psychologie. B. II. S. 471.

⁴ На эрогенности органов мы остановимся ниже. Пока же ср.: *Фрейд З.* Лекции... Цит. изд. Т. II. С. 93, 113. Ср.: Теор. полов. влечения. Цит. изд. Т. VIII. С. 59–60 и др.

⁵ Именно такой постановкой вопроса подчеркивается то широкое значение, которое приписывается психоанализом сексуальности; ср.: *Фрейд З.* Цит. изд. Т. IV. С. 46–47. Теория полового влечения. Цит. изд. Т. VIII. С. 11, 91 и сл.

⁶ Ср.: *Freud S.* Теория полового влечения. Т. VI. С. 90 и сл. *Federn P.* Schema der Libidoaufnahme zur Begutachtung und Indikationsstellung. Доклад на VII психоаналит. конгрессе // Internat. Zeitschr. f. Psychoanalyse. 1922. S. 486–487.

⁷ Взгляд на сексуальность как на особый химизм — см.: *Фрейд З.* Лекции... Т. II. С. 177. Теория полового влечения. Цит. изд. Т. VIII. С. 91–92; различие обеих групп влечений с этой точки зрения см. Т. VIII. С. 43.

— то как понимает его психоанализ? Можем ли мы и в этом моменте констатировать ту же органическую объективность, на которую мы указывали и раньше, и нет ли здесь ультрапсихологической телеологии, учения о том, что влечения эти созданы «с целью» борьбы за наслаждение? Попытаемся же кратко указать на место, которое занимает «наслаждение» в общей системе психоанализа.

Учение о «наслаждении» занимает в психоанализе, безусловно, крупное место. Оно рассматривается как основная детерминирующая сила, как главная тенденция, «принцип» жизнедеятельности организма.

Именно этой тенденции получить максимальное наслаждение, удовлетворив влечения, следует весь организм как в его сознательной, так и в его бессознательной части¹.

Однако именно этим понятию «Lustprinzip» дается вполне определенное место. Мы знаем, что субъективно момент удовольствия. Наслаждения, является лишь некоторым состоянием сознательной психической деятельности. Понимание же «принципа наслаждения» психоанализом резко выходит из таких границ, из понятия субъективной «психологии сознания» и превращается в понятие органическое, в общий биологический принцип работы организма.

То, что отражается в сфере сознания как «наслаждение», скрывает под собой более глубокие органические тенденции; именно этим тенденциям следует организм в борьбе за существование и самосохранение; психический анализ ведет нас к органическим источникам, «психологическая причинность» перехода в причинность органическую².

В самом деле, мы уже указали выше, что организм человека находится под непрерывным влиянием постоянных внутренних раздражений — влечений; если мы сюда прибавим постоянно доходящие до организма раздражения внешней среды, — нам будет ясен тот тонус напряжения, который должен создаться у организма. И вот создается биологически необходимая тенденция — снизить уровень раздражения, который отражается в сфере сознания, как нечто «неприятное», чего нужно избежать³.

¹ Ср.: Фрейд З. *Лекции...* Т. II. С. 146 и др. *Jenseits des Lustprinzips*; Положение о двух принципах психической деятельности. Цит. изд. Т. III. С. 82 и сл. и мн. др.

² Ср.: *Binswanger L. Psychoanalyse und Psychiatrie // Internat. Zeitschr. f. Psychoanalyse*. 1921. S. 152. «В то время как у Крочмора (и психологов) силы, обуславливающие психическую жизнь, происходят из психики же, у Фрейда они коренятся в биологии организма». *G. Jellgersma. Psychoanalytischer Beitrag zu einer Theorie der Gefühle*, там же, 1920. S. 8: «Таким образом, в психоанализе мы имеем дело с понятиями чисто естественнонаучного, а не «психологического» порядка. Ср.: *Alexander F. Metapsychologische Betrachtungen*, там же, 1921. S. 270 и др. В последнее время мы встречаемся с проникновением «принципа удовольствия» и в биологию (ср., например: *Ferenczi. Versuch einer Genitaltheorie*. 1924) и даже рефлексологию (ср. интересную статью В. И. Болдырева — «Два новых основных закона функции головного мозга» в «Bulletin of the Battle — Breek Sanitarium and Hospital Klinik». 1924. March. Vol. XIX. № 2, реферат в Казанском медицинском журнале, 1944. № 6). *Pfister O. Zum Kampf um die Psychoanalyse*. 1920. S. 247 ff. *White W. Foundations of pszchiatr.* N. Y.: 1921. P. 10–11 и др.

³ Ср.: Фрейд З. О нарцизме. Цит. изд. Т. VIII. С. 128: «неудовольствие является выражением высшего напряжения, т.е. оно представляет собою известную величину материального процесса (курсив мой. — Ал. Л.), ведущего к накоплению внутреннего напряжения, воспринимаемого психически, как чувство неприятного, неудовольствия». Ср. также: Фрейд З. Теория полов. влеч. Т. VIII. С. 84. *Jenseits des Lustprinzips*. 1921. S. 3, ff. *Jellgersma. Psychoanalytischer Beitrag zu einer Theorie der Gefühle*. Цит. место, S. 1–2

Создается необходимость разрешить накопившееся раздражение, будь то раздражение внутреннего или внешнего порядка.

Снизить доходящие извне раздражения, тормозить их доступ в организм, наконец, снизить тонус раздражения, исходящего от так называемых влечений, — вот задачи. Которые берет на себя психический аппарат, который последние работы психоанализа метко определяют как «орган торможения»¹; основная тенденция всего организма, которая и отражается, если допустить психологическую терминологию, в «принципе наслаждения» (Lustprinzip) — и сводится, таким образом, к тенденции «одолеть и освободиться от воспринимаемых им извне и изнутри раздражений и возбуждений»², достигнуть состояния наименьшего тонуса возбуждения³.

Таким образом, понятие влечения получает свою энергетическую, количественную формулировку, происходящие в психике процессы сводятся к энергетическим процессам раздражений и реакцией на них, а с тем пропадает и тот психологический, субъективный характер, который носит с первого взгляда Lustprinzip, как основная тенденция организма; нам хотелось бы здесь же подчеркнуть, что с этим и пропадает та мнимая телеология, которой якобы подчинен организм с точки зрения психоанализа; она заменяется строгой биологической причинностью, и в ней, конечно, не остается и следа от какого бы то ни было произвольного «стремления к удовольствию»: психологическая телеология заменяется органической каузальностью⁴.

Нам ясен органический характер влечений; однако нам следует ближе познакомиться и с их органическими источниками; этим мы подойдем ко второму из поставленных нами вопросов и будем иметь случаи еще раз указать на второй важный шаг, сделанный психоанализом для построения материалистически-монистической психологии цельного организма — введение мозга и, таким образом, психики в общую систему органов тела и их интерреляции.

Психоанализ уже давно заметил, что некоторые части тела обладают особой восприимчивостью к различным внешним и внутренним

и др.

¹ Ср.: *Фрейд З.* О нарцизме. Т. VIII. С. 129; «Душевный аппарат — орудие, при помощи которого мы справляемся с возбуждениями». Ср.: *Jenseits des Lustprinzips. Alexander F.* Metapsychologische Betrachtungen. Цит. место. S. 272. *Ferenczi S.* Die Psyche als Hemmungsorgan // Intern. Zeitschr. f. Psychoanalyse. 1922. S. 203 ff. *Kempf.* Psychopathology. 1920.

² *Фрейд З.* Лекции... Т. II. С. 146 и 164. Ср. его же: *Jenseits des Lustprinzips.* S. 62: «Das Lustprinzips ist eine Tendenz, welche im Dienste einer Funktion steht, der es zufällt, den seelischen Apparat erregungslos zu machen oder den Betrag der Erregung in ihm konstant oder möglich niedrig zu erhalten». *Deutsch F.* Psychoanalyse und Organkrankheiten // Intern. Zeitschr. f. Psychoanalyse. 1922. S. 290–291, а также цитированные работы Ф. Александера и др.

³ Ср. особ. *Freud S.* Das Ich und das Es. S. 23 цит. соч. *Jelgersma.* Любопытно отметить, что система психоанализа совпадает здесь с учением Авенариуса о жизнеразностях (ср. *Авенариус.* Критика чистого опыта, например, в изложении Луначарского. М., 1909. С. 24 и сл.).

⁴ Ср.: *Alexander F.* Metapsychologische Betrachtungen. Цит. место. S. 270–271 и *Binswanger L.* Psychoanalyse und Klinische Psychiatrie. Цит. место. S. 153–154. В этом пункте особенно стоит отметить диалектический подход к проблеме телеологии: то, что нам кажется стремлением к цели (наслаждения), есть лишь осуществление биологической необходимости. Противоречие между каузальностью и телеологией сводится здесь на нет.

раздражениям и что раздражение их становится особо мощной стимулирующей силой для мозга и всей нервно-психической системы. Таким образом, оказалось совершенно невозможным при изучении психики игнорировать источники ее «движущих сил» — отдельные органы тела — и изучать мозг вне системы интерреляции органов¹.

Так была поставлена проблема об органических источниках влечений и реакций личности; так развилось в психоанализе учение о психологическом значении органов тела, — то, что вылилось позднее в строгую систему учения об эрогенных зонах (З. Фрейд)² и о малоценных органах и их психической компенсации (А. Адлер)³ и что нашло себе блестящее подтверждение в физиологическом учении об интерреляции органов и влиянии эндокринной системы на мозг и его функции.

А. Адлер первый выдвинул вопрос о важности для психологии изучения отдельных органов тела и их функций и обосновал ее в стройной системе. По его мнению, мы часто встречаемся с органами, обладающими относительно пониженной функциональной способностью, слабостью и повышенной раздражимостью⁴; их Адлер квалифицировал как «органы малоценные» и указал на то, что именно эта молодость лежит в основе их заболевания⁵. Однако биологически невозможно, чтоб пониженная деятельность органа осталась без компенсации со стороны чего-нибудь, заменяющего это слабое место в организме; так, в случае малоценности одного из парных органов (легкие, почки, мозг, полушария), часть функций его берет на себя второй «вакарирующий» орган; при малоценности одного легкого компенсаторно развивается второе⁶. Иную картину видим мы при малоценности непарного органа: в таком случае задачу компенсировать недостаток берет на себя центральная нервная система, которая и исполняет ее путем торможения направленных на орган раздражений и путем создания над функцией данного органа соответствующей «психической надстройки», помогающей осуществлению возложенных на орган заданий⁷. При малоценном органе эта задача — компенсировать его малоценность —

¹ Ср.: *Adler A. Studie über die Minderwertigkeit der Organ.* 1907. Особ. S. 59; *Wheeler W. M. On Instincts // The Journal of abnormal Psychology.* 1920–21. Vol. XV. P. 295 ff.: «Типичный психолог не изучает материал так, как это следует, то есть сравнивая и сопоставляя отдельные его части, как это делает естествоиспытатель, но ограничивает свое исследование головой, игнорируя остальные части организма...» *Binswanger L. Psychoanalyse und Klinische Psychiatrie.* Цит. место. S. 153. *Белов Н. А. Физиология типов.* Орел, 1924. Общим фундаментом для психических и телесных явлений у Фрейда не является изолированный мозг, но влечение, как понятие пограничное между психическим и соматическим, представляющее *органические силы* (курсив мой. — А. Л.).

² Учение об эрогенных зонах — одно из основных учений психоанализа — получило свое обоснование в «Теории полового влечения З. Фрейда и имеет большую литературу.

³ Это учение выдвинуто А. Адлером в его классическом труде «*Studie über die Minderwertigkeit der Organ*» (1907) и получило свою дальнейшую разработку в последующих трудах А. Адлера «*Über den geringen Charakter*» (1912), «*Praxis und Theorie der Individualpsychologie*» (1920) и др.

⁴ Некоторые авторы указывают на близость понятий малоценного органа и эрогенной зоны, опираясь как раз на такое определение малоценности. Ср.: *Wexberg E. Две психоаналитические теории.* Русс. пер. // Психотерапия. 1912. *Henrichsen O. Наше понимание душевных процессов в связи с теориями Фрейда и Адлера.* Там же. 1913. Вып. 6; ср. также: *Adler A. Studie über die Minderwertigkeit der Organ.* S. 25.

⁵ *Adler A. Studie über die Minderwertigkeit der Organ.* Passim.

⁶ *Adler A.* Там же, с. 10 и сл.

⁷ *Adler A.* Там же, с. 28, 32, 47 и особ. 61 и сл.

становится основной движущей силой психики, орган становится в центре интересов и внимания¹, являясь, таким образом, источником целой системы реакции личности.

Таково в самом схематичном виде выдвинутое учение о значении органов для психических функций².

Здесь мы переходим к учению об органической основе влечений, выдвинутому З. Фрейдом и дающему серьезную позитивную подпочву всему психоанализу. Из указанных уже выше соображений нам придется остановиться главным образом на органических источниках сексуальных влечений.

Крупнейшей заслугой Фрейда, бесспорно, является то, что он обратил внимание на ту роль, которую играют для психической жизни отдельные органы и зоны, обладающие той специфически-повышенной раздражимостью, которую мы уже охарактеризовали выше как основной признак влечения. Эти зоны, дающие при возбуждении то, что мы выше назвали наслаждением (в указанном смысле), — и являются «источниками влечений»³. Это не обязательно область гениталий; сюда относятся также и слизистые оболочки рта, анального отверстия⁴, сюда при широком понимании могут быть отнесены также некоторые места кожного покрова и мышцы⁵.

Все эти области, называемые психоанализом «эрогенными зонами»⁶, создают единую мощную систему, воздействующую на психический аппарат, направляющую его деятельность и регулиующую его борьбу за «снижение тонуса напряжения», за «принцип наслаждения».

Однако эти области, где эндогенное возбуждение сталкивается с возможностью его внешнего удовлетворения, — носящие по учению психоанализа определенно сексуальный характер⁷, — не ограничиваются, как мы уже указали, лишь сферой гениталий. Эрогенная функция может часто присоединяться к обычным функциям органа⁸ и, таким образом,

¹ Adler A. Там же, с. 62, 69.

² Мы не задели в нашем изложении целого ряда важных сторон этой оригинальной теории: учение о «стигмах» малоценных органов (органических и психологических), учение о путях и исходах центральной компенсации, а также и всю построенную на этой основе «индивидуальную психологию». К ней мы надеемся вернуться в другом месте.

³ Ср.: Фрейд З. Теория полового влечения. Т. VIII. С. 43, 57. Лекции... Т. II. С. 103. *Ferenczi S. Hysterie und Pathoneurosen* (1919).

⁴ Ср.: Фрейд З. Теория полового влечения. Т. VIII. С. 55–56, 57, 76, 127 и др. Фрейд З. О превращении влечений, в особенности анальной эротике. Цит. изд. Т. III. С. 199 и сл. Характер и анальная эротика. Т. V. С. 17 и сл., а также помещенные в вып. психологически и психоаналит. библи. статьи Э. Джонса, Г. Хаттингберга, С. Задгера. — Lou Andreas Salomй — *Anal und Sexual. «Imago»*, Bd. IV и мн. др.

⁵ Ср.: Sadger I. Эротика кожных и слизистых покровов и мышечной системы. Цит. библи. Т. V. С. 125–164.

⁶ Понятие эрогенных зон имеет свою историю. Шарко обратил внимание на их повышенную чувствительность и специфические свойства, назвав их «истерогенными зонами»; Шамбар (1881) рассматривал их как «centres erogenes» в соотношении с сексуальными функциями; Фере (1883) указал на сходство обеих; подробно учение об эрогенных зонах было разработано Бине и Фере, Х. Эллисом и, наконец З. Фрейдом. См.: Ellis H. *The Doctrine of erogenous Zones // Medical Review of Reviews*. 1920. April. P. 191.

⁷ Ср.: Фрейд З. Теория полового влечения. Т. VI. С. 59–60 и приведенные выше цитаты.

⁸ Фрейд З. Лекции... Т. II. С. 97–98, 113 и сл. и др. Здесь учение Фрейда об эрогенности близко соприкасается с учением о функциях органов Адлера.

характеризует и еще ранее введенное в психоанализ понятие «Organlust», осложняя последнее; таким образом, эрогенной зоной может быть любая зона человеческого тела, и наоборот, «ни одно место на теле не свободно всецело от эрогенности»¹.

Все эти положения основаны на изучении детских, прегенитальных форм сексуальности, сексуальности невротиков и половых извращений. Именно эти исследования подчеркнули, что эрогенность разлита по всему организму и что эрогенные функции лишь в позднейшем концентрируются на гениталиях, которые, таким образом, можно рассматривать не как единственную, но лишь как обычно доминативную эрогенную зону².

Именно такое положение вещей, при котором исходным является разлитость эрогенных функций по различным органам тела, и подчеркивает огромное значение эрогенных зон для психики. Направляя работу психического аппарата в духе осуществления «принципа наслаждения», эрогенные зоны регулируют у ребенка также и его отношение к внешнему миру, заставляя его отдифференцировать эрогенные раздражения от иных, и тем обуславливают различные реакции ребенка на внешнюю среду.

Не следует особенно объяснять то понятное положение, что материнская грудь, соприкасающаяся с ротовой полостью ребенка и возбуждающая слизистые оболочки рта, концентрирует вокруг себя (так же точно, как и раздражители, лишённые пищевого характера, например, соски, пальцы при сосании — так наз. Lutschen — и т.д.) все «интересы» или, как мы скажем, реакции ребенка, так же как впоследствии это делают отдельные раздражения кожи и мышц или деятельность кишечника и раздражения, связанные с выводными отверстиями³, и т.д.

Неудивительно поэтому, что эрогенные зоны могут влиять на все дальнейшее построение личности, и поставленная так проблема интерреляции психики и других органов может перевести в совершенно иную, новую для психологии плоскость такие вопросы психологии, как формирование характера и т.п.

Учение о формировании характера, перенесенное на органическую основу, еще недостаточно развито психоанализом, но даже то немногое, что он дает нам, помогает нам понять человеческую психику несравненно больше, чем это могла сделать старая субъективная, «эмпирическая» психология.

¹ Ср.: *Фрейд З. Теория полового влечения*. Цит. библи. Т. VIII. С. 59 и прим. *Ferenczi S. Hysterie und Pathoneurosen* (1919).

² Развитие примата генитальной эрогенной зоны вполне подходит под конструкцию «доминантов», как сфер наибольшей возбудимости, привлекающей к себе все, даже идущие на адрес иных органов, раздражения, введенную А. А. Ухтомским и его школой. См. ст. его и его учеников в «Русском физиологическом журнале». 1923. Кн. IV. Ср. с этим развитие примата гениталий, как его описывает, например, *Ferenczi S. Hysterie und Pathoneurosen*. 1919. S. 11. Примат генитальной зоны проявляется в том, что каждое возбуждение эрогенной области сейчас же втягивает в возбуждение и гениталии... Гениталии как центральная эрогенная зона относятся к другим эрогенным зонам, как мозг к органам чувств. Ср. также: *Фрейд З. Теория полового влечения* Т. VIII. С. 82.

³ Ср., например: *Джонс Э. Об анально-эротических чертах характера*. Цит. библи. Т. V. С. 24. «Акт дефекации составляет в первые годы жизни младенца один из главных интересов его жизни».

Если функции эрогенных органов действительно занимают такое большое место в жизни ребенка, то именно в них должны мы искать корни образования многих черт человеческого характера. Мы уже указали выше, что функции таких органов в известные периоды развития концентрируют вокруг себя главную часть интересов ребенка; раздражения, приходящиеся на их долю, и реакции на них составляют, пожалуй, самое значительное в примитивной, еще организующейся жизни ребенка; поэтому не мудрено, что эти реакции часто служат моделью, к которой возвращаются формы позднейшей психической жизни. Разбирая отдельные черты характера и их происхождение из примитивных реакций на идущие со стороны органов раздражения, мы можем установить, по крайней мере, три пути, с помощью которых примитивные влечения и формы органических реакций могут превратиться в сложные черты характера: особенность характера может или просто повторять форму примитивной реакции, или повторять ее в измененном, усложненном, «сублимированном» виде, или же, наконец, она может получиться как реактивное образование к этой форме первичного удовлетворения и подчеркивать черты, противоположные тем, которые были в детстве¹.

Уже выше мы заметили вскользь, что развитие организма ребенка идет по пути преобладания отдельных эрогенных зон, которые уже впоследствии заменяются посредством одной доминанты генитального аппарата, мощно влияющего на психическую деятельность.

Из таких стадий преобладания эрогенных зон психоанализ отмечает прежде всего фазы так называемой оральной эротика (эрогенное значение ротовой полости, связанное с питанием), затем фазу преобладания анальной эрогенной зоны (связанную с пищеварительным аппаратом и выделительным трактом); Уже затем выступают другие преобладающие зоны, заменяющиеся, наконец, генитальной².

Не мудрено, что преобладание каждой из этих зон сказывается на образовании характера, причем влияние их на психическую организацию может выбрать один из указанных выше путей.

Так, например, одна из важнейших стадий в развитии ребенка — стадия преобладания анальной эрогенной зоны — характеризуется повышенной раздражимостью слизистых оболочек анального отверстия³, доминантным значением всех связанных с этой зоной реакций и стремлением к постоянным раздражениям ее. У ребенка это выражается в повышенном интересе, проявляемом к акту дефекации и тенденции как можно дольше

¹ Ср., например: *Джонс Э.* Об анально-эротических чертах характера, цит. библи. Т. V. С. 24. *Фрейд З.* Характер и анальная эротика. Там же. С. 19 и сл.

² Ср.: *Freud S.* О формах (стадиях) прегенитальной фазы развития ребенка. 72 и сл. Лекции... Т. II. С. 115 и сл. Ср. также: *Forsyth D.* The rudiments of Charakter // *Psychoan. Rev.* 1921. P. 117 ff., где различаются три главные фазы прегенитальной организации: 1) вегетативная, 2) фаза выделения эрогенных зон, связанных с питательным аппаратом, 3) фаза кожной эротика. Именно эти фазы прегенитальной организации влияют на дальнейшую судьбу «сексуальной конституции». Ср.: *Фрейд З.* Теория полового влечения. Т. VIII. С. 80, 109 и др.

³ Ср.: *Фрейд З.* Теория полового влечения. Т. VIII. С. 58 и др.

задерживать кал, оттягивать акт дефекации и связанное с ним опорожнение кишечника и прекращением раздражений¹.

Freud, а за ним и отдельные авторы описывают ряд черт характера, корни которых с несомненностью можно проследить в этих связанных с преобладанием анальной эрогенной зоны примитивных реакциях.

Так, например, повторение формы этих реакций в дальнейшей жизни может проявиться в чертах «упрямства», в нерешительном оттягивании своих задач и исполнения обязанностей с последующим импульсивным исполнением их и т.д.² Человек в этом случае просто повторяет в других сферах жизни то «упрямство», то «стремление оттягивать конечный акт» (дефекация), которые когда-то играли такую крупную роль на заре его жизни, когда он еще был примитивным существом, в центре «интересов» которого стояла деятельность кишечника и раздражение связанных с ней зон³. Механизм образования таких черт характера и привычек вполне совпадает, таким образом, с механизмом образования условных рефлексов на примитивной, органической базе.

В качестве примера образования черт характера путем преобразования, сублимации примитивных анально-эротических функций психоанализ приводит бережливость, скупость как то же стремление задерживать кал, принявшее более социальные формы и перенесенное на другой объект, будь то вещи (при коллекционировании) или деньги и т.д.⁴

Наконец, примитивные черты анальной эротики могут быть заторможены, вытеснены в будущей эволюции организма, как социально неприемлемые, и, даже больше, они реактивно могут быть заменены иными, противоположными им, социально окрашенными чертами⁵. Такова, по мнению Фрейда и его учеников, черта чистоплотности и аккуратности, реактивно развившаяся на месте заторможенного, вытесненного стремления к нечистоплотности, обмазыванию себя выделениями и т.п. — стремлений, связанных, опять-таки, с деятельностью анальной эрогенной зоны⁶.

Как бы несовершенны ни были предложенные психоанализом примеры, какими бы странными они нам ни казались⁷, — нам важно подчеркнуть одно: здесь мы видим первую попытку построить учение об образовании характера человека не на основе каких-нибудь субъективных

¹ Ср.: *Фрейд З.* Характер и анальная эротика. Цит. изд. Т. V. С. 18 и сл. *Джонс Э.* Об анально-эротических чертах характера. Там же. С. 24 и др.

² Эту интересную черту Э. Джонс замечает в любопытном факте оттягивания ответов на письма, откладывания разных обязанностей по дому у хозяйки и т.д., ср. его цит. ст. С. 29–30.

³ Мы привели лишь две указанных черты характера, оставив в стороне чрезвычайно интересное исследование, касающееся иных сторон.

⁴ Ср.: *Фрейд З.* Характер и анальная эротика. Цит. изд. Т. V. С. 21 и сл. *Джонс Э.* Об анально-эротических чертах характера. Там же. С. 25, 42 и др.

⁵ На этих механизмах психических образований мы остановимся ниже, когда речь у нас будет идти о динамике и диалектике психической жизни.

⁶ *Фрейд З.* Характер и анальная эротика, 19 и сл. *Джонс Э.* Цит. ст. 44, 47 и др.

⁷ Так, Э. Джонс цит. ст. с. 24 говорит: «Самый поразительный результат исследований З. Фрейда, вызывающий, быть может, больше всего сомнений и больше всего протестов, составляет его открытие, что определенные черты характера, зависящие от сексуальных раздражений анальной зоны, обуславливают глубокое изменение в самом раннем детстве человека».

«психических качеств», не путем чисто внешней аналогии с биологическими законами¹, но на органической основе, путем прослеживания примитивных основ сложных черт характера в деятельности органов человеческого тела и в их влиянии на психический аппарат.

Принцип интерреляции органов, в число которых мозг входит как одна из составных частей, дает возможность, по выражению Л. Бинсвангера², «материализовать» учение о характерах, поставить его на позитивные основы.

* *

Так закладываются основы психологии, построенной на фундаменте материалистического монизма, рассматривающего явление психической жизни как один из видов органических явлений, не проводящей никакой принципиальной границы между процессами, происходящими в отдельных органах человеческого тела, и психическими реакциями на них.

Психоанализ, перенося учение о психических явлениях в совершенно иную плоскость учения об органических процессах, происходящих в цельном человеческом организме, резко порывает с метафизикой и идеализмом старой психологии и закладывает (вместе с учением о реакциях и рефлексх человека)³ твердый фундамент психологии материалистического монизма, позитивно подходящей к психике цельной личности.

Именно этим психоанализ отвечает на первую задачу, поставленную перед современной психологией крупнейшей философией эпохи — диалектическим материализмом: задачу материалистически подойти к цельной личности и движущим силам ее психики.

Психоанализ внес крупный вклад в решение этой проблемы, сделав один за другим два крупных шага: утвердив слитность отдельных психических функций и введя всю психику в общую систему органов и их биологически обусловленной деятельности.

Этим он развернул целую новую «биологию психики»⁴, сделав серьезные шаги по пути создания стройной, объективной монистической системы⁵, и мы можем вполне согласиться с О. Пфистером в высказанном им положении: «Фрейд — первый большой позитивист в психологии»⁶.

¹ Ср., например, Фулье, «Темперамент и характер», строящий учение о темпераменте по аналогии с биологическими процессами интеграции-дифференциации.

² «В психоанализе характер представляется фиксированным, материализованным и динамически освещенным» (*Binswanger L. Psychoanalyse und Klinische Psychiatrie*. Цит. место. S. 155).

³ О принципиальной близости подходов психоанализа и рефлексологии ср., например, *Бехтерев*. Основы рефлексологии человека, ГИЗ, 1923 (! Изд. 1918, гл., 38), работы его учеников: Иванов-Смоленский, Ленц в журн. «Психиатрия, неврол. и эксприм. психология» и «Новые идеи в медиц.» Сб. 4; ср. также: *Humphrey G. The conditional reflex and the Freudian Wish // Journal of abnormal psychology*. XIV. P. 338. Подробнее на этом мы еще остановимся.

⁴ *Pfister O. Zum Kampf um die Psychoanalyse*. 1920. S. 247: «Eine ganz neue psychologische Welt tut sich auf — eine grossenteils neue Biologie der Seele».

⁵ Ср. *Ленц А. К. Условные рефлексы и конструкция современной психиатрии // Новые идеи в медицине*. Сб. 4. С. 69: «Психоанализ — система, лишь по названию психологическая; в самом же деле он объективен, физиологичен».

⁶ *Pfister O. Zum Kampf um die Psychoanalyse*. 1920. S. 241.

Однако, чтоб система психоанализа еще ближе подошла к требованиям, предъявляемым методологией диалектического материализма, ей нужно было развить во всей полноте динамику, диалектику психической жизни и сделать третий шаг по пути целостного подхода к организму — ввести его в систему социальных влияний¹.

Этими сторонами психоанализа нам и придется заняться в следующих главах нашего исследования.

*Психология и марксизм.
Л., 1925, с. 47–80*

¹ Только этим последним мы перейдем в учении о нервно-психической деятельности от механического материализма к диалектическому.

Социальная психология и учение Фрейда

М. А. Рейснер

Применение психологического метода к социальной науке или по крайней мере то или иное его использование было необходимо уже потому, что общество состоит из людей, а так называемая душевная их деятельность является одним из составных элементов деятельности общественной. И если для изучения жизни животных, особенно же животных общественных пришлось между прочим прибегнуть к помощи зоопсихологии, то тем более психология была необходима для объяснений явлений общественности. Ибо, как правильно утверждает теория исторического материализма: «люди сами делают свою историю». А в центре процесса здесь стоит существо, которое, — худо ли, или хорошо, по лишь при помощи психологически воспринимаемой нами деятельности мозга и нервов, — способно и к воздействию на мир окружающей человека природы и на других живых существ, а в том числе и человека. В последнем случае к тому же мы встречаемся с системой общения, построенной на условных рефлексах, которые удивительным образом отражают в своей символической более или менее точную картину действительности...

В науке обществоведения за некоторыми исключениями скорее приходится опасаться не недостатка психологии, но *чрезмерного увлечения ею*. У каждого такого обществоведа «в области каждой науки имеется известный материал, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и проделал ряд ступеней самостоятельного развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений. Конечно, на это развитие могли воздействовать в качестве сопутствующих причин и внешние факты, относящиеся к данной области или к другой, но факты эти по молчаливому соглашению считаются опять-таки плодами мыслительного процесса, и таким образом мы все время продолжаем оставаться в области чистой мысли, которая счастливо переварила самые твердые факты» (*Энгельс Ф.* Письмо Мерингу от 14 июля 1893 г. в сборнике Адоратского: «Письма», с. 309). Так создается течение, которое всю общественную жизнь превращает в одно сплошное осуществление идеи, как чистое творение чистого сознания.

Более широкое психологическое основание общественности мы находим в кругу социологов психологического направления. Таковы не только чисто психологические системы Г. Тарда, Лестера Уорда, Зиммеля, Гиддингса, де Грефа, Фулье и Дюркгейма, но и труды приверженцев позитивизма вроде Конта, Спенсера, Кидда, де Роберти и других, которые во всяком случае уделяют если не решающее, то во всяком случае чрезвычайно важное место психологическому фактору. Не говорим уже о попытках построения непосредственно теорий и систем, специально посвященных общественной психологии вроде Макдугалла, Бундта и других. Сравнительно позже был использован психологический метод в тех отраслях обществоведения, которые подобно праву и государственному праву подвергали своему

исследованию не столько самую жизнь общества, сколько определенные продукты его деятельности, и притом деятельности психической. Лишь в последнее время преимущественно русские ученые дали развитие и научное обоснование психологическому направлению в учении о праве и государстве. Наиболее ярко выраженным течением в этом направлении является бесспорно теория Петражицкого. (О важнейших социологических теориях современности — см. Барт, *Философия истории как социология*, М. Ковалевский, *Современные социологи*, отчасти у Лориа, *Социология* и новейшие указания у Тахтарева, «Наука об общественной жизни». Что касается развития психологических воззрений в науке о праве и государстве, то см. мои «Теорию Петражицкого, марксизм и социальную идеологию», Спб., 1908 г. и «Государство», изд. 2-е, Идеология и метод, с. IX–XIII.)

К сожалению, однако, указанный здесь психологизм страдает весьма крупными недостатками. Прежде всего на нем отражается *плачевная отсталость самой психологии как науки*. Как известно, лишь в последнее время под давлением физиологов, с одной стороны, и врачей, главным образом психопатологов и психиатров, с другой, психология стала, наконец, на пути положительной науки, перешла к экспериментальному методу и не только стала освобождаться от влияния философии и метафизики, но и создала прикладной отдел психотехники. Совершенно очевидно, что до такого превращения в научную дисциплину все, даже самые интересные, талантливые и порою изящные интуиции психологии, построенной на умозрении и догадке, не могли иметь никакого серьезного значения, и психологически мыслящие социологи строили свое здание на песке. За примерами далеко ходить здесь не приходится. Так основатель психологического метода социологии, Лестер Уорд, в своем построении чувствования и «теллического интеллекта», менее всего считается с данными новейшей психологии и ее учением о грандиозном преобладании не целесообразного процесса, а каузального, не вечно изобретающего разума, а весьма косного рефлекторного и автоматического бессознательного. В такой же мере фантастична и теория Макдугалла, так как он без достаточного изучения инстинкта строит целую систему инстинктов, которые являются ступенью к целесообразному воплощению чуть ли не бергсоновской жажды жизни.

Второй бесспорной причиной неудачи применения психологического метода в науках об обществе является свойственная старой психологии черта, которая, в противоположность наукам естественным и эмпирическим, не желает медленного и кропотливого исторического исследования, но стремится *при помощи общих свойств и процессов душевной деятельности сразу и целиком исчерпать все колоссальное разнообразие действительных психических процессов*. Ибо воистину люди не только «сами делают свою историю», но, производя материальные ценности, в то же время вечно пересоздают и преобразуют сами себя. Отсюда и необходимость самого внимательного и кропотливого отношения ко всей фактической обстановке той или иной среды и учета важнейших материальных условий, которые

налагают свою неизбежную печать на психику производящего и борющегося общественного человека. Ничего подобного мы не находим. В лучшем случае перед нами весьма субъективная характеристика данной расы, национальности или эпохи в духе ярких и художественных, но в то же время совершенно фантастических построений Шпенглера (см. его «аполлоновская, фаустовская и магическая душа» в «Закате Европы»), в худшем — обильные иллюстрации рискованного положения при помощи случайно нахвачанных из разных стран, классов и времен этнологических, биологических, экономических и культурно-исторических данных (образцом такого неудачного, сочетания необычайно общих законов и мелочно-эмпирических случайных фактов является «Коллективная рефлексология» В. Бехтерева, которая далеко не прибавила славы почтенному исследователю).

И метафизически обоснованная психология и лишенная исторического обоснования социология являются, однако, далеко не случайными направлениями в науке. Не надо забывать, что наука об обществе была основана впервые тогда, как на арене истории появилось «общество» в отличие от государства, или, иначе, гражданская (экономическая) форма общественной организации в отличие от политической организации того же самого субстрата¹, и если «разум» и «природа» дали, с одной стороны, пресловутый каталог прав, то, с другой, — именно эти две категории были призваны организовать сначала «прогресс», начиная с Кондорсе и кончая Уордом, а затем и «эволюцию» в истолковании Спенсера и Кидда. Разница только в том, что «природа» была заменена либерально обработанной биологией, а «разум» — целесообразно-гармоничным инстинктом, который увенчивается благодетельным «изобретением». Когда же на сцену истории поднялся новый общественный класс со своим пониманием общества, то социальная психология сразу обнаружила свою не столько научную, сколько партийную и классовую природу. Достаточно почитать пресловутые исследования о «толпе» и ее психологии у Сигеле, Тарда и Лебона, о революционном неврозе у Кабанеса и Насса, о психологии социализма у того же Лебона для того, чтобы понять, откуда берется эта совершенно оторванная от классовой обстановки «толпа», ибо, по живописному выражению Лебона, «в тот день, когда эти вооруженные толпы без всякой внутренней связи и военных инстинктов (?) обратят свое оружие, как во время Коммуны, против общества... это последнее будет очень близко к своей гибели. Тогда оно увидит пожар своих городов, неистовства анархии, нашествие, расчленение, почувствует на себе железную пяту деспотов-освободителей и окончательное распадение...» (Г. Лебон, Психология социализма, Спб., 1908, с. 372).

Нас, конечно, нисколько не удивляет такое завершение характеристики абстрактной толпы, ставшей предметом исследования «социальной психологии», сложившейся под влиянием побед и поражений буржуазии. Поскольку мы имеем дело с наукой, выросшей в определенной общественной

¹ Ср. мою статью в «Итогах науки», выпуск XXV, с. 168 и след.

среде, мы тем самым должны считаться и с известным *классовым влиянием*, определяющим не только предмет научного интереса, но и методы обработки материала. Ибо классовая психология включает в себе не только сознание определенного интереса, но всю гамму влечений, чувствований, типов восприятия, традиции, видов внушаемости и характеров активности, которые строго обусловлены не только положением в общественном разделении труда в производстве, но и выросшими на его основе бесчисленными формами организации, начиная от родовой и кончая политической. Как правильно заметил Энгельс, поскольку «в природе... действуют одна на другую лишь слепые бессознательные силы», постольку же в истории общества действуют «люди, одаренные сознанием, движимые убеждением и страстью, ставящие себе определенные цели» (Ф. Энгельс, Л. Фейербах, М., 1922, с. 53). И поскольку мы имеем дело не с точными науками, а общественными, вполне естественно, что их неустойчивость и незрелость дают тем большую возможность вносить в них, кроме объективного стремления к истине, в гораздо большей степени политические и социальные стремления и вкусы.

В общественных науках — и это составляет крупное приобретение исторического материализма — действительность всегда выступает в сопровождении призраков, понятия — в окраске не столько «убеждений», сколько «страстей», а идеи в диком смешении с императивными, оторванными от земли, но практически необходимыми «идеологиями». Яростная злоба Лебона против социализма есть только наиболее резкое выражение той эмоционально-классовой, идеологической подкладки, которую можно весьма легко обнаружить и у Конта с его утопией буржуазного рая, и у Спенсера с его блаженством промышленного строя, и даже у Л. Уорда с его соблазнительной «социократией», но, конечно, у всех без революции. Вполне правильно поэтому в своей статье, посвященной Фрейд¹, известный австрийский государствовед, Ганс Кельсен, разоблачает, например, социологическую теорию Дюркгейма, которая оказывается не адекватным изображением истины, но своего рода нормативным учением, по нашему обозначению идеологией, в основе которой лежит не что иное, как настоящее обожествление «общества». Как совершенно верно говорит Кельсен: «Дюркгейм стремится определить не столько — и не только — тенденцию, самый психологический факт мотивирующей силы известных нормативных представлений, сколько определить их ценность, основываясь на авторитете выросшего до размеров бога общества». И на самом деле, о какой объективности тут может идти речь, когда Дюркгейм не останавливается перед такими заявлениями: «Только сознательное существо может обладать авторитетом, который необходим для того, чтобы создать моральный порядок. Личностью такого рода является бог и в одинаковой степени общество. Если нам понятно, почему верующий любит и чтит

¹ См. помещенную в «Imago» (1922 г.) статью *Kelsen H. Freuds Massen-Psychologie und der Begriff des Staates*».

божество, то какая причина мешает нам понять, что светский разум может любить и чтить коллектив, который есть, может быть, единственное реальное в самом понятии божества» (цитирую по вышеуказанной статье Г. Кельсена). Вывод отсюда тоже нетруден, стоит лишь сопоставить этого бога — общество и его «моральный порядок» — с «анархией», всеобщим переворотом и «гибелью» общества в одушевленном изображении Лебона там же.

Психоаналитическая школа Фрейда также не могла избежать естественного влияния классовой среды и ее интересов. Пока Фрейд и его теория были посвящены исключительно индивидуальному психоанализу в терапевтических целях, такое влияние в самой теории чувствовалось весьма мало. Оно зато обнаружилось чрезвычайно резко с другой стороны, а именно в виде отчаянного сопротивления, которое было оказано учению Фрейда со стороны современного буржуазного общества. Теория психоанализа с ее откровениями в сфере подсознательной — по Фрейду бессознательной и предсознательной — жизни человека, в особенности же в области эротических переживаний и взрослого и ребенка, были восприняты «образованным и культурным» обществом современности, как настоящий удар в лицо, ибо под маской обычного и пошлого лицемерия Фрейдом были обнаружены черты звериной животности, грубого бессознательного вытеснения и многочисленнейших регрессий к подлинному варварству и дикарству, при чем, и это казалось возмутительнее всего, аргументы своих доказательств Фрейд почерпал именно из жизни лечившихся у него членов просвещенной и состоятельной среды. Еще хуже было, пожалуй, то обстоятельство, что теория Фрейда в корень подрывала общепринятые образцы существующего «морального» воспитания и всяческого «приличия», святых «основ» буржуазной семьи и брака.

Крупное общественное значение теории Фрейда обозначилось еще более резко, когда он выступил со своим замечательным опытом о «Массовой психологии и анализе я» и о «Тотеме и табу»¹. В этих вещах наш исследователь перешел непосредственно в область общественной жизни. Из них особенного внимания заслуживает последняя. Здесь путем чрезвычайно остроумных, талантливых, но в то же время осторожных заключений он не только целиком подчинил индивидуальную психологию общественной среде и выяснил наряду с ее онтогенезом филогенетическое развитие, но резко противопоставил первобытный принцип наслаждения (индивидуальная и эгоцентрическая эротика) общественному принципу реальности (социально организованная мотивация «нужды») и тем определил материалистически понимание общежития («вначале было дело»). Только выводом из этих революционных для буржуазного общества положений был анализ первобытных форм религии, который совершенно и до конца раскрыл нам и ее основное содержание в отражении древней социальной борьбы и форму —

¹ Последняя работа Фрейда уже появилась в «Психологической и психоаналитической библиотеке», выходящей под ред. проф. И. Д. Ермакова.

эротическое или либидинозное мышление, совершенно аналогичное мышлению невротиков и параноиков. Такое раскрытие тайн религии, равное уничтожению ее, как продукта откровения или мистического, озарения, должно быть причислено к одному из научно-революционирующих достижений Фрейда (психологии религии в учении Фрейда и некоторых его учеников посвящен особый томик «Психологической и психоаналитической библиотеки»).

Предреволюционный, а затем и революционный период современности естественно принес с собой наряду с переоценкой ценностей и поворот в сторону признания и дальнейшей разработки учения Фрейда, И наряду с развитием воззрений Фрейда в области индивидуальной психологии особенное значение получили его социально-психологические выводы. Можно сказать, родилась целая литература, которая более или менее удачно применила психоаналитический метод к общественным вопросам. И если одни из исследователей нашего ученого занялись психоанализом в сфере мифа, религии и изящных искусств, то другие попробовали осмыслить грандиозные общественные бури нашего времени при посредстве этого метода, угадавшего столько, казалось, неразрешимых загадок. Можно сказать, родилась *новая социология фрейдизма*. Для многих она была поистине якорем спасения. И это не требует особых разъяснений. Как теория, построенная в своих исходных положениях на индивидуальной психологии, она особенно привлекала тех, кто, несмотря на всю свою революционность, страшился резких выводов материалистического мировоззрения и в частности революционного марксизма. Для них Фрейд был притягателен своим «психологизмом». Но так как теория Фрейда в то же время представляет собой бесспорно революционную систему, отвечающую жажде новых форм мировоззрения, то многие через его учение нашли удобный и легкий путь навстречу новому без окончательного отказа от старого.

Сравнение работ самого Фрейда и его последователей в области обществоведения приводит далеко не к отрадным результатам. Во-первых, самый элементарный обзор литературы социологии фрейдизма показывает, что его последователи почти целиком игнорируют установленное учителем различие между принципом реальности и принципом либидо, действием «нужды-необходимости», с одной стороны, и «приятного–неприятного» — с другой. По Фрейду, общественный прогресс как раз сводится к постепенному преобладанию первого над вторым и материально-целесообразного приспособления над «верою во всемогущество идеи», которое характеризует собой дикарей, детей и невротиков. Этот момент реальности, строго материальной зависимости человека от окружающих условий, который может привлечь к Фрейду внимание последовательных материалистов и марксистов, совершенно игнорируется его школой общественников, и последние, наоборот, делают все усилия, чтобы оторвать теорию Фрейда от земли и превратить процесс развития либидо-эроса в самоцельный процесс независимой от мира метафизической сущности. Нечего говорить, что слишком часто эта сущность обнаруживает вместе с тем недвусмысленный

политический и классовый привкус. «Вера во всемогущество идеи либидо» оказывается обоснованной далеко не на одной либидо...

Для доказательства обратимся к последнему, имеющемуся у нас в руках «Обзору успехов психоанализа за 1914 — 1919 годы» (Beihefte der internationalen Zeitschrift für Psychoanalyse, 3, Bericht über Fortschritte der Psychoanalyse in den Jahren 1914–1919, Wien, 1921). Что мы здесь находим? У Блюера попытку при помощи психоанализа выяснить «Роль эротики в мужском обществе» и этим путем построить «Теорию человеческого государствообразования в его сущности и ценности». На самом деле под этим широковещательным заглавием скрывается проповедь мужского начала в противоположность женскому, превознесение принципа «мощи», сближение «силы» и однополю мужской эротики и, наконец, довольно поверхностный анализ мужских союзов у дикарей, некоторых средневековых объединений «изгоев» (Vogelfreibewegung) военного товарищества, франкмасонства и т.д. В результате, государство, мужской союз и дворянство оказываются величайшими опорами подобно психоаналитического исследования. Недостаёт только знаменитой формулы: за бога, кайзера и фатерлянд... Никто другой как Ференци занимается анализом психологии капиталистического общества. И что же?

В результате необычайной узости применения психоаналитического метода и здесь «капиталистическое влечение» сводится не более и не менее, как к господству «заднепроходной эротики» (Analerotik) и наслаждений, которые испытывает капиталист подобно ребёнку, выделяющему экскременты. Правда, эти положения не делают особенной чести капиталистам, но с другой стороны переносить таким образом данные детской эротики на психологию хозяйственного расчёта и буржуазного интереса сознательной деятельности буржуазии несколько — чтобы не сказать больше — наивно! («Zur Ontogenie des Geldinteresses»). Не лучше действует и Кольнаи (Kolnai). В своей весьма притязательной книжке этот учёный, будучи приверженцем «либерал-социализма» в духе Генри Джорджа и Оппенгеймера, даёт воистину изумительный анализ ненавистных ему анархизма и коммунизма. Остановимся на этой книге несколько дольше («Psychoanalyse und Soziologie, zur Psychologie von Masse und Gesellschaft», Wien 1920).

Прежде всего, как утверждает Кольнаи, пролетариат, как носитель анархо-коммунизма, отличается тем, что он совершенно отрезан от земли. «Первый общественный класс, который радикально, можно сказать, патологически отпал от земли, это — пролетариат», он «вследствие своей бедности, длительной работы и распыленности (атомизация)... является как бы отверженным земли». Он может мыслить о человечестве только как об однородной, безличной массе, подобной его классу... Пролетариат, отрезанный от земли, тоскует по возврату к ней, как к конечной цели. Он лишен традиций, но крепко держится за свой марксистский догмат. Тускло влачит он свою жизнь в тяжелой работе, мечтая о рае матери-земли». В этом видит Кольнаи проявление «материнского начала», которое и полагается как цель в отличие от самой организации — «пролетарии всех стран,

соединяйтесь», в чем выражается «муже-мужское начало». В общем же и целом все коммунистическое воззрение отличается возвратом (регрессией) к детским, инфантильным взглядам и понятиям, а пролетариат, некоторым образом, впадает в детство... «Мнение, что пролетариат хочет объединиться в одну огромную семейную общину — есть нечто большее, чем пустое сравнение. Коммунистический принцип — работать по способностям, получать по потребностям—в своем корне есть детский принцип... надеются обойтись небольшой работой: нужно только добровольное, непосредственное, естественное согласие с обществом, послушание по собственному убеждению, свойство пай-дитяти. Пользование согласно потребностям также приводит нас к ребячеству... коммунизм есть дуализм детской игры и учения» (Кольнаи, с. 115—119).

И даже там, где речь идет о производстве, о технике, коммунизм по утверждению «психоаналитика» Кольнаи оказывается порождением подобного же возврата пролетарской психики к временам не то анимизма, не то тотемизма. Ибо пролетариат охвачен здесь той самой верой во «всемогущество мысли», которая свойственна, с одной стороны, душевно больным, напр., параноикам, а с другой, всевозможным религиозным фанатикам. Дело в том, что коммунизм, будто бы, «надеется на развитие внешних реквизитов и техники вне структурного, реального развития общества... такая мысль может прийти в голову только слабому ученику, рисуящему себе научный материал как нечто совсем конкретное и мечтающему о том, чтобы влить его себе в голову через нюрнбергскую воронку... Рационализм, вера пролетариата в технику есть поэтому анти-социологический, фиктивный, детский рационализм», он только дополнение не менее «детской мечты об Эльдорадо». Само собой разумеется, наконец, что построение социалистического советского строя и диктатуры пролетариата есть такое же порождение «инфантильных» черт, как и все остальное. И если государство, согласно психоанализу Кольнаи, обладает определенным мужским «отеческим» характером, а в коммунизме наш автор видит нечто «материнское», а следовательно и женское, что как будто не согласуется с жестоким принуждением пролетарской диктатуры, то и здесь легко находится, с позволения сказать, «психоаналитический» выход: «первой носительницей принуждения» оказывался «мать», а не отец; «праобразом тюрьмы является материнское чрево, прообразом всех цепей — пуповина. И если материнское принуждение имеет высокую либидинозную ценность (материнский гипноз), то эта либидинозная окраска далеко не исчезает при отцовском принуждении, хотя значительно тускнеет, как на это и указывают многочисленные гомосексуально-мазохистские фиксирования (отцовский гипноз). Так водворяется своего рода компромисс между «материнским» и «отцовским» началами, «материнская эротика превращается в мужско-женскую, отчасти в муже-мужскую, отчасти в отцовскую»... Вследствие этого, будто бы можно сказать, что «коммунистическое движение вытекает из социальной тенденции регресса в материнском направлении через посредство примитивного отца, который в

противоположность современному является гораздо более сублимированным образом отца». Что же касается вопроса о том, кто же разыгрывает роль отца среди этих «матерински», «мужско-женски», «муже-мужски» и «отчески» предопределенных пролетариев, то ответ очень прост, в качестве таковых выступают «вожди» (Кольнаи, с. 111, 112, 125, 126).

Мы не будем останавливаться на подробной критике подобных построений. Они говорят сами за себя. Можно без преувеличения сказать, что даже с точки зрения современной социологии, поскольку она является позитивной наукой, подобная пошлая политическая фантастика оказывается ниже порога научной критики. И если даже сравнить с подобными «теориями» весьма старые метафоры Блунчли, где он приписывал государству мужской характер, церкви — женский, а политические партии группировал по возрасту, так что у него консерваторы оказывались старцами, либералы — зрелыми людьми, а радикалы всех оттенков — юношами и детьми, то все эти же построения имели более приличную и убедительную аргументацию, нежели превращение одной из крупнейших научных систем современности (марксизм) в детскую белиберду, обобществление средств производства в материнскую матку, а новые формы экономического представительства и классовой диктатуры в отношении первобытного папаши к своим еще более первобытным младенцам. Еще более удивительно другое обстоятельство. Ученики Фрейда вроде Кольнаи оказались совершенно лишенными его методологической осторожности и позитивизма, его строгости в выводах и щепетильности в постановке гипотез. В отличие от таких серьезных ученых как Райк, они в такой степени увлекаются политической фантастикой, что *забывают основное учение Фрейда о господстве сознательного принципа в условиях современной «нужды»* и навязывают великому движению, выросшему в противоположность военному регрессу, те черты, которые свойственны как раз «мужественно» настроенному империализму с его кровавым безумием.

Впрочем, такая *односторонность в развитии лишь некоторых сторон Фрейдова учения* свойственна не одним политическим мечтателям и фантастам. И если мы обратим внимание вообще на применение психоанализа к общественным наукам, мы увидим, что, почему-то, целый ряд положений Фрейда остался без применения и в тени, в то время как некоторые положения получили сразу колоссальное признание и распространение. Так, в высшей степени важное и ценное учение Фрейда о вытеснении, которое непосредственно устанавливало связь между нормативами (как, например, совесть) и жизненной средой, осталось при одном «табу» дикарской эпохи, тогда как первобытная трагедия кровосмешения — инцеста — получила совершенно не соответствующее значение и непосредственно была перенесена на высшие формы общежития. Намеченное Фрейдом учение о «предсознании», являющемся в качестве посредствующей системы между «бессознательным» и «сознательным», не получило опять-таки никакого социологического развития, тогда как символика бессознательного была в самом преувеличенном виде перенесена в сферу эстетики и закрыла собой

работу предсознания особенно в художественном творчестве. Строгий эволюционизм Фрейда тоже меньше всего нашел себе признание и подражание, и мы получаем очень часто в виде социологической теории живописную мешанину из всех стран, веков и народов. И если с одной стороны можно порадоваться победе гонимого научного течения, то нельзя не пожалеть, что достигнутая в последнее время блестящая победа фрейдизма повлекла за собой не только извращение первоначального фрейдовского учения в сторону пошлого идеализма, но и уклон самого Фрейда в «метапсихологию», весьма похожую на самую настоящую «метафизику»...

В силу указанных обстоятельств удачнее всего оказалось применение фрейдовской теории там, где оказалось возможным непосредственно использовать первобытную трагедию «отца и сына». И это в области мифа, истории и психологии религии и культа, так же как этнологии и фольклора. Отчасти то же можно сказать об искусстве, но далеко не о нем в целом. И если мы обратимся к вышеупомянутому нами выше «Обзору успехов психоанализа», то мы можем в указанных областях действительно отметить некоторые положительные успехи. Таковы, хотя бы, работы Гезы Рогейма, посвященные маскам рождественских праздников; его же труды по древнейшей монгольской форме двуцарствия (у японцев, уральских алтайцев, якутов, хазар, гуннов и т.д.), аналогичные работы Левенталья, Робертсон-Смита, Абрахама и некоторых других в области мифа и древнейшей культуры. Исследования Рейка, часть которых будет помещена в особом сборнике «Психологической библиотеки». Ученые труды Ранка, посвященные исследованию «Мифа и сказки», выявляют не только скрытый за ними «осколок погибшей психической жизни» и «остатки фантазий-желаний целых наций», но и дают различие в генезисе и природе сказки и мифа. Однако все эти и им подобные работы идут в значительной степени по уже проторенным путям (ср.: *О. Ранк и Г. Сакс, Значение психоанализа в науках о духе*, рус. пер., Спб., 1915 г., с. 38).

На новый путь становится в упомянутой выше работе известный австрийский государствовед Кельсен, который пробует применить открытия Фрейда (его работу «*Massenpsychologie und Ich-Analyse*», 1921) к основным вопросам государствоведения и в частности к психологическому методу в государственно-правоведении. Статья Кельсена интересна во многих отношениях. И прежде всего тем, что это один из немногих государственников, который выступает на борьбу против столь обычных в современной государственной науке мифологических и фантастических построений. «Подобно понятиям субстанции «сила» и «душа», понятия государства, как воплощенную фикцию, можно поставить в параллель понятию бога. Сходство логического построения обоих понятий действительно ошеломляющее, особенно если рассмотреть широкую аналогию, которая существует между постановкой и разрешением проблем в теологии и изучении о государстве... Трансцендентное право, метаправовое государство, которое на самом деле есть не что иное, как гипостазированное воплощение... паразитально напоминает

трансцендентного природе бога, который, в свою очередь, есть нечто иное, как грандиозное антропоморфическое воплощение этой природы»... Так говорит Кельсен и приводит удивительную аналогию между теологией и государствоведением. Увы, мы можем только вполне присоединиться к этим положениям автора: и не только для практического деятеля, но и для ученого — государство «не есть нечто становящееся или должное, — оно есть непреложный факт; для такого фанатика государство существует точно так же, как для верующего существует бог» (мое «Государство», ч. 1, изд. 1911 г., с. 17–18)¹.

Для того чтобы разоблачить всю подобную «юридико-фантастическую растительность», Кельсен, подобно некоторым своим предшественникам, обращается к выяснению «психологических тенденций» творящего фантастику человека, пробует при помощи психологии «возвратить правовые фантазии к действительности» и «указать их генетическое происхождение», только этим путем может быть устранено «дальнейшее ростовщичество за счет основной фантазмы». По крайней мере уже так формулировал психологическую задачу в области права незаслуженно забытый фейербахианец Людвиг Кнапп, когда он пробовал, подобно своему учителю, также разоблачить юридическую фантастику, как тот разоблачал небеса. Вполне естественно Кельсен для разрешения поставленных им себе вопросов обращается к современной литературе по так называемой социальной психологии и натывается здесь на господствующее на Западе течение, которое нами уже отмечено выше и которое делает центром своих исследований указанную нами выше «толпу» или «массу». Приходится с грустью отметить, что достижения русской науки, которая в области социальной психологии значительно опередила западноевропейскую и американскую, для Кельсена остались, по-видимому, неизвестными².

Останавливаясь на современных попытках социальной психологии и специально на объяснении таких «единств», как государство, Кельсен подвергает прежде всего заслуженной критике теорию «взаимодействия» и справедливо находит, что если в подобных случаях и возможно иногда установление некоторых психофизических параллелизмов и зависимостей, то

¹ В следующих выражениях в моем новейшем труде дана характеристика современного обожествления государства: «Государство и его власть положительно превратились в земное божество со всеми свойствами небесного могущества. Государству придается прежде всего совершенно независимая от людей жизнь и существование. Обладая какой-то таинственной сущностью, оно имеет свою особую волю, интересы и разум. Ему затем свойственно ничем ненарушимое единство, не изменяющееся во времени. Оно может менять свои формы, но оно вечно и бессмертно, как и его неизменная власть. Государственная воля оказывается способной воплощаться в различных лицах и учреждениях па громадном пространстве и вместе с тем сохраняет свою неизменяемость. Государственная власть, становится, наконец, источником всякой другой власти, от нее истекает всякое право, она неограниченна, всемогуща и вездесуща в своем проявлении. Положительно какое-то нагромождение чудовищных признаков, которые дают картину не то допотопного Левиафана — по выражению Гоббса, не то холодного зверя — по выражению Ницше» («Государство буржуазии и РСФСР», М., 1923 г., с. 4).

² Мы здесь считаем необходимым особенно подчеркнуть работы Н. К. Михайловского, а из академической среды — Л. И. Петражицкого, создавшего целую школу. Кельсен точно так же де принял во внимание работы Л. Кнаппа («System der Rechtsphilosophie», 1857 г.), основателя психологической школы права. Мои работы, построенные при помощи марксистского метода, также неизвестны автору.

никак нельзя установить психологически того единства, которое в действительности получает какой-то сверхиндивидуальный характер и в качестве представления вызывает соответственные рефлексы индивида и ограничивает последние. Когда же социологи получают из «взаимодействий» социальную реальность единого государственного союза, то делают это за счет смешения пространственных и внепространственных представлений. А с другой стороны, невозможно психологически установить единство политической организации и потому, что нет взаимодействий, которые не заключали бы в себе и противодействий, подобно тому, как государство никоим образом не может преодолеть ни классовой борьбы, ни религиозных и национальных противоположностей. В результате никак не получается того единого государственного союза, который, действуя «с внешней стороны и на внешнюю сторону». В лучшем случае наличность параллелизма дает абстрактное суждение вроде того, что люди с черной кожей дают особый вид, который называется неграми. Только такое значение могут иметь определения, построенные на факте некоторого совпадения воле, чувств и мыслей отдельных людей, которое получает торжественное обозначение вроде «духа народа» и проч. *В корне психология, как таковая, все же здесь остается при отдельных индивидах, а следовательно, и при индивидуальной психологии.* То же должно сказать и о пресловутом единстве самосознаний. Такого единства далеко нет ни среди всех граждан любого государства, ни среди только властвующих, ни только подвластных. Все сводится или к *фикции*, или — в противоположность психологии — к *юридическому построению*. Никакие гипостазирования «массовой души» или «народной души» недопустимы. Ибо, как правильно в одном месте заметил Маркс, общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет.

В этой части положений Кельсена мы должны с ним целиком согласиться. И если бы Кельсен был ознакомлен с одним из самых последовательных применений психологического метода к обществоведению, а именно с теорией Петражицкого, он бы увидел, что чисто психологическое исследование может быть только индивидуально психологическим, или не быть психологическим вовсе. Ибо как только мы переходим от индивидуального, протекающего в нашей нервно-мозговой системе процесса, хотя бы воспринимаемого интроспекцией, к происхождению этого аппарата и содержанию данных переживаний, то мы неизбежно от чисто психологического, а следовательно, и естественнонаучного метода переходим вместе с тем и к иному методу социологическому и в частности направленному на изучение социальных идей и социальных идеологий. Психический процесс совершается лишь там, где мы находим соответственный физиологический аппарат — мозг и нервы. А так как у массы никакого другого аппарата, кроме индивидуальных голов, не имеется, и никакого мозга группы, толпы или организации мы не знаем, то в тесном смысле никакой иной психологии, кроме индивидуальной, не существует. И поскольку исследователь желает придерживаться строго психологического

метода, постольку же он принужден заниматься исключительно индивидуальной психологией. Разительным примером в этом отношении является учение Петражицкого. Выясняя при помощи психологии переживания отдельного человека, он приходит к некоторым ценным результатам и дает нечто новое в учении об эмоциональной жизни особи. Но когда тот же психологический метод он переносит в учение о самом содержании эмоциональных (в его смысле) переживаний, то он неизбежно впадает в самый безнадежный «солипсизм» или субъективизм, который не даст ни малейшего перехода к обществу. Еще хуже дело обстоит в тех случаях, когда Петражицкий из отдельных переживаний пробует конструировать «нравственность», «право» и «государство». В этом случае он делает грубейшую ошибку, ибо здесь мы встречаемся с новым фактом «социального возбудителя» в виде сознательно или бессознательно организованной символики мотивационного типа, которая не только не совпадает с психикой индивида, но часто противостоит ему, как внешняя сила (ср.: *Петражицкий*, Введение в изучение права и нравственности; его же «Теория права и государства». Моя критика в: «Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология» и «Государство», изд. II, с. XVII и след.)¹. Фрейд разрешает спор между индивидуальной психологией и социологией таким образом, что он, во-первых, устанавливает между психологией особи и коллективной средой *филогенетическую связь* таким образом, что индивидуальная психология образуется из предшествовавшей психологии орды и повторяет в себе ее основные моменты; с этой точки зрения «индивидуальная психология есть с самого начала одновременно и психология социальная». А, во-вторых, по содержанию социальная психология есть содержание не просто переживаний человеческой особи, но психология «отдельного человека, как члена племени, народа, касты, сословия, учреждения или как составной части человеческого собрания, которые в определенное время и для определенных целей организуются в человеческую массу», или, другими словами, социальная психология исследует «изменения поведения лиц в массе» (*S. Freud*, *Massenpsychologie und Ich-Analyse*, с. 1, 3, 6, 102). Эти положения, однако, совершенно определенно говорят нам не о психологии в смысле индивидуальной психологии, но о социологии, исследующей первоначальную орду — в массе и особи — так же, как различные человеческие организации — в массе и особи. Психология же здесь играет постольку служебную роль, поскольку она нам дает возможность установить не только наличность определенной общественной мотивации, но и формы ее прохождения и развития так же, как

¹ Мы не останавливаемся в настоящем очерке на рефлексологах, которые пробуют заменить социальные и психологические категории целиком физиологическим натурализмом и приходят, подобно ак. Павлову и его последователям, к построению таких условных рефлексов, как «рефлекс цели» или «рефлекс свободы», то есть к подмене физиологии самой настоящей и притом неконтролируемой научно социологией па идеологической подкладке. Не имеем мы сейчас также возможности остановиться на наших «бихевиористах» вроде П. Блонского, который, подобно американским приверженцам теории «поведения», целиком вытесняет психологию из социологии или, вернее, заменяет первую второю и тем разбивает всякое учение о мотивах. И ту и другую тему оставляем до другого раза.

соотношение бессознательного и сознательного процессов (способов представления).

Прекрасно дано у Кельсена противоположение психологического (естественнонаучного) метода и социологического, который применяется при исследовании общественной мотивации индивида. «Разве пламя «обязывает» кусок металла нагреваться и, наконец, плавиться? Чувствует ли сердце обязанность биться? Может ли быть причина авторитетом для следствия? Является ли «давление», в силу которого следствие следует за причиной, и частным случаем которого является давление, оказываемое извне социальной действительностью на социальное сознание — обязательством? Имеет ли причина «императивный» характер?» А между тем именно характером «обязанности», «авторитета» или «нормы» отличаются все подобные вне индивида находящиеся мотивации, которые наполняют отдельную психику социальным содержанием. «Характеристика так называемых стабильных масс, — говорит далее Кельсен, — есть «организация»... они воплощаются в учреждениях. «Организации» же и «учреждения», это — комплексы норм, системы предписаний, регулирующих человеческие проявления, которые как таковые, то есть в своем собственном, специфическом смысле, могут быть поняты только с точки зрения такого рассмотрения, которое исследует императивное значение этих норм, а не наличную действительность волевых и изобразительных человеческих актов, содержанием которых являются эти нормы». Мы бы назвали такой подход социально-нормативным.

С такой точки зрения государство оказывается отнюдь не воплощением какой-то массовой души, но «идеей, руководящей идеей, которая лишь специфическим смыслом своего содержания отличается от других идей, как, например, религия, нация и т.д.», или, как в другом месте определяет Кельсен государство, оно есть лишь «принудительный порядок человеческого поведения», совершенно подобный в этом отношении праву, религии и т. п. Такое воззрение живо напоминает знаменитое определение Энгельса, когда он говорит, что «государство является первой идеологической силой подчиняющей себе людей», которая, «сделавшись независимой от общества, немедленно порождает новую идеологию», или, как было мною отмечено на основе учения исторического материализма, «государство, как социальное явление, представляется преимущественно процессом, в котором главное место принадлежит идеологии. Понимая государство еще более узко, как идеологию, можно даже сказать, что оно постоянно жаждет своего воплощения, вечно рождается, вечно умирает, но никогда не может стать законченным, остановившимся, совершенным государством, так как никогда и нигде ни одна идеология не была на практике воплощена вполне и до конца» (Ф. Энгельс, Л. Фейербах, рус. пер. Плеханова, М. 1922, стр. 58—59; мое «Государство», изд. 1-е, 1911, т. 1, с. 16).

Такое представление идеологии¹ отнюдь нельзя назвать фикцией только потому, что она не дает нам «реальности» в духе камня или полена. Как правильно замечает тот же Энгельс в письме Конраду Шмидту: «Единство идеи и явления представляется в виде процесса по существу бесконечного... Разве феодализм отвечал когда-нибудь своей идее? Основанный в Западной Франции, развитый дальше в Нормандии норвежским завоевателем, еще дальше усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он приблизился ближе всего к своей идее в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в Иерусалимских Ассизах классическое выражение феодального порядка. Неужели же феодальный строй был фикцией оттого, что полного совершенства он достиг только в Палестине на короткое время, и то (по большей части) только на бумаге» (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, рус. пер. Адоратского, М. 1923, стр. 321—322*). Ибо всякая организационная идея нормативна. А действие символики общественных идей и идеологий на человека можно без натяжки сравнить с исполнением артистом своей роли. Разница только в том, что в первом случае роль обозначена в каком-нибудь обычае или уложении, а во втором—в пьесе драматурга, но «совокупность идей, принципов, норм и идеалов, подлежащих воплощению в общественной деятельности человека, является спутником всякой общественной организации и налагает специфическое клеймо на самую их сущность» (мое «Государство», изд. 1, ч. 1, стр. 10).

Такого рода постановка вопроса, однако, еще очень мало приближает нас к его решению в смысле социальной закономерности. Так как самый факт наличности идеологических образований и соответственных организаций менее всего исчерпывается констатированием, наконец, той почвы, на которой создается известное социальное единство. Вместе с Кельсеном мы убедились только в одном, а именно, что *всякая психология, поскольку она остается в границах только психологии, есть психология индивидуальная, а, с другой стороны, общественность мы нашли тесно связанной не с психологическим, а идейным и идеологическим процессом, который, будучи созданием психологии, в то же время обладает и своеобразной и особой реальностью*. Реальность идеи... Но не есть ли в таком случае это возвращение к идеализму самого худшего фасона, который, подобно Гегелю и его многочисленным последователям вплоть до новейшего времени, возводит идеи в самостоятельные ипостаси и этим обосновывает не только законность особого метода, посвященного формальным и нормативным категориям, но и новой религии, которая в великом и священном «долженствовании» ищет замены старым, разоблаченным и падшим богам? Отсюда столь присущие идеологиям нравственности «абсолютное долженствование», которое, по Зиммелю, приобретает «демоническое очарование догмы», когда в долженствовании мы не сознаем «никаких

¹ Маркс и Энгельс понимают под «идеологией» результат сознания ошибочного, в противоположность «идее» — как результата сознания правильного, соответствующего действительности. Мы пока их не различаем.

условий и мотивов», или, по Каутскому, «таинственная природа этого закона, этот голос в нас, который не связан ни с каким внешним толчком, ни с каким видимым интересом» (*Simmel G. Einleitung in die Moralwissenschaft*, В. 1, Berlin 1892, с. 23, 33—35, 63, 79; *Kautsky, Ethik und materialistische Geschichtsauffassung*, Stuttgart 1906, с. 63).

II

Говоря о реальности идеи в виде идеологии, мы должны сделать целый ряд ограничений. Здесь прежде всего мы отнюдь не говорим ни о психологическом процессе мышления, ни о теоретико-познавательной его оценке. Здесь же идет речь об идее, поскольку она имеет социальное значение, или другими словами: 1) создана людьми, как массовая реакция на внешние раздражения под влиянием определенных реальных причин, 2) выражена во внешних символических движениях, предметах и сооружениях внешнего мира ив 3) в свою очередь обладает мотивационной силой, порождающей то или иное индивидуальное и коллективное поведение. Если подойти к реальности практической идеи, или чаще — мотивационной идеологии, с указанной точки зрения, то мы видим, что ее реальность есть не что иное, как *реальность социальной символики, обусловленной известным общим давлением и выражающейся в определенных коллективных действиях или поведении*. На обоих концах этого процесса — внешний мир, в первом случае как источник давящей и раздражающей силы, во-втором — как объект более или менее целесообразных воздействий человека. Но без помощи внешнего мира не может обойтись человек в своей познавательно-отражающей, оценочно-контролирующей и телеологически-организующей работе: он создает мир социальной символики — язык, слово, книгу, картину, план — и техники — познавательной, художественной, производственной, педагогики, психотехники, научной организации труда, медицины, технологии и т.д.

Остановившись теперь на значении психологии для намеченного нами процесса, мы должны прийти к заключению, что единственно имеющаяся налицо индивидуальная психика, как аппарат массового рефлекса, не может быть совершенно сброшена со счета уже потому, что она является той средой преломления, при помощи которой и коллектив реагирует на действительность. Эту психику можно считать проводником, «опосредствующим моментом», но игнорировать ее абсолютно нельзя. Н. И. Бухарин под влиянием «победного шествия психологической школы и психологического метода в хорах буржуазной общественной науки» и связанной с этим «инфекции» некоторых марксистских и полумарксистских кругов, предлагает совершенно игнорировать психический момент, ибо «опосредствующим моментом служит в процессе совокупного воспроизводства общественной жизни и любая из надстроек», что же касается этих последних, то в них тов. Бухарин намечает три основных элемента: технику данной надстройки вещественного характера (лаборатории, дома, счеты,

книги и т.д.), отношения между людьми и, наконец, системы идей, образов, норм, чувств, одним словом идеологии. Все эти «общественные явления», в свою очередь, подвергаются «своеобразному процессу аккумуляции культуры, когда общественная психология и идеология уплотняются и оседают в виде вещей, имеющих оригинальное общественное бытие. Эта материализованная, образно выражаясь, уплотненная до степени материального, общественная психология и идеология становится, в свою очередь, отправной точкой для всякого дальнейшего развития. «Таким путем, если система основных общественных отношений, производственных и трудовых, по утверждению тов. Бухарина, оказывается столь же «психичной», как «система планет со своим солнцем», то и с надстройкой дело не лучше. Можно на основании сказанного предположить, что и здесь «психичность» исчезает (Бухарин. К постановке проблем теории исторического материализма. — «Вестник Социалистической Академии», кн. 3, 1923, с. 8–13).

Вряд ли возможно согласиться с такой постановкой вопроса. Преувеличен и страх перед «психологизацией» и связанной с ней «спиритуализацией», что, между прочим, далеко не одно и то же; и по мере того, как психология становится действительно наукой, и притом основанной на эксперименте, она сама подвергается неуклонному и неизбежному процессу материализации; неправилен такой подход и с точки зрения подлинного учения Маркса и Энгельса, которые не только не игнорировали психологии, но умели превосходнейшим образом поставить ее на ноги, то есть на материалистическое обоснование. Недопустимо подобное полное игнорирование психологии, конечно, и потому, что овеществленный мир надстроек, по признанию самого тов. Бухарина, является «уплотнением» психологии и идеологии, а следовательно без нее совершенно непонятен. Но хуже всего то, что без психологии совершенно невозможно решение одного из важнейших вопросов исторического материализма, а именно вопроса о «способе представления» соотносительно «способам производства». Ведь если действительно ставить вопрос о едином основном «стиле» общественной жизни снизу доверху и об относительно историческом характере всяких и всех идеологий, взятых не с точки зрения их положений (которые могут быть вечны), а с точки зрения типов связи между ними, тех особых принципов координации, которые и составляют конституитивный признак понятия о «способе представления», «то без психологии нет никакой возможности выяснить, в какой степени те или иные реальные производственные условия определенным образом повлияли на известную общественную или классовую группу и тем самым: предопределили темп и стиль ее «способа представления». Кстати, тов. Бухарин предполагает, будто ему впервые пришлось вспомнить соответственные положения Маркса. Если бы он потрудились заглянуть в труды автора настоящих строк, вышедшие еще в 1908–1911 годах, то он бы увидел, что попытка типологического построения классовых «способов представления», правда, под названием «методов социального восприятия», была сделана, причем как раз на основе

того, что у Маркса мы находим под обозначением классовой психологии (мое «Государство», изд. 1, ч. 1, с. 74–77)¹.

На основании сказанного мы теперь можем установить возможность задачи того, что условно можно было бы назвать и *социальной психологией*. Это было бы не больше и не меньше, как *учение о социальном, а следовательно, и социально-идеологическом содержании индивидуальной психологии*. И здесь на этой почве мы должны разрешить три основных проблемы. Первая ставит основной вопрос о самом источнике и происхождении указанного социального содержания, а вместе с тем и той «среде», которая определяет собой его состав. Вторая говорит о типах и формах этого социального содержания, а следовательно, о различных видах социально-идейного и идеологического построения. Наконец, третья о действительном воплощении идеологических построений в социальном акте, то есть в деятельности общественного характера, производимой индивидуально или коллективно, в составе тех или иных организованных масс, установлений, учреждений, собраний, корпораций и т.д. Остановимся прежде всего на проблеме, которую мы поставили в нашем порядке на первое место, а именно — об отношении человека к среде и об источнике социального содержания его психики.

У Фрейда по данному поводу мы встречаем много весьма любопытного. Исходя из исследования индивидуальной психологии, этот ученый находит в нашей психике два основных принципа психической деятельности: один — построенный на *принципе удовольствия*, другой — на *начале реальности*. Принципом деления и в том и другом случае является отношение индивида к действительности. Характерным примером первого является отношение к миру со стороны невротика, который «отворачивается от действительности потому, что находит ее невыносимой для себя в целом или части». Таким же образом поступаем мы во сне, когда стремимся заменить иногда весьма тяжелую действительность легкими и приятными сновидениями. То же находим мы и у ребенка в его первоначальной жизни, а затем в играх. При

¹ Вот что было мною тогда сказано: «Связь между идеологией и социальными интересами не может быть установлена так же непосредственно, как между причиной и следствием или между содержанием и только ему присущей формой. Между идеологией, как созданием нашей психики, и, и внешней средой, как возбудительницей хозяйственного интереса, лежит область преломления и отражения, которая вообще может быть обозначена как психологическая. И вот в этой-то области мы должны искать законов, устанавливающих соотношение между групповым интересом и идеологией, которая служит ему выражением... характерным для психики, исторически выяснившихся групп и их интересов является отнюдь не самое содержание самых принципов и начал, а только форм, в которых они выражаются. Другими словами, здесь дело идет не о том, что излагается в качестве тех или иных требований, но как они формулируются, в чем *заключается* метод, при помощи которого создается та или иная идеология... И прежде всего, нельзя не отметить, что целые эпохи дают нам картину господства, определенного метода, причем на языке такого метода создаются не только политические идеологии, но также высшие нормативы права, нравственности и эстетики так же, как само теоретическое исследование. Можно даже отметить, что как раз в истории мы «замечаем своего рода идеологические катастрофы, заключающиеся в том, что на место одного ранее общепринятого метода является новый, который и устанавливает после долгой борьбы с противником свое более или менее исключительное господство»... и в дальнейшем изложении указанной миги мною научно были построены соответственные типы, художественный абрис которых я дал еще в книге: «Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология».

помощи подобного же процесса мы создаем радующий нас самообман, иллюзии и всяческую идеализацию, которой заменяем действительность. На основании сравнения этих проявлений психической жизни современности с жизнью дикаря и данными по истории первобытного человека, Фрейд приходит к убеждению, что здесь мы встречаемся с остатками «такой стадии развития, и которой «эти процессы» являлись «единственной формой душевных переживаний» (Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе, М., 1923 г., с. 82 и след.).

Как возможно такое отношение к действительности? Подобный вопрос тем более уместен, что, насколько нам известно, положение человека в мире таково, что, при подобном отрицательном отношении к действительности, он неминуемо подвергает себя неисчислимым страданиям и даже смерти. Ибо совершенно очевидно, что нельзя утолить реального голода хлебом, увиденным во сне, точно так же, как галлюцинаторное видение воды (мираж в пустыне) ни на секунду не утолит подлинной жажды. То же самое можно сзывать буквально про все присущие человеку как живому существу потребности, связанные с самосохранением организма. Однако примеры Фрейда говорят нам о значительной S независимости живого существа от окружающей среды при известных условиях. Таково, например, положение снесенного птицею яйца, которое для жизни заключенного в нем существа нуждается лишь в тепле для дальнейшей жизни и развития. Точно так же паразитарно и положение человеческого эмбриона, а затем в значительной степени и родившегося ребенка. Выражения им удовольствия и неудовольствия непосредственно служат и для реального удовлетворения его важнейших потребностей. Галлюцинация и иллюзия не различаются от факта. Невротик погибает без посторонней помощи. Под давлением суровой необходимости «психический аппарат должен был решиться представить себе реальные соотношения внешнего мира и стремиться к их реальному изменению». «Представлялось уже не то, что приятно, а то, что действительно, даже если оно и неприятно». Основной задачей воспитания является поэтому не что иное, как «побуждение к преодолению принципа удовольствия и к замещению его принципом реальности» (там же).

Установление тесной необходимой связи между борьбой за существование и появлением «принципа реальности» может быть не только расширено, но и подтверждено данными социального опыта. «Реальное изменение» внешней природы в процессе борьбы за существование выразилось в основном и важнейшем процессе воспроизведения жизни — при помощи труда. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своею собственной деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собою и природой. Веществу природы он сам противостоит, как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время меняет

свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти... Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, то есть в представлении работника... целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда» (*Маркс К.* Капитал, М., 1920, т. 1, с. 153–454).

Так говорит Маркс, а теперь послушаем Фрейда. Можно подумать, что последний прямо продолжает положения первого: «Взросшее значение внешней реальности повысило роль обращенных к внешнему миру органов чувств и связанного с ними сознания... Была выработана особая функция — внимание; одновременно с этим была введена система отметок... часть того, что мы называем памятью... возникло беспристрастное суждение... моторное проявление... приобрело теперь новую функцию обращением к целесообразному изменению действительности. Оно превратилось в действие, и все это — результат чисто материального давления внешнего мира». Мы знаем силу, которая вынудила человечество пойти по пути такого развития и продолжает оказывать свое давление в том же направлении, «эта сила — все та же несостоятельность человека перед лицом реальности или, если называть ее настоящим именем, — жизненная необходимость — *ананке*. Это суровая воспитательница, и она достигла у нас многого» («Основные психологические теории», с. 84 и след., — «Лекции по введению в психоанализ», т. II, М., 1922, с. 144–145). В другом своем «метапсихологическом» произведении («*Jenseits des Lustprinzips*», Wien, 1921, с. 40) Фрейд идет еще далее и утверждает, что весь прогресс человечества основан исключительно на внешних раздражениях материальной среды, которая, вытесняя наши сексуальные влечения, тем самым направляет их на другие пути и таким образом создает грандиозные надстройки в виде культуры. Ибо так называемые естественные потребности тянут нас не вперед, а назад (инерция, косность) и лишь внешний мир толкает нас вперед в процессе постоянно нового приспособления к вечно меняющейся материальной обстановке. В этом процессе громадную роль играет опять-таки разум. Но рядом с ним до, тех пор продолжает существовать бессознательное, пока к окончательному торжеству сознания не привела еще действительность в виде внешней среды, то есть материального мира. А посему слишком часто в нашем отношении к реальности мы пользуемся не аппаратом сознания, а совершенно, казалось бы, к такой функции неприспособленного бессознания. *Вопрос о сознании и его отношении к бессознанию, таким образом, приобретает громадный практический, а вместе с тем и теоретический интерес* («Основные психологические теории», с. 84 и след., «Лекции по введению в психоанализ», т. II, М. 1922, с. 144–145).

Что представляет собой *бессознательное*? Под этим именем Фрейд и его последователи понимают такой состав нашей душевной деятельности, который отличается следующими чертами: 1) будучи по содержанию в общем и целом тождественным с сознанием, он протекает под его порогом, а следовательно, вне какого бы то ни было ведения, контроля и вообще вмешательства нашего сознания, 2) этим бессознательное отличается от системы предсознательного или предсознания, под именем которого понимаются бывшие в составе сознательного переживания, которые лишь временно отошли под его порог, но каждую минуту могут быть восстановлены, 3) системе бессознательного присущи следующие черты, отличающие его работу от сознательного процесса, а именно: «отсутствие противоречия, первичный процесс (подвижность активной силы), течение вне времени и замена внешней реальности психической». Эта система сама по себе не могла бы произвести ни одного целесообразного мускульного действия, за исключением организованных уже в рефлекс. Эта система, как очевидно, прямо противоположна сознанию и в сфере жизненного приспособления не обладает ни одним из свойств, необходимых для борьбы за существование, а тем более для воспроизводства жизни с его изобретением и целесообразным трудом. Антагонизм двух этих систем выражается в существовании особой психической, преграды (цензуры), которая находится на пороге сознания и выталкивает или вытесняет из поля сознания стремящиеся в него проникнуть аффекты и представления бессознания (Фрейд *З. Лекции*, т. II, с. 83–87, *Основные теории*, с. 144–145, ср.: Ранк О., Сакс Г. *Значение психоанализа в науках о духе*, Спб., 1915, с. 1 и след.). Данная характеристика для нас чрезвычайно важна. Она показывает нам, что, несмотря на все давление внешней среды, в человеке хранятся целый психический состав, который не подчиняется материальной обстановке и готов каждую минуту не только нарушить установившееся приспособление живого существа внешнему миру, но и дать антисоциальное направление его деятельности. Ибо, как известно, приспособление к внешней среде для человека возможно лишь одним путем, а именно при помощи участия в общественной деятельности, в частности же в процессе общественного производства, то есть, другими словами, при помощи сознания, которое, в свою очередь, есть произведение общества. Спрашивается, однако, как возможно, чтобы у человека, поставленного под страшные удары стихий, покупающего свою жизнь ценою громадного коллективного напряжения, оказалась возможность такой дорогой роскоши, как бессознание с его игнорированием реальности, полным отсутствием логики и господством снов не только во сне, но и наяву? На этот вопрос Фрейд дает нам следующий ответ: «Реальная нужда неодинаково действует на сексуальные влечения и влечения к самосохранению. Влечения к самосохранению и все с ними связанное легче поддаются воспитанию; их удастся рано подчинить требованиям необходимости и направить их развитие согласно указаниям реальности. Это понятно, потому что они никаким другим образом не могут добиться обладания нужными им объективами; без этих объективов индивид

должен погибнуть». Иначе дело обстоит с сексуальными влечениями; эти последние «трудно поддаются воспитанию, потому что с самого начала у них не существует необходимости обладать объектом... они подобно паразитам присасываются к другим функциям организма и находят аутоэротическое удовлетворение на собственном теле», отсюда же вывод — в той или иной мере «они остаются вне воспитательного влияния реальной необходимости» («Лекции», т. II, с. 145, Основные теории, с. 86).

Решающим для проведения демаркационной линии между сознанием и предсознанием, с одной стороны, и бессознанием, с другой — является, таким образом, не какая-то закономерность «психического» в отличие от «физического», а *непосредственное отношение человека, как общественного существа к той реальности, которая непосредственно обуславливает удовлетворение его материальных потребностей*, а следовательно, реальность мира хозяйственного или экономического и его участие в нем. Ребенок, который паразитирует вполне естественно на взрослых, может в значительной степени практиковать и пользование бессознанием, так как он слишком еще мало вовлекается в борьбу за жизнь, а следовательно, и работу по воспроизведению жизни. Но на таком же положении в начале развития культуры находится и человек в том случае, когда, по выражению Маркса, «слишком расточительная природа» ведет человека, «как ребенка, на помочах», так как она в этом случае «не делает его собственное развитие естественной необходимостью». Такие «благоприятные естественные условия дают человеку непосредственно лишь одно, избыток свободного времени» («Капитал», т. I, М., 1920, с. 515–517). На подобном же положении находятся больные, невротики, психастеники и параноики, которые погибли бы без постороннего ухода. Та степень, в которой тот или иной индивид оказывается втянутым в борьбу за жизнь связанный с нею труд, оказывается вместе с тем и мерою того, поскольку преобладают два отрицающих друг друга начала — сознание или бессознание.

Полученные нами данные, казалось бы, самым настоятельным образом приводят нас к самой тесной зависимости между положением человека во внешнем материальном мире и господством в его психике сознания или бессознания. Другими словами, мы находим не только блестящее подтверждение одного из основных положений марксизма, но и полную возможность, более того, необходимость применить метод исторического материализма к выяснению и социально обусловленной психики и соответственных идейно-идеологических построений. Так как, если Фрейд прав, когда он говорит нам о давлении жизненной необходимости и нужды, как об основной причине, которая вызывает деятельность сознания и воспитывает его, то в таком случае совершенно прав и Энгельс, когда он утверждает, что «прежде всего труд, а впоследствии и рядом с ним членораздельная речь явились главными двигающими факторами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг», а с другой стороны «обратное влияние развития мозга и зависимых от него способностей — все более и более проясняющегося

сознания, способности к абстракции и к умозаключению — на труд и язык давало обоим все новый толчок к дальнейшему развитию». И только последовательным выводом отсюда является положение, что «материальные условия жизни людей, в головах которых совершается данный процесс мышления, определяют его собою», что «в головах людей непременно отражается все то, что побуждает их к деятельности», и что, следовательно, «не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, собственности и государства. Приложение: Труд как фактор эволюции, с. 128–129. Ф. Энгельс, Л. Фейербах, с. 60–54. К. Маркс, К критике политической экономии, М., 1922, с. 38).

Лишь один исторический материализм может поставить на твердый социологический фундамент теорию Фрейда. И только определенными буржуазно-идеологическими увлечениями «его учеников и «метапсихологическим» уклоном последних учений Фрейда возможно объяснить его идеалистическое использование и истолкование. Насколько же Фрейд действительно в своей первоначальной теории стоял на правильном материалистическом основании, показывает и тот факт, что при помощи его теории было дано прекрасное психологическое объяснение одному из важнейших общественных явлений, установленных как раз учением Маркса и Энгельса. Как мы не раз читаем у этих мыслителей, *сознание*, задачей которого является правильное и точное отражение действительности, *иногда решительно изменяет человеку даже в вопросах, связанных, казалось бы, самым существенным образом с его насущнейшими интересами*. В этих случаях, как говорят основатели исторического материализма, мы встречаемся с «двойным» и «тройным» отражением, и факты оказываются представленными в нашем сознании в самом извращенном виде. Подобное извращение может иногда принять даже вид отражения наизусть или наоборот сравнительно с реальностью. С целым рядом таких отражений в нашем сознании происходит то же самое, что «с отражениями в человеческом глазу. Они проходят через собирающую их чечевицу и поэтому представляются в перевернутом виде, стоящими на голове» («Письма Маркса и Энгельса», 1923 г., с. 279–280).

Более того, так как впечатления, производимые на человека внешним миром, выражаются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, волевых движений, словом, в виде «идеальных стремлений» и в этом виде они являются «идеальными силами», а «материальное», будучи переведено и переработано в «человеческой голове», становится «идеальным», то рождается удивительная иллюзия: истинные и побудительные силы, которые приводят человека в движение, остаются ему неизвестными, а человек создает себе «представления о ложных или призрачных побудительных силах». На этой основе рождается то, что мы называем «идеологией», которая есть результат мыслительного процесса, сделанного хоть и осознанием, но сознанием неправильным. «Но, раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью

существующих представлений и подвергает ее дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, то есть не имела бы дела с мыслями как независимыми сущностями, которые самостоятельно развиваются из самих себя и подчиняются своим собственным законам». Так, имея дело «исключительно с материалом мыслительным», человек без дальнейших, околичностей считает, что «этот материал порожден мышлением, и не занимается исследованием никакого другого процесса более отдаленного и от мышления независимого»: «для него всякое человеческое действие основано в последнем счете на мышлении, потому что совершается посредством мышления». Таков смысл и значение идеологических построений, которые лежат, между прочим, в основе таких идеологических образований, как религия, нравственность, право и государство (Энгельс Ф. Л. Фейербах, с. 58–60, 50, 58, 60. Маркс К. Капитал, т. I, LIII–LIV. Ф. Энгельс, Письма к Мерингу, с. 309).

Некоторые объяснения такого, на первый взгляд странного и непонятного явления мы находим в самом учении исторического материализма. А именно указывается на *неясность, запутанность и сложность самой действительности*, которая не может быть воспринята и понята без особо углубленного изучения, отмечается противоречивый характер окружающих, в особенности общественных, явлений, которые невольно и неизбежно находят такое же отражение в мыслящей голове человека. Выясняется и *естественная слабость сознания*, которая, будучи зависима от развития производительных сил и общего уровня производства и воспроизводства жизни, необходимо отвечает низкому состоянию этого развития. Влияет здесь и высота унаследованной культуры и свойственный той или иной эпохе развития производства «способ представления», идеологический «эфир», свойственный известному его типу, с данным объемом традиций, привычек и работы интеллигенции или «идеологического сословия», но в самом марксизме, созданном задолго до успехов современной психологии, мы нигде не можем найти «раскрытия того психологического пути, того аппарата, при помощи которого совершается указанное приспособление к реальности, а психика отдельных людей дает нам то, что Маркс называет «экономическими масками», то есть различные виды социального олицетворения. В частности, непонятным остается тот психологический процесс, который в одном «случае неизбежно толкает известную социальную группу при определенных условиях в объятия религии, в других — в болото романтики, а в третьих — навстречу какому-нибудь рациональному фетишизму.

Теория Фрейда способна в значительной мере восполнить намеченные пробелы. Противопоставляя свои два принципа — бессознательного и сознательного, сексуального и рационального, гедонической и телеологической мотивации, это учение определенно связывает их с известными историческими эпохами и усваивает пользование «сексуальным мышлением» как раз тому времени и быту, который свойствен, говоря словами Маркса, низкому уровню развития производства и воспроизводства жизни.

Впоследствии, у детей даже весьма культурных народов лишь филогенетически воспроизводится история первобытного человечества с его «способами представления» и спорадически воскресает в периоды социального разложения и упадка в виде безобразных регрессий варварства и дикарства. Не только в отдельном человеке под крепкой цензурой социальной сознательности постоянно дремлет дикарь и животное, способное каждую секунду при благоприятных условиях взорвать своего укротителя, но то же надо сказать и про целые человеческие массы. Но хуже всего то, что, постоянно просачиваясь из темной сферы бессознания в область сознания, бессознательное отравляет нашу мысль и незаметно для сознания вносит в его работу те свойства, которыми отличается оно само. *Реальное представление и положительно установленное понятие превращается в мертвую фантастическую догму, реальность подделывается при помощи фантастики наслаждения, а единственная проверка действием сменяется верой во всемогущество мысли и галлюцинаторным удовлетворением бреда.*

Если мы сопоставим теперь учение исторического материализма об идеологическом мышлении и идеологиях с тем, что говорит нам Фрейд о вторичной обработке сознанием порождений бессознания, проникших обходным путем в сферу сознательной мысли, то мы не можем отрицать между ними громадного сходства. При помощи работы бессознания легко объясняются искажения сущего и тенденция к отрыву от действительности и наконец императивное значение с последующим обрядовым, церемониальным или вообще иллюзорным удовлетворением либидинозного влечения. И совершенно ясно, что малейшее нарушение в нормальной работе социального приспособления к материальному миру, или, другими словами, нормально прогрессирующего производства, влечет за собой роковым образом и ослабление наложенного на бессознание сознательного механизма. А следовательно — и воскрешение вытесненных психических составов при перенесении работы «производства» на негодные центры варварского либидо и связанного с ним паразитизма. Если бы Кольнаи со своим тонким и глубоким анализом попробовал подойти к столь правильно им поставленной идеологической проблеме именно с социологической, а в частности историко-материалистической точки зрения, несомненно, он мог прийти к ряду новых и весьма важных положений.

Однако и здесь мы должны предостеречь от соблазнительных, но тем не менее опасных упрощений. И если бы в учении Фрейда было только его разделение на сознательный и бессознательный принципы, то при всех сближениях между фрейдизмом и марксизмом и вытекающих отсюда поправках мы не могли бы получить положительных результатов, так как остался бы целый ряд фактов, которые бы в указанную двучленную форму никак не уложились. Она ведь дает нам возможность лишь наметить параллель развития от бессознания к сознанию на основе другого процесса, а именно от паразитизма к созданию новых производительных сил. И поскольку далее та же формула дает нам в общем и целом объяснение неправильных отражений действительности и фантастической идеологии,

постольку же она не» исчерпывает всего многообразия бесчисленных переходных форм со стороны типологической и морфологической. Возьмет простой пример. Маркс в своих блестящих психологических характеристиках говорит нам о различных психологических фигурах крестьянина, рабочего, капиталиста. Но берет их, однако, не как индивидуально психологические явления, но как олицетворения определенных классов, снабженные «чувством и волей», «страстями и убеждениями», или, как он выражается в другом месте, как «экономические маски», которым могут соответствовать и соответственный политический «грим» и «костюмировка». Другими словами, мы имеем здесь перед собой известные видоизменения индивидуальной психологии, которые с одной стороны определяются экономической структурой общества, а с другой — дают соответственно идейные и идеологические отражения. Это, следовательно, не масса вообще, а реально определенная (организованная) человеческая группа. Такова хотя бы *группа пролетариата*, на которой мы и остановимся.

Этот пролетариат переживает перед нами целый ряд превращений. Вот рабочий времен мануфактуры, которая «превращает рабочего в урод, так как культивирует в нем одну только специальную способность и подавляет весь остальной мир производительных задатков и дарований», рабочий превращается при этом «в автоматическое орудие данной частичной работы», с успехом его может заменить «полуидиот», он становится «настолько тупым и невежественным, насколько это возможно для человеческого существа». С появлением машин и крупной промышленности дело изменяется далеко не к лучшему: «теперь капитал покупает незрелых или полузрелых... рабочий... продает жену и детей, он становится работником». Воспитанная в период мануфактуры «пожизненная специальность — управлять частичным орудием — превращается в пожизненную специальность служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с раннего детства в часть частичной машины». «Унылое однообразие бесконечной муки труда, постоянно все снова и снова выполняющего один тот же процесс, похоже на работу Сизифа; тяжесть труда подобно скале все снова и снова падает на истомленных рабочих». Такова производственная обстановка тогдашних английских рабочих (*Маркс К.* Капитал, т. I, с. 351–355, 388, 417, 418; *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг, М., 1922, с. 203–206).

Дополним ее еще картиной горькой нищеты, превращающей работника в настоящего раба предпринимателя и снабжающей его всеми свойствами и чертами рабского существования. Грязь, низкий разврат с детского возраста, «беспорядочные привычки», сменяющие прогулы сверхурочной работой, «метод, притупляющий взрослого рабочего и разрушительно действующий на его малолетних товарищей и на женщин» — все это обратная сторона анархии производства и необузданной эксплуатации рабочих (там же, с. 463, 478). В результате — соответственные идеологические построения: «рабочий относится к общественному характеру своего труда, к его комбинации с трудом других ради общей цели, как некоторой чуждой ему

силе; условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственности». Он легко подпадает под влиянием товарного фетишизма, скрывающего от него истинный характер производства, искренно считает свой труд оплаченным заработной платой и не думает восставать против своего, «кормильца и поильца», который нагоняет экономию даже на безопасности труда, а следовательно, прямо на жизни рабочего. В результате — положение рабочего, как нам его рисует Энгельс: пролетарий начальной эпохи английского капитализма тонет в пьянстве и половом распутстве. «С железной последовательностью и с роковой необходимостью следует это из положения класса, который предоставлен самому себе, но не обладает никакими средствами, чтобы сделать соответствующее употребление из своей свободы» (*К. Маркс*, Капитал, т. III, М., 1922, с. 60–61; *F. Engels*, Die Lage der arbeitenden Klasse in England, Stuttgart 1892, с. 131).

Таково было положение рабочего класса в начале капиталистического развития. Нам не интересно подробно выяснять здесь тот общеизвестный факт, что впоследствии под влиянием технического прогресса пролетарские массы вышли из положения безответных рабов капитала, а современная «крупная промышленность потребовала перемены работ, непостоянства занятий, а следовательно и многосторонности рабочего, «в результате чего он не только заговорил, стал мыслить, но научился и бороться, и побеждать своего классового врага» (*Энгельс Ф.* Анти-Дюринг, М., 1922, с. 205–206). Для нас важно в данном случае другое. А именно: в какой степени теория Фрейда может быть применена и, следовательно, оправдана на примере, приведенном нами выше. Ибо в указанном явлении имеется целый ряд предпосылок, наличие которых в полной мере отвечает положениям Фрейда. В приведенной нами картине положения рабочего класса раннего капитализма мы действительно встречаем и громадное давление «ананке» или суровой необходимости, и наличие напряженного труда как обнаружение «целесообразного действия» и господство самого настоящего «критерия реальности», и однако же за всем тем совершенно не те результаты, которых мы были бы в праве ожидать на основании весьма оптимистических гипотез Фрейда относительно роста социальности к прогресса. Ибо пьянство, невежество и распутство вряд ли можно считать положительными факторами общественного развития.

Картина, впрочем, получится еще более сложной и загадочной, если мы примем во внимание другой момент, который большинство фрейдистских социологов оставляет без внимания, а именно — действия «вытеснения». И, в самом деле, картина водворения принципа реальности в данном случае дает колоссальный гнет социальных условий, которые положительно размалывают психику рабочего. Семья его разрушена вконец. Материнская и отцовская эротика непосредственно переходит в грубую механическую эксплуатацию купли-продажи. Эротика земли, как правильно заметил тот же Кольнаи, разбивается и гибнет в вонючих подземельях рабочего квартала. Но точно также уничтожается и возможность какой бы то ни было сублимации либидо. Хозяин в качестве предпринимателя выступает как безликая мощь

золотого мешка, а божество растворяется в грохоте машин и визге станков. «Скученные на фабриках массы рабочих организуются по-солдатски». Что же касается политических и религиозных иллюзий, то буржуазия превосходнейшим образом «потопила в холодной воде эгоистического расчета и священный порыв набожной мечтательности, и рыцарское воодушевление, и мещанскую сентиментальность» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест).

Спрашивается теперь: возможно ли к анализу этой картины подойти с психоанализом и извлечь из него научно-психологическое объяснение? Во-первых, никакой анализ здесь не приложим, поскольку ему не предшествует социально-экономическое введение. Мы должны, прежде всего, исторически установить начало того колоссального переворота в формах производства, которое привело к рождению нового общественного класса. В известной степени это, например, и пробует сделать Кольнаи в своем вышеуказанном опыте. Во-вторых, мы должны констатировать факт уничтожения и гибели всех тех форм старой сублимации и претворения первобытной эротики в романтические, патриархальные и религиозные идеологии, которые были свойственны феодализму, крепостничеству и старому мещанству. В результате — не регрессия к анимизму или тотемизму с их первобытными призраками, созданными на основе отношений праотца к сыну, а полное раскрытие бессознания с его эротикой и возвращение едва ли не к всеобщему половому общению (распутству) отчасти при помощи алкоголя. Мы получаем, таким образом, как бы возвращение к первобытной орде, но в железных рамках машинной дисциплины, и уже из этого эротического первоисточника с полным разделением между реальностью и либидо, а следовательно, и с устранением старых форм вытеснения. Этим, в-третьих, получается своего рода омоложение психики, причем, поскольку в последующем процессе первоначальная, ничем не стесненная, эротика подвергается новому вытеснению, постольку же она находит и новые пути не только сублимации, но и образования новых симптомов. Так создается и новая идеология.

III

Когда Кольнаи, Федерн и другие последователи Фрейда пробуют выяснить содержание психологии класса или группы, они исходят почему-то из совершенного тождества ее основных моментов. Поэтому с их точки зрения бессознание пролетария и крестьянина, представителя крупного землевладения и городской буржуазии оказывается совершенно тождественным. И если восстает современный пролетарии, то он, будто бы, действует путем тех же самых бессознательных мотивов, как и некогда восставший против вожака-самца его отдаленный предок. Как будто вытеснение происходит у всех совершенно одинаково, и мы не имеем в различных общественных группах и особенно классах совершенно различного и объема, и качества вытесняемого. Сошлемся здесь хотя бы на

самого Фрейда, который на известном сравнении вытеснения у дочери дворника и дочери домовладельца показал с чрезвычайной яркостью, что один и тот же процесс у представителей различных социальных слоев дает существенно различные результаты. И здесь опять-таки нельзя довольствоваться общими фразами и дедукциями, а необходимо войти в подробный анализ не только филогенетически данного бессознания, но и всей структуры того, что и как вытесняется. Так по поводу вышеприведенного примера анализа психики пролетариата мы должны внести существенную поправку в учение Федерна о революции («Die vaterlose Gesellschaft»). Несомненно, Федерн прав, когда он указывает на патриархальную эротику старого общественного строя, особенно в той его части, которая охватывала собой среднюю Европу. Точно также правильно и его указание на крушение этой идеологии во время войны, но он совершенно не прав, когда рисует нам формы перехода от патриархально-отцовского строя к «братскому», «безотцовскому». Он забывает нам указать на то «вытеснение», которое при этом происходит.

На наш взгляд, понятие «вытеснения» имеет совершенно исключительное значение для социологии. Это одна из незабываемых заслуг Фрейда, но, к сожалению, он не развил достаточно этого учения и еще менее связал его с составом так называемого предсознания. Остановимся на том и другом во взаимной связи. Как известно, по учению Фрейда, на пороге между системой бессознания и системой сознания находится; особая *система предсознания*. Она отличается от первой тем, что присущие ей представления и аффекты лишь временно устраниаются или выпадают из сознания, тогда как в бессознании находятся такие представления и аффекты, порожденные соответственными влечениями, которые вытеснены или вытолкнуты сознанием обратно в бессознание таким образом, что они совершенно выходят из сферы сознания, но независимо и вне его не только сохраняют свою активность, но и способны получить дальнейшее, независимое от сознания, развитие. Процесс такого вытеснения или выталкивания совершается при помощи двойки центры — первичной, вытесняющей основное ядро бессознательного потока, и вторичной, которая выталкивает связанные так или иначе с основным ядром вторичные или дополнительные представления. В свою очередь, топически такая цензура осуществляется в двух пунктах — а именно на пороге от бессознания к предсознанию и затем еще на пороге между предсознанием и сознанием. Вытеснение наконец отличается от изживания, когда влечение, бывшее в основе бессознательного представления, естественно и физиологически погасает, и от осуждения, когда известный состав бессознания последовательно проводится через сознательно обоснованное отрицание и точно также исчезает, оставляя после себя лишь воспоминание (Фрейд *З. Лекции*, т. II, с. 83 и след.; *Основные теории*, с. 90 и след.).

Нельзя не видеть из сказанного, что прежде всего область предсознания оказывается как-то особенно тесно связанной с деятельностью вытеснения уже благодаря тому, что на двух его порогах мы находим работу цензуры. С

другой же стороны, посредствующее положение данной системы, говоря вообще, на пороге между бессознанием и сознанием делает ее особенно пригодной для того, чтобы до времени хранить в себе некоторые бессознательные переживания, которые могут проскочить в предсознание, но в то же время задерживаются при переходе из предсознательной сферы в сознательную. Вместе с тем нельзя на наш взгляд так резко противопоставлять процесс осуждения процессу вытеснения. Здесь возможны различные градации. И сам Фрейд говорит нам о случаях, когда из одной и той же группы представлений часть задерживается, а часть пропускается. Несомненно, мы встречаемся в подобном случае с несколько более сложным процессом, нежели простое выталкивание или вытеснение. Во всяком случае такому процессу должна предшествовать некоторая работа предсознания. Когда же мы встречаемся наконец с деятельностью бессознания по проведению контрабандным путем некоторых его составов в сознание под прикрытой и обманчивой формой символа при помощи сдвига и сгущения, то опять-таки не можем не отметить, сопутствующей деятельности предсознания, которое первое облагораживает и придает приличную форму поступившим из бессознания представлениям.

Еще более замечательна, на наш взгляд деятельность предсознания в другом отношении. Дело в том, что мы встречаем в области сознания такие произведения психической деятельности, которые не могут быть достаточно объяснены ни принципом действительности, ни принципом удовольствия. Таковы всевозможные построения, относящиеся к созданию идеальных образов и критериев, эстетических суждений и переживаний совести. Все подобные переживания, коренясь глубоко в бессознании, в то же время отличаются своеобразным характером, который на основе нового подхода в высшей степени оригинально соединяет и восприятие реальности и наслаждение. В грубейшем виде этот процесс идеализирования, сопряженный хотя бы с повторяемостью внешне воспринимаемых явлений, установка полярностей оценочного суждения между «да» и «нет», но опять-таки с некоторым вниманием в сторону действительности, фантазирование, но с известными поправками на правдоподобность и вероятность. С этой стороны «реальность» или художественная правда является «интroversией», которая в предсознании инвертированного получила не только какое-нибудь словесное выражение, но также и проверку со стороны некоторого сходства с действительностью. Не иначе создается и «идеальное я» человека, «обнимающее сумму всех ограничений», коим подчиняется отдельная особь (S. Freud, Massenpsychologie und Ich-Analyse, с. 117).

Стоит сравнить работу трех указанных Фрейдом систем, чтобы понять, что *предсознанию свойственна особая и специфическая работа*. Начнем с принципа реальности. Как известно, бессознание совершенно не считается с ним, и если мы имеем отражения действительности в сновидениях, то это так называемые дневные остатки, к образованию которых причастно и подсознание и отчасти сознание. Отражение реальности в сознании общеизвестно. Оно построено на возможной адекватности и сопровождается

проверкой при помощи опыта и действия. Спрашивается теперь, какова реальность предсознания? Нам кажется, на этот вопрос мы можем ответить вполне удовлетворительно, если мы укажем на реальность эстетического (в широком смысле) отражения, которое дает не просто отблеск действительности, но ее переработку, преобразование в духе бессознательных влечений. И если мы увлекаемся представлением драматической пьесы на сцене, то отнюдь не потому, что мы верим в реальность происходящего «взаправду», и не потому, что под покровом внешней фабулы развивается либидинозная символика, понятная непосредственно бессознанию каждого из нас. Но потому, что предсознание дает нам компромисс, преобразенную действительность, которая, с одной стороны, *удовлетворяет важнейшим требованиям реального отображения, а с другой — дает нам ее в целесообразно превращенном виде*, при чем цели этой целесообразности не только наши, бессознательно рожденные, влечения, но и оправданные, говоря словами Канта, объективной телеологией. *Ибо художественный образ стоит как раз на пороге между темной интуицией бессознания (либидо) и законченной машиной технической победы над миром (рацио).*

Если мы пойдем дальше по намеченному пути, то мы найдем и другие черты, выделяющие предсознание действительно в особую систему нашей психики. Мы говорим здесь о символике и ее значении. Термин символики присвоен в теории Фрейда исключительно символике сексуальной. Между тем по существу это понятие гораздо шире. Ибо нельзя отказать в характере символики ни художественному произведению, ни научной формуле. И то и другое обозначение есть не что иное, как условное обозначение определенных психических отражений, которые, на манер «условных рефлексов», способны каждый раз вызвать у нас определенные переживания, а в частности породить соответственные влечения, представления и аффекты. Условность научной символики в виде какой-нибудь математической, химической или астрономической формулы ничем не меньше условности символики эротической, а в некоторых случаях даже больше. С этой стороны и напечатанное буквами (буквенная символика) и обозначенная цифрами (цифровая символика) научная теорема столь же мало похожи на обозначаемое ею представление и самый реальный объект, сколь и любой символ половых органов в наших сновидениях. Различие тут лишь в том, что первой соответствует совершенно точно определенное реальное — объективное — содержание в то время, как последний не только многозначен и неопределен, но может не иметь за собой никакой иной реальности, кроме чисто психической в виде хотя бы совершенно искаженного выражения известных влечений.

Если теперь с точки зрения нашей гипотезы предположить, что *предсознанию, как особой системе нашей психики, свойственна также особая символика*, то мы можем прийти к весьма любопытным заключениям. Прежде всего мы должны будем установить, что этой символике присущ свой особый принцип; его мы отделим от принципа реальности и принципа наслаждения. И так как он содержит в себе и сильные либидинозные

моменты и известное отношение к реальности, то мы заключаем, что его рождение должно иметь место в тот момент, когда человек переходит от нарциссической самовлюбленности и аутоэротизма к внешнему объекту для удовлетворения либидо. И если в сексуальном мышлении мы встречаемся с верою во всемогущество идеи и галлюцинаторным удовлетворением, то здесь — с процессом идентификации (нечто вроде художественного «вчувствования»), перенесением на другое лицо своего идеального или идеализированного я. В религии это дает анимизм или аниматизм, в искусстве этот прием остается как олицетворение. Но по мере участия человека во внешней жизни и связанной с нею борьбе, его *идеальное я обогащается ловкостью и гармонией действия и работы, налагающей печать целесообразности на произведение человеческих рук*. В результате при перенесении формы своих действий на олицетворенный мир является потребность видеть и этот последний столь же объективно законченным и прекрасным, как свое собственное действие. Это легко достигается при помощи простой идеализации. Эта последняя, однако, скоро подвергается влиянию принципа реальности, в результате чего появляется конфликт между действительностью и идеалом и уже ранее образовавшееся критикующее я стремится разрешить этот конфликт при помощи активного преобразования действительности. *Принцип подсознания, заключающийся в преображенной реальности, мы назвали бы эстетическим или телеологическим*. Принцип наслаждения, принцип реальности и принцип целесообразности — таковы были бы в нашем предположении три начала, характеризующие системы бессознания, сознания и предсознания (ср.: Freud S. Massenpsychologie und Ich-Analyse, S. 67, 71–72, 117).

Из сказанного вполне выясняется и характер символики предсознания, которая отличается от сексуальной в том отношении, что, поскольку последняя направлена к скрыванию и утаиванию вытесненных составов, приобретающих благодаря этому способность быть не узванными сознанием, постольку же *эстетическая символика стремится к оправданию лежащих в основе либидинозных влечений при помощи идеализированной действительности, а следовательно, и нахождения определенного сходства между вытесненными комплексами и известным образом окрашенной реальностью*. Дело здесь идет о доказательстве весьма примитивном, которое работает при помощи аналогии и внешнего подобия. Вначале это тоже обман, который претендует на положительность принципа действительности. Впоследствии это образец возможного достижения. В конце концов, это человеческий запрос, который властно предъявляется внешнему миру и побеждает его. Но с самого начала ложится принципиальное различие между сексуальным символом, как скрывающим, говорящим обиняками и намеками, мистическим, и символом эстетическим, который благодаря работе предсознания дает непременно *реальность, но взятую сначала со стороны подобия, а затем и формы*. И подобно тому, как основанием формы является действующий человек, эта же форма целесообразной техники объединяет впоследствии закон причинности

реального мира и начало наслаждения либидо. Ясно отсюда громадное и самостоятельное значение предсознания и его принципа целесообразности, и в познании и в искусстве и деятельности вообще.

Теперь мы можем подойти с большей отчетливостью и к роли предсознания в его отношении к вытеснению и сублимации. Совершенно очевидно, что непосредственное и прямое столкновение реальности и либидо может дать только боль и разочарование и панический страх. Тот страх, который ложится в основе табу. Здесь мыслимо лишь вытеснение с его последствиями вплоть до невротизма навязчивости. Ни сознание с его холодной необходимостью, ни предсознание с его идеализацией еще не работают. Но первым пробуждается предсознание. Это оно, пользуясь амбивалентностью чувства, заменяет страх и порожденную им ненависть любовью и уважением, благоговением и жертвой. На олицетворенную при помощи того же либидо внешнюю силу оно переносит по методу сходства свое идеальное я, и грозный факт становится внутренне пережитой и примиряющей нормой — велением — законом. И первоначальную цензуру боли и страха именно предсознание преобразует в определенный критерий, отделенный от нашего критикующего я, который сливается с табу понятия добра и зла, кротости и безобразия, правды и лжи. *Совесть рождается из фобии. Но она навсегда остается связанной с предсознанием, а не сознанием.* В этом отношении, как нам кажется, Фрейд не прав. Ибо ее стихийный, бессознательный характер выдерживает примирение с разными «идеальными» понятиями эстетического характера довольно успешно, но присваивать «совесть» сознанию с его принципом реальности нет никакой возможности.

В нашем анализе предсознания нам остается еще только один пункт, а именно вопрос о его различных типах и формах. Конечно, здесь мы исходим из той необходимой предпосылки, что работа предсознания совершается в известной постоянной связи с реальностью, хотя эта реальность получает несколько иной характер, нежели реальность сознания. Самую реальность мы можем определить с нескольких различных сторон. Во-первых, внешний мир является определяющим силу и размер обнаружения различных типов либидо. Громадное значение тут получает уровень производительных сил и соответствующая ему непосредственная возможность расходования сексуальной энергии в половом акте. Такова более или менее широкая возможность нетрудовой жизни и досуга, а с нею и соответственная свобода полового общения, которую мы находим в известные эпохи и среди определенных классовых групп. Таковы с одной стороны босяки, апаши, богема, дикари (последние — в стране саго, кокосовой пальмы и банана), а с другой — паразитствующие классы: крепостников, рабовладельцев и т. п. Во-вторых, характер организации, выросший на определенном типе производственных отношений. Таким путем определяется форма и тип социальной связи (перенесенное либидо, идентификация, идеализация), вытеснения (табу, страх божий, обычай, закон, естественная необходимость, сила, нужда) и общественной иерархии (родители, праотец, тотем, бог, вождь, царь, сенат, народное собрание, совет, предприниматель,

собственник, технический надзор). В разные эпохи и в различной обстановке все эти формы значительно видоизменяются. И, в-третьих, совершающиеся под давлением хозяйственных переворотов, а в частности смены форм производства профессиональные и классовые перегруппировки, которые влекут за собой настоящие идеологические перевороты как по содержанию, так и по форме. Отсюда же революционное вытеснение не только непосредственного либидо в той или иной форме, но и целых уже сложившихся систем вытеснения, сублимации и иных надстроек, сооруженных на первоначальном сексуальном базисе при помощи принципа эстетики и рации, реальности, целесообразности и положительного опыта.

Только путем сложного и внимательного подхода возможно дать действительно научный анализ социальных явлений при помощи психологической теории, ибо в противном случае легко впасть в трюизмы и скороспелые обобщения. Мы готовы признать вместе с Фрейдом, что основной источник нашей активной энергии покоится в нашем либидо. Чрезвычайно убедительны и его выводы относительно «систем» нашей психической жизни, также как способов и видов израсходования и превращения первоначального либидо. Вряд ли возможно подвергнуть серьезному сомнению и его выводы, высказанные в учении о тотеме и табу, об индивидуальном я и обществе. Но если мы желаем серьезно воспользоваться ЭТИМИ научными открытиями, то мы должны провести их типологически и исторически. То, что некогда сказал Энгельс о поверхностном применении метода Маркса, можно в значительной степени повторить относительно многочисленных фрейдистов-социологов. И если для правильного применения теории исторического материализма «всю историю надо начать изучать сизнова», то для плодотворного использования психоанализа в социологии «надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения». Вместо этого слишком часто действует простая «фразеология», которая служит лишь для того, «чтобы возможно поскорее систематически сконструировать свои собственные, относительно небольшие исторические знания» (*Энгельс Ф. Письмо к Зорге от 8 февраля 1890 г.*).

В настоящем небольшом очерке нам, конечно, нет никакой возможности выполнить поставленную Энгельсом программу. Единственное, что мы можем теперь наметить, — это некоторые методологические пути, при помощи которых мы могли бы рассчитывать на благоприятные результаты исследования. Такие методологические предпосылки, в свою очередь, мы можем поставить на основании известного обобщения историко-социальных данных. Как кажется, в этом направлении нам может помочь типологическое построение, дающее сводку по крайней мере основных идеологических организаций, или даже организационных принципов и форм, свойственных нам известной истории человечества. Таких форм при известном упрощении мы можем наметить три, а именно: 1) Форму построения, наиболее близкую

бессознанию с его *сексуальным мышлением*, фантастикой и ритуалом. Ее можно назвать *сексуально-мистической*. Этим путем выделяется и специальный вид СИМВОЛИКУ» наиболее близкой к либидо, которую мы называем *мистической*. 2) Конструкцию, которая работает преимущественно при помощи *предсознания*. Она покоится на сублимированных видах либидо, ориентируется на эстетически воспринимаемую действительность и охватывает формы от романтической идеализации до художественной телеологии общества. Ее мы назовем *романтико-эстетической*. И, наконец, 3) формы, основанные на *рациональном мышлении*, созданные при помощи принципа реальности и охватывающие собой с одной стороны ошибочные идеологии метафизического рационализма, а с другой положительно обоснованные теорию и технику общественной статики и динамики. Эту форму мы назовем: *рациональной* (Ср. мои «Теорию Петражицкого», с. 169 и след.; «Государство», 1-е изд., ч. 1, с. 78–108 и след.; то же, 2-е изд., с. 25–83, «Государство буржуазии и РСФСР», с. 31–58).

Мы не будем здесь специально останавливаться на идеологических формах *сексуально-мистического типа*. Ей в журнале «Печать и Революция» уже посвящен специальный очерк, к которому мы и отсылаем читателя. Здесь мы отметим лишь те социальные предпосылки, которые делают обращение к сексуальному мышлению и связанному с ним ритуалу не только возможным, но и необходимым. Остановимся на некоторых из них. Основую надо считать такие условия и такой уровень производства, при котором население, не подвергаясь опасности немедленного вымирания, может пользоваться столь несовершенными методами приспособления, как либидинозное или сексуальное мышление. Такого рода бессознательное приспособление мы находим в первобытном обществе, где вообще еще не было выработано сознательного отношения к реальности, да в этом и не было особенной нужды. Здесь так же, как у ребенка, принцип наслаждения, фантастика, вера во всемогущество идеи и соответственная магия являются вообще единственным способом, чтобы так или иначе организовать полуживотное существование, основанное скорее на зоологической борьбе за существование, нежели на социальной организации. С первобытным человеком, однако, не уходит его мистика. Дикарь застывает надолго в тех же формах. А с установлением классового общества образуются общественные группы, которые по своему классовому положению так глубоко оттесняются на низы рабовладельческого, крепостнического, а впоследствии и буржуазно-капиталистического здания, что в значительной степени сохраняют и язык, и идеи, и церемонии первобытного человечества. Меняется содержание идеологий, форма остается прежняя. Непосредственно из эротики выросшая религия с одинаковым успехом обволакивает быт зверолова, рыбака и пахаря. Оплодотворение зверя переносится на оплодотворение земли, оплодотворение человека на оплодотворение социального божества. Эротика заменяет познание мира и дает непосредственное общение с ним (Ср. мое «Государство», 1-е изд., ч. 1, с. 79–82).

Но рядом с этим, так сказать, естественным рождением богов идет и другой процесс более искусственного свойства; растущее давление внешней среды все более сокращает возможность непосредственного осуществления и расходования сексуальной энергии. Под влиянием необходимости устанавливается производственная организация общества, которая полагает строгие пределы половому общению, а в то же время далеко не с надлежащей щедростью предоставляет возможность перенесения сексуальной энергии в другие сублимированные области. Создается накопление вытесненных аффектов и представлений со свойственным им запасом взрывчатого вещества. И по мере развития культуры и торжества принципа реальности, он выступает прежде всего не с доводом я убеждением, не с силлогизмом и аргументами, а во всеоружии голей силы, которая первоначально выступает как стихия и давящий террор. Принцип реальности при своем появлении вооружается не логикой, а фобией. В результате бегство к вторично найденной и обоснованной религии как к грандиозному аппарату израсходования и истребления излишней энергии, которая не находит себе места в данном организованном процессе производства и воспроизводства жизни. Индивидуальные производительные силы, не находя себе места в производстве и творчестве, создают рядом с действительной жизнью расточительную и трагическую игру, где больше жертвы, чем благодати, самоистязания и убийства, нежели свободного дара (там же, с. 78–79, 83–87).

К религии естественного гнета и социального рабства очень скоро присоединяется религия жречества. Ибо производство идей точно так же нуждается в материальной основе, как производство продовольствия. Религия организуется. И то самое сознание, которое, опираясь на реальность, вытеснило из хозяйства магию и брак-кровосмешение, в сфере религии начинает работать при помощи полного механизма вытесненного бессознания. Здесь, в этом мире, по-прежнему отец убивает сына, а сын. отца и женится на матери. Отделенная от трупа душа не только находит старое тело, но и воскрешает его. А ставший через бога сам богом человек одним словом умирляет стихии, творит мир по своему хотению и создает отнятый у него на земле волшебный парадиз. И для всего этого выделяются волшебник и маги, строятся колоссальные храмы и ожившие и воскресающие мертвые получают целые области и города. Не умея создавать города живых, люди воздвигают твердыни мертвых. Умирая от голода, кормят покойников и жрецов. Но за то церковные каналы не только отводят в мертвую пустоту целые океаны ненужного труда и изобретения, но и освящают социальное разделение, хозяйственную эксплуатацию, страшный древний закон и политическую власть. Ушедший от жизни источник производительных сил через города мертвых, мистерии и жрецов возвращается к реальным сооружениям хозяйственного и политического быта, чтобы укрепить их гнет и силу. Религия-церковь закрепляет болезнь, на которой построено ее благополучие (там же, с. 84–85).

Религия с ее сексуально-мистическими построениями, несомненно, ближе всех других общественных идеологий стоит к сексуальной области, ибо здесь человек непосредственно пользуется системой бессознания с ее громадными запасами сексуального влечения. И когда Фрейд указывает нам, как на образец эротической организации, на церковь (*Massenpsychologie und Ich-Analyse*, с. 47–48), он совершенно прав, так как здесь любовь ко Христу, слияние со Христом, послушание Христу и тому подобные проявления либидо сохраняют в неприкосновенности основной характер вытесненной страсти, нашедшей себе пути при помощи бессознательной символики поповых влечений. Это обстоятельство нисколько не устраняется тем фактом, что за символическими чудовищами стоят и первобытное хозяйство, и классовый гнет, и дикарская техника, а сама мистика заменяет собой и ошибочную науку, и таинственное искусство, и волшебную этику. Но способ представления во всех указанных случаях одинаково насыщен сексуальным мышлением с его отрицанием реальности, фантастикой и магическим, культовым и обрядовым действием. Нельзя отрицать, что каждая религиозная система содержит в себе и рациональные моменты, и эстетические. Но и в том и в другом случае основа, важнейший материал и исходные пункты не только даны эротикой, но и представляют неколебимое целое, которое лишь дополняется и разрабатывается при помощи критерия целесообразности и реальности и этим путем создает безобразное сочетание логики и алогичного, формы и бесформенного.

К сожалению, *Фрейд не различает, общественных соединении, организованных при помощи мистико-сексуального мышления, и тех форм общественной связи и организации, которые уже работают при помощи предсознания и сознания.* В этом пункте Фрейд безусловно несет ответственность и за грубые ошибки, которые делаются его учениками. В своем учении о «Массовой психологии и анализе Я» он совершенно удовлетворяется тем, что устанавливает лишь общий сексуальный источник первоначальной общественной связи, и неорганизованное общение он рисует нам как «первичную массу, заключающую в себе некоторое количество индивидов, которые ставят на место своего идеального я один и тот же объект и вследствие этого отождествляются в своем я друг с другом» и в конце концов переносят это я на «вожака» (с. 87, III, 103). Еще хуже то обстоятельство, что в качестве материала, послужившего у Фрейда для его выводов, служит та в высшей степени спорная характеристика, которую дает «массе» уже небезызвестный нам Ле Бон. И хотя сам Фрейд по поводу лебоновской толпы правильно замечает, что она носит на себе все признаки Французской революции, однако он без дальнейших стеснений пользуется этой «толпой» для своих дальнейших построений. Когда же затем Фрейд переходит к изучению массы организованной, то он довольствуется здесь только замечанием, что такая масса «выздоровливает» от грехов первичной орды, так как она усваивает себе «свойства индивида» (с. 35–36). Что это обозначает? Очевидно, не что иное, как то, что масса, подобно индивиду, обращается к сознательной и предсознательной деятельности, начинает

считаться с реальностью и целесообразностью, «вожака заменяет абстракцией» (с. 58), из состояния первобытной толпы переходит на положение культурного сообщества? Но Фрейд, во-первых, совершенно не показывает нам, как устанавливается соотношение сознательного я особи к сознательному поведению общества, и, во-вторых, еще менее объясняет нам, как происходит переход общественных форм от толпы к сознательной организации; «абстракции» же или «идеи» бывают весьма разные. Как мы видели уже выше, как раз в этой области последователи Фрейда совершают наиболее тяжкие преступления против основных начал материализма.

Игнорируя историческую и в частности экономическую обстановку, психоанализ Фрейда становится совершенно беспомощным и в другом отношении. Он при всем своем остроумии никак не может показать нам, почему сублимация дает в одном случае религию, в другом искусство, а в третьем науку; почему одни общественные группы пользуются в качестве излюбленного способа представления сексуально-мистическим методом, а в другом — рациональным; почему, наконец, одна из них регрессирует в известные эпохи только до романтики и мифа, а другая, и притом лишь в некоторых отношениях, до массового помешательства по образцу американской собачьей эпидемии. А между тем история дает нам удивительные примеры, и не раз останавливалась над ними марксистски мыслящая наука. И если даже обратить внимание на прямое и непосредственное перенесение сексуально-родовых форм на общественные отношения даже того организованного общества, которое, очевидно, перешло уже от состояния «первичной и первобытной орды» в разряд постоянной организации по типу «сознательного Я», то и тут мы найдем случаи, которых никак по фрейдовской формуле не объяснишь, несмотря на всю их очевидную «сексуальность». Ибо только *производственные отношения решают направление социальной сублимации* — пойдет ли она по линии вытесненной и скрытой мистической символики, по пути явной и торжествующей сексуальной романтики или полного замещения либидо началом рационально воспринятой реальности. И в этом отношении марксистская мысль кое-что сделала. Позволю себе сослаться хотя бы на некоторые свои работы.

Так еще в 1911 году мною был выпущен труд, посвященный изучению государства, в котором мы находим следующие положения. Прежде всего мною был введен в учение о государстве анализ не только идеологических его предпосылок, но также и тех «чувствований», при помощи коих создается психологическая связь людей, объединенных в этом союзе. Наряду с «мистикой» государства, мною была дана и его «романтика». И в анализе связи *между идеологией и хозяйственной средой* были отмечены: связь чувств «преклонения и восхищения», лежащих в основе отношений авторитета и возникающих первоначально в различных «родовых соединениях» и «патриархальной семье», а затем охватывающих собой, «по образцу семейно-родовых», также «отношения ученика и подмастерья к мастеру», «организатора и исполнителя» в некоторых трудовых процессах,

«вождя» и отдельных участников на охоте, в рыболовстве, мореплавании, в кочевом скотоводстве и т.д. Наличие подобного рода отношений уже в духе «романтического обожания и преклонения» была отмечена в особенности в военной среде, где наряду с развитием героизма идет и идеализация, вплоть до создания легенд и мифов. Подобная же идеализация, наконец, была отмечена и в среде отношений так называемой «духовной аристократии». В результате мы находим «обожание, чувство чрезвычайной любви и преданности к обожаемому». Достаточно отметить здесь развитие родовой романтики среди дворянства с его искусственно воспитанной идеализацией, и также «официальную идеализацию и государственную романтику», при помощи коей создается культ различных представителей власти («Государство», 1-е изд., ч. 1, с. 86–90).

Вместе с отношениями авторитета, мною были отмечены и те братские связи, которые выражаются в чувствах «любви и влечения», «расположения влечения и любви», которые, «зарождаясь сначала в тесном кругу родовых соединений, способны охватить собою и вне родовые, внесемейные связи». Наличие таких чувств была мною отмечена во всякой тесной среде труда и борьбы, где «общее дело и общие опасности: надолго связывают людей в боевое и трудовое братство». там же было отмечено и «высокое значение любовных, дружеских и товарищеских чувств в деле создания политических идеологий», при чем в составе всякого братства демократического характера имеется «значительная доля не только романтизма, но и сентиментальности». Именно такая связь наблюдается среди тесных крестьянских групп, она спаивает класс крупного землевладения, старые гильдии и цехи, военные организации, наконец, организации молодежи. Но более этого в известных случаях «между человеком и окружающей его средой устанавливается такая же связь, как между двумя любящими существами», рождается «чувство привязанности к предметам», а на этой основе возникает «романтизм земли и крестьянского труда», «романтизм барского дома», «патриотизм города», «понятия патриотизма и национальности». Во всех подобных случаях дело подчас может дойти до «страстного чувства привязанности и любви», даже до «фанатического воодушевления». Наконец, последним обнаружением подобных чувств является «поэзия и романтика борьбы», которая доходит до своего высшего завершения в эпохи войн и революций. Специально был отмечен мной и «революционный романтизм» (там же, с. 90–99).

Бесспорной заслугой Фрейда является установление основного источника всех этих сентиментальных и романтических эмоций и соответственной идеологии. Но для того, чтобы понять все многочисленные оттенки и, типы, высоту сублимации и ее направление, для этого необходимо привлечь к исследованию прежде всего ту реальность, которая здесь выступает хоть и идеализированной, но тем не менее в легко доступной познанию форме. При таком исследовании мы убедимся, что *целый ряд производственных отношений непосредственно и прямо получал выражение в связях кровных, родовых и семейных*. Достаточно тут упомянуть хотя бы о тех формах первобытного общества, которые в свое время были открыты Морганом,

объяснены и обоснованы Энгельсом, а впоследствии стали достоянием обширной социологической литературы. Ибо «чем меньше развит еще труд, чем ограниченнее сумма его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем более влияния на общественный строй оказывают отношения между полами». Вот почему «племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, являлись высшей силой, данной от природы, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мышлении и поступках». И возникший таким образом родовой строй при благоприятных экономических условиях «может дальше существовать в течение целых столетий в измененной территориальной форме общинного устройства (марки) и даже на некоторое время оживать в ослабленной форме в позднейших дворянских и патрицианских рядах, даже в рядах крестьянских, как, например, дитмаршенских» (Энгельс Ф. Происхождение семьи, собственности и государства, М., 1922, с. 7, 112, 113).

Сейчас в небольшой статье нет никакой возможности обозреть все формы распространения сексуально-родовых символов, и построенные при помощи соответственного либидо общественные формы хотя бы в том объеме, как они намечены были выше. Тем более, что после трудов Моргана и Ковалевского, Мэна, Токвиля и Дженкса трудно сомневаться в том, что переход к земельной общине совершился целиком под кровом родовых понятий, чему даже не помешало присоединение к первоначальным родичам совершенно им чуждых по происхождению людей, которые тем не менее превосходно вошли в состав подобной «кровной группы». Мы остановимся только на отмеченных Энгельсом «дворянских родах», среди коих мы находим особенный расцвет всевозможных отеческих, братских и детских отношений, также как всевозможной идеализации и романтики. Появление дворянства имеет своей предпосылкой переход от звероловства к скотоводству и земледелию и связанному с этим имущественному неравенству. На этом сходятся все наблюдатели дикарских и варварских племен. «Дворянство порождается имущественным благосостоянием, а не рождением». У многих, как, например, у даяков, глава племени прямо называется «оранг-кайя», что значит богатый человек. По свидетельству путешественников у северо-западных индейцев Северной Америки «каждый свободный человек, достаточно разбогатевший, может сделаться второстепенным вождем и выдающимся лицом». У киргизов, по сообщению Ковалевского, дворянин именуется «бай» или «бей», что обозначает богатого человека. «Обыкновенно богатство, — говорит Шурц, — служило источником образования высшего народного слоя». У древних ирландцев «боэры», или дворяне, были не кем иным, как владельцами коров. Так было и везде, где существовало дворянство. Характерным внешним признаком дворянина и до сих пор у дикарей являются толстый живот, общая упитанность, рост, а у некоторых народов отличительный признак тунеядства — длинные ногти. Как среди дикарей, так и у культурных народов «дворянство и богатство соединяются вместе, чтобы царить над массой народа, а бедные и несвободные опускаются вниз и образуют

подонки общества, все равно, будут ли они называться рабами или нет» (*Мэн*, Древнейшая история учреждений, Спб., 1876, с. 57 и след.; *Дженкс*, Происхождение верховной власти, Спб., 1907, с. 36, 58; *Ковалевский*, Социология, т. II, Спб., 1910, с. 175, 188; *Шурц*, История первобытной культуры, Спб., 1910, с. 195, 208–211, 223).

И вот, после того как первоначальные родовые группы благодаря имущественному неравенству превратились в «отвратительную аристократию» (Энгельс), мы видим, как с особенным тщанием власть рабовладельцев и крепостников облачается в старые одежды того самого родового строя, который был их полной противоположностью. Были использованы старые положения родового порядка, гласившие, что «сыновняя любовь — главная из всех добродетелей»; был выработан «идеальный романтический образ доброго барина, отца-батюшки, который заботится прежде всего о своих детках-крестьянах», вотчинник превращается из эксплуататора в отца, патриарха, благодетеля и кормильца. «Ролевая идеализация и романтика с не меньшим успехом служит дальше к объяснению власти и привилегии дворян в отличие от всех других». Отсюда «отцами по отношению к покоренным народностям называют себя греческие эвпатриды, лакейские спартиаты, римские патриции или отцы. По отношению друг к другу они придерживаются братских отношений, представляя собой как бы потомство одного и того же героя родоначальника, полубога, титана или мифического мудреца... Будучи отцами по отношению к низшим при монархическом строе, они, в свою очередь, являются старшими сыновьями того общего и высшего отца, который властвует над ними в качестве царя или короля». Наконец, создается династия или царствующий дом, который представляет собой в связи с другими династиями строго эндогамическую организацию, «замкнутое кровное сообщество, члены которого не могут вступать в брак с лицами низшего происхождения без разрешения родового владыки» (*Рейснер М. А.* Государство, 1-е изд., ч. 1, с. 146–150).

Еще, может быть, любопытнее то зрелище, которое представляет нам в монархических государствах отношение монарха и подданных. Здесь действительно находим изображенные и Кельсеном, и Кольнаи, и Федерном детски-отеческие связи. Ибо «терминология и церемониал отношений монарха и подданных в старинных европейских и азиатских монархиях чрезвычайно ярко отражают в себе патриархальный принцип. Все семейные частные дела монарха почитаются столь же близкими и важными для подданных, как для него самого. Подданные почитаются как бы входящими в состав некоторой большой семьи и хоть на пополнении младших ее членов, клиентов и даже несвободных слуг, но тем не менее они обязаны узами чисто-детской привязанности, сыновней нежности и любви к своим опекунам или отцам в виде династии и ее членов. И обращение подданных к монархам, в особенности с поздравлениями или выражениями сочувствия по поводу семейных событий в среде династии, весьма резко подчеркивает родовой патриархальный характер взаимных отношений. Подданные здесь в особых церемониальных формулах радуются личному и семейному счастью

монарха, плачут вместе над его горем и просят его принять выражения таких чувств, которые находят свою полную аналогию только в обращении патрона к родовому патрону, младшего родственника к великому отцу или подопечного крепостного к батюшке-барину. Семейно-патриархальный момент современной монархической власти этим ставится вне всяких сомнений. Никакому президенту республики не доступна такая семейно-интимная связь с народом, какая предполагается в каждой монархии с ее «возлюбленными» подданными и «обожаемым» и «всемилодивейшим» «отцом отечества». «Так создается идеология, которая пользуется «идеей патриархальной семьи и родственными чувствами отцов, детей и подобных близких по крови людей для того, чтобы при их помощи создать социальный организм, проникнутый идеальными типами любящего отца и преданных послушных детей» (*Рейснер М. А. Государство*, 1-е изд., ч. 1, с. 150, 151).

Подобные идеологические формы могут иметь громадную устойчивость и распространение. Пример этому — средняя и северо-восточная Европа до империалистской войны. Автору настоящих строк приходилось не только наблюдать, но и закрепить в ряде социологических этюдов и напечатанных в свое время на страницах «Современного Мира» и «Русского Богатства» (Таковы очерки «Вильгельм II», «22 династии», «Его Светлость», «Господа юнкеры», «Мы, балты» и др.). Удивляться поэтому, что австрийские и германские ученые, подобно Федерну, придают вообще такое исключительное значение семейно-родовым влечениям на своей родине и готовы свести к водворению «безотцовского общества» результаты прошедших в тех странах революций, конечно, не приходится. Однако *никаким образом нельзя ни слишком обобщать указанных фактов, ни придавать им чрезмерного значения*. И если даже опираться здесь на многочисленные идеологические построения, то не надо забывать, что слишком часто они могут представлять из себя своего рода архаические остатки, далеко не соответствующие ни материальной обстановке, ни даже психологии масс, находящейся под ее давлением. Замечательный пример по данному случаю приводит Маркс в своей повести о «18 Брюмера», когда он напоминает нам, как деятели Французской революции рядились в ложно-классические маски римской доблести брутов и гракхов, хотя на самом деле они были совершенно на них непохожи. Правильно замечает по этому поводу Крживицкий: «Нас окружают мертвецы», «и хотя давно минувшие времена существуют в виде разбросанных и разбитых пережитков, но исторический вчерашний день выступает во всей силе, тормозит наше движение, задерживает развитие, извращает стремления, созданные текущей эпохой. Мы живем окруженные и обессиленные прошедшими веками» (*Крживицкий. Генезис идей. Распространение идей, Прошедшее и настоящее*, Спб., 1905, с. 74). Один факт наличности родовых и патриархальных идей сам по себе еще не решает вопроса.

Гораздо важнее другое обстоятельство. И это — *наличность в то же самое время таких материальных условий, которые не только фактически определяют известным образом психологию людей, но и должны именно*

таким образом на нее действовать. И в самом деле. Приведенный нами пример и выясняет дело и вместе с тем определяет размеры факта. Мы остановились на господстве отечески-детской (родовой) психологии среди дворянства, при чем последнее, как мы уже видели выше, основано на экономическом неравенстве и классовом господстве. Спрашивается теперь, почему именно дворянство должно было выработать и упомянутую психологию и соответствующую ей идеологию, в то время, как, например, современная буржуазия, занимая точно так же положение господствующего класса, в то же время совершенно чужда патриархальным формам отечески-детского либидо? Ответ на это дается историей. Лежащее в основе дворянского господства крупное землевладение старого типа обладает как раз такими чертами, которые делают необходимым обращение к указанной идеологии на всем протяжении земного шара. Ибо только дворянское землевладение отличается следующими свойствами: оно предполагает наименьшее участие собственника в процессе производства, наибольший досуг, тунеядство и праздность, железную зависимость от порядка наследования, необходимость боевой сплоченности привилегированных против угнетенных, потребность в прикрытии жестокой эксплуатации доступными крестьянину идеологическими построениями и, наконец, порожденную досугом способность к декоративной и церемониальной игре. Если присоединить к этому крайне медленный темп хозяйственного оборота, значительную самостоятельность и изолированность вотчинного уклада, то понятна станет и его устойчивость и консерватизм. *Идеология определяется психологией, а последняя производственными отношениями и в последнем счете ростом производительных сил...*

После сказанного не трудно определить и те черты дворянского быта, которые ближайшим образом определяют собой социальную психологию дворянства, или, иначе говоря, придают психологии отдельных людей, принадлежащих к этой группе, известные типичные черты. Прежде всего здесь характерно отношение полов между собою. Громадное экономическое значение порядка наследования приводит к формальной моногамии, построенной на сочетании хозяйственных интересов рода жениха и невесты. Свободы брачного выбора нет. Проводится и строгая дисциплина в воспитании детей, которые целиком подчиняются интересам рода и сословия. Целомудрие девушек и так называемая стыдливость высоко ценятся и охраняются, так как с чистотой единокровия связаны имущественные права. Женщина получает различное значение и соответственное положение. Женщина-мать, как орудие для получения полноправного потомства, воспитательница и хозяйка, получает высокое положение, но вместе с тем подвергается жестоким стеснениям в области сексуальной жизни. Поскольку же ее брак не устраивается с равнородным и состоятельным супругом и она остается старой девицей, ей открывается возможность пострижения в монастыри, которые и служат для приюта, а вместе с тем мистико-религиозного удовлетворения вытесненного либидо старых девиц и вдов, не имеющих возможности или желания выйти снова замуж на

«приличных» основаниях. В монастырях воспитываются и молодые девицы с гарантией целомудрия. Все сказанное делает вполне понятной и крайнюю религиозность дворянских женщин, так как их либидо подвергается весьма сильному вытеснению.

Положение мужчины этой классовой группы иное. Благодаря усиленному питанию и праздности в нем развивается в исключительной степени сексуальное влечение. Сначала оно направлено на мать и на сестер (семейный блуд), а затем ищет выхода различными путями. Известно широкое распространение гомосексуальности, особенно в замкнутых военно-мужских организациях и среди восточного дворянства. Поскольку же избыток сил не расходуется на войне, охоте, в спорте, всякого рода придворной, служебной и политической деятельности, он находит себе выход в пьянстве и распутстве. Возможность последнего открывается, во-первых, благодаря использованию несвободных женщин, рабынь, крепостных, вольноотпущенниц и куртизанок, которые создают свойственное исключительно дворянскому строю явление, а именно — гетеризм. Последнее хотя впоследствии переходит в проституцию, но вначале резко от него отличается положением гетер, как женщин свободных, в отличие от несвободных матерей рода и домохозяек. Там, где недостаточно развит гетеризм, мы встречаем необычайные успехи любовной романтики и сентиментализма, достигающих до размеров настоящего любовного помешательства. В крайнем случае дело также кончается либо монастырем, либо духовно-рыцарским орденом. Младшие члены семьи, оставшиеся без наследства, обыкновенно тоже посвящали себя духовному званию (Ср. мое «Государство», ч. 1, с. 158–159).

Перечисленные обстоятельства определяют собой в такой же степени процесс вытеснения, как и возможной сублимации. Там, где вытеснение происходит наиболее бессознательно и грубо, как это мы видели на судьбе дворянской «порядочной» женщины, в результате является необходимое обращение к тому типу сексуально-мистической эротики, которая находит себе приют в религии. В некоторых случаях (духовно-рыцарские ордена) и мужчины следуют тому же примеру, хотя здесь не без помощи гомосексуализма (тамплиеры). Но в общем и целом громадная наличность излишней энергии получает возможность перенесения и сублимации при помощи любовной романтики и безмерной идеализации военного дела. Последнее превращает организацию дворянской конницы в рыцарское братство, представляющее собой нечто вроде светского мужского союза с его особыми нравами, обычаями, военно-романтическими связями, культом героев и вассальной верностью. Подобного рода организация встречается не только у арабского дворянства или сарацин, но в такой же степени у западно- и восточно-европейского, у японского и у полинезийского с его орденом ареоиев. Характерно, что это развитие сопровождается в такой же мере развитием гетеризма, при чем у европейцев и японцев гетеры образовали особые корпорации (у японцев — гейши), а у ареоиев вошли в состав самого

ордена, откуда они исключались в случае, если становились матерями и сохраняли детей.

Приведенными выше данными также целиком объясняется и то обстоятельство, что в среде землевладельческого дворянства, в полном соответствии материальным условиям жизни, общественный быт регулируется обычаем и традицией, достигающими необычайной суровости, патриархальным авторитетом распорядителя поземельного фонда, крепким родовым надзором, моралью рыцарского героизма и эстетикой любовного идеализма. И на этом фоне идеализированного кулака, с одной стороны, вырастает особый вид сословной дворянской культуры с ее поэзией, музыкой, героической сагой, менестрелями и трубадурами, а с другой — фауст-рехт, который непосредственно идеализирует голое насилие в качестве величайшей доблести и через нее сливает право и силу. На той же материальной основе вырастает и церемониальная и обрядовая театральность, которая выражается не только в процессуальной, рыцарской и боевой форме, но и создает целые кодексы герольдии, куртуазии, галантности, а вместе с тем порядочности и чести. Вся эта надстройка далее совершенно естественно распространяется на остальные классы общества, которые живут и действуют под властью дворянского землевладения, и мы получаем целые градации благородных и неблагородных сословий и профессий (неблагородных и презренных кузнецов, кожевников, мясников и палачей в отличие от благородных цирюльников, конюхов, оруженосцев и т.п.) и особый «способ представления», «метод восприятия» или «эфир», при помощи которого сословное общество чувствует, мыслит и действует.

Спрашивается теперь: в какой мере возможно распространить полученное развитие детски-отеческой и братской либидинозности вообще на человеческое общество? Ответ теперь совершенно ясен: *лишь в той мере, поскольку такому расцвету соответственных влечений, их символике и порождаемым ими связям благоприятствует экономическая «ананке» и производством обусловленная необходимость.* Относительно средней Европы и в известной степени Англии поэтому не так неправы Федерн, Кольнаи и другие социологи фрейдизма, когда они в этих странах с сохранившимися фидеикомиссами, майоратами, рыцарскими имениями, лордами и равнородными титулованными фамилиями будут искать известное развитие, уцелевшее до сей поры патриархально-рыцарской идеологии и соответственной психологии. Они будут правы и относительно тех крестьянских масс, которые, несмотря на все успехи капиталистической культуры, до сих пор укрываются в нормы полунатурального хозяйства и полуродового быта. Но те же писатели совершают недопустимую ошибку, когда они желают найти в современной буржуазии и пролетариате те же формы превращения либидо, которые мы находим среди запоздавших обломков родового быта. Здесь в лучшем случае, по словам Кельсена, связь с «вождем» заменяется связью с «идеей», преобладает не бессознательная или предсознательная, но самая настоящая сознательная психика.

Как мы можем теперь видеть из всего вышесказанного, теория Фрейда может дать и в социологии некоторые благотворные результаты. Она бросает яркий свет на некоторые загадочные явления общественной жизни. *Но, во-первых, она должна значительно развить и дополнить свое учение о предсознательной системе нашей психики, а во-вторых, ее исследования могут быть лишь тогда поставлены на научную основу, когда они ближе подойдут к той «реальности», которая пока существует у многих из фрейдистов и Фрейда лишь в весьма туманном и абстрактном отдалении.*

***Печать и революция, 1925,
№ 3, с. 54–69; № 4, с. 88–100;
№ 5–6, с. 135–150***

Фрейдизм и буржуазная идеология

М. А. Рейснер

I

Как известно, в настоящее время учение Фрейда — фрейдизм — получило широкое распространение и вызывает к себе громадный интерес. Многие ожидают от него чуть ли не обновления мира. Такое отношение к фрейдовскому учению есть полная противоположность тому, что мы могли наблюдать во время первых вступлений Фрейда в конце 90-х годов минувшего века. Тогда, наоборот, Фрейд встречал не признание, а грубые нападки и, в лучшем случае, молчаливый бойкот. Получивший ныне такую — можно без преувеличения сказать — мировую известность ученый, ставший чуть ли не апостолом нового евангелия, подвергался тогда гонению и издевательствам и в полном одиночестве готовил свои первые открытия в области психоанализа. Такая резкая перемена в отношении так называемого „общества« к Фрейду есть факт громадного значения. Он показывает, что, во-первых, само европейское общество за последние двадцать лет пережило глубокие изменения в своих воззрениях, а во-вторых, что учение Фрейда претерпело необходимое воздействие окружающей среды и видоизменилось не только в отношении своего влияния, но и в самой своей сущности. Ибо торжество Фрейда доказывает не только победу его научной теории в общем развитии науки. Оно есть также признак известного слияния его учения с идеологией буржуазного общества, что необходимо включает в научную доктрину известные идеологические и классовые принципы.

Мы не останавливаемся здесь специально на наложении учения Фрейда. В предлагаемой книге Фрица Виттельса основные пункты этого учения намечены достаточно полно. Для интересующихся в настоящее время имеется на русском языке целая „психологическая и психоаналитическая библиотека«, изданная Государственным Издательством под редакцией проф. И. Д. Ермакова, куда включены не только важнейшие произведения Фрейда и его ближайших последователей, но также некоторых „диссидентов« или даже „ересиархов« психоанализа вроде Адлера и Юнга. Отметим, кстати, что и Виттельс принадлежит к тем ученикам Фрейда, которые отошли от своего учителя и заняли по отношению к нему более или менее критическую позицию. Нам важно выяснить здесь не столько научную, сколько *социально-идеологическую сторону учения Фрейда*. Она представляет для нас тем больший интерес, что, будучи некоторым поворотом буржуазной идеологии в новую, любопытную сторону, эта теория в то же время включает в себе слишком много крупных научных открытий, чтобы мимо нее могла пройти без внимания наша новая наука, которая стоит на основе строгого монизма и материализма. И если пролетариат, в лице своих научных представителей, сумел не раз использовать даже философско-идеалистов в целях получения новых данных для своего

материалистического мировоззрения, то тем более серьезно должны мы отнестись к фрейдизму, глубоко ценные научные истины которого одобрены в настоящее время идеологией европейского „заката«.

Остановимся, прежде всего, на том времени, когда Фрейд выступил со своими основоположениями и оказался, как мы уже видели, в „блестящем одиночестве«. Это было время, когда он с большой наивностью впервые сделал доклад в Венском Обществе врачей-специалистов по вопросу о практическом значении сексуального момента. Тогда молодого ученого сразу же окружили пустота и зловещая тишина. Он почувствовал себя человеком, который, по выражению поэта, „нарушил покой мира«. И хотя он нашел в себе готовность подвергнуться общей участи непризнанных основателей научных теорий, все же не совсем легко далась ему эта жизнь „Робинзона на необитаемом острове«, уверенного в том, что „при его жизни наука не обратит никакого внимания на него, и, может быть, лишь несколько десятилетий спустя кто-либо другой неизбежно натолкнется на те же самые, пока еще несвоевременные явления, добьется их признания и, таким образом, воздаст ему честь, как предшественнику, по необходимости потерпевшему неудачу«. Как сообщает сам Фрейд в своем „Очерке истории психоанализа« („Психологическая и психоаналитическая библиотека«, выпуск 3-й. „Основные психологические теории в психоанализе«, 1923 г.), его спасло от озлобления лишь то обстоятельство, что как раз его теория прекрасно объясняла эту необходимость гонений со стороны здоровых, каковую он не раз обнаруживал в ожесточенном „сопротивлении« больных их излечению. „Сопротивление« здоровых привело, однако, к тому, что „Толкование сновидений« было готово в существенных частях еще в начале 1896 г., а напечатано только летом 1899 г.; „История лечения Доры« была закончена еще в конце 1899 г., а опубликована только в 1905 г. Общее же отношение к нему в кругу врачей было „отрицательным, проникнутым чувством презрения, сострадания или превосходства«; о нем обыкновенно отзывались, что он „слишком мудрит, впадает в крайности, рассуждает очень странно«. Так обстояло дело до 1907 г.

Подобное отношение к теории Фрейда, как это подтверждает и Джонс („Терапия неврозов«, 20-й вып. упомянутой библиотеки), было совершенно естественным вследствие самого содержания фрейдовских открытий. С одной стороны, *Фрейд сокрушал предрассудок о разумной, сознательной и рациональной деятельности своих современников, в другой — он вскрывал глубоко затаенные психические процессы, связанные с сексуальностью и особенно с сексуальностью детской или инфантильной.* Для того, чтобы понять значение учения Фрейда для буржуазной идеологии, надо представить себе основное содержание тех предрассудков, которые царили прежде, а в значительной степени господствуют и сейчас в классовом обществе, основанном на товарно-капиталистическом производстве. Эти предрассудки возникли с момента появления торгового капитала, сопровождали собой все развитие частного капитализма и дали обширную надстройку морального и правового характера. Это — то воззрение, которое

было блестяще выражено идеологами буржуазии еще в XVII и XVIII веках и практически удержалось, несмотря на громадные успехи естествознания, до последнего времени. Это — воззрение на общество как на соединение разумных индивидов, сознательно познающих закон природы и рационально организующих свое поведение, облакая его в безошибочные и строго разумные формы. Несмотря на учения таких мыслителей как Ляйэлль, Дарвин, Спенсер и другие столпы естествознания, буржуазное общество до сих пор практически держится за призраки разумной и сознательной личности, направляющей все силы рациональной воли на удовлетворение материальных интересов особи, на достижение этим путем „величайшего счастья наибольшего количества людей«. Именно такая личность, под влиянием природных потребностей вступает в борьбу со всеми другими личностями и посредством осуществления своих эгоистических стремлений накапливает богатства, создает хозяйственный подъем, содействует счастью человечества и становится творцом нравственного, гуманного и цивилизованного общения, идущего по пути непрерывного прогресса. Именно такой человек заключает сделки на бирже, обнаруживает свою волю в правовом акте, передает „культуру« дикарям и, в случае совершения проступка или преступления, несет личную ответственность перед общественным судом.

Одним из ярких признаков разложения буржуазного общества является тот факт, что целый ряд ученых выступил с теорией бессознательного поведения людей. Этим был нанесен тяжелый удар великому самообольщению разумного, сознательного и рационально действующего индивида. Царственный «дух» или не менее державная «идея» должны были не только уступить место какому-то иному — даже материальному — процессу, но и обнажить свои собственные устои перед лицом стихийной бессознательности, темного инстинкта, невежества, массового внушения и стремления к подражанию.

Этим путем и пошел ряд социологов и психологов; их спасение заключалось в том, что по существу никто из них не дал твердого научного анализа подсознательной или бессознательной жизни человека, а потому, в конце концов, им удался весьма любопытный маневр: бессознательное как бы нашло живое воплощение в «толпе» или «массе». Эта масса», в свою очередь, очень скоро была отождествлена с так называемыми «низшими» классами, чернью и подонками общества, с которыми незаметно сливался и «наш добрый народ» в образе «святой сволочи» (*la sainte canaille*). Особенно хорошо удался этот маневр Лебону, который в «психологии социализма» изобразил торжество такой бессознательной массовой души, заключенной в скопище бандитов и убийц. В результате произошло необходимое расслоение. И если разумный человек оказался упраздненным, как универсальная категория общественного человека, и уступил место некоторому «бессознанию», то это произошло путем надлежащего перемещения, с одной стороны, разума, а с другой — бессознания или темного инстинкта: разум оказался наверху, там, где действует буржуазия,

бессознание же переселилось вниз, туда, где живет и работает трудящийся и пролетарий.

Последующим этапом в деле отказа от прежней идеологии явился переход буржуазии к более или менее полному признанию господства бессознательного начала в частной и общественной жизни человека. Этим, накануне империалистической войны и революционных потрясений, буржуазный «разум» как бы слагал с себя всякую ответственность за события и уходил в глубину какой-то особой психической тайны. Появился целый ряд социологов и психологов, которые провозгласили главенство бессознательного не только по отношению к массовому человеку низов, но и человеку вообще, в том числе и человеку буржуазии. Яркими примерами здесь могут служить теории Джемса и, в последнее время, Макдугалла. Казалось бы, подобный переход должен был привести непосредственно к материальным предпосылкам такого бессознательного психологизма, и, следовательно, с одной стороны, через физиологию и биологию, а с другой — через экономику, необходимо должен был утвердить материалистический монизм. Но на такой шаг буржуазная мысль не могла решиться. Она ушла целиком в исследование «психического». И последним пределом, которого она достигла в этом направлении, был психоанализ Фрейда. Буржуазное общество долго сопротивлялось, прежде чем приняло его теорию. Но события последнего времени принудили общественную мысль сделать этот шаг, и не только сделать его, но и закрепить, как последний этап и, вместе с тем, как некоторый оплот против угрожающего со всех сторон «воинствующего материализма».

Еще за семь лет до империалистической войны к Фрейду примкнули отдельные ученики и приверженцы. Это было лишь начало громадного движения. Не столько при помощи венских научных и общественных кругов, сколько при содействии Швейцарии и других стран создается неуклонно растущее влияние Фрейда в области научной мысли. Вместе с тем, выплывает и другая черта, которая, по свидетельству самого Фрейда, была отмечена одним из его врагов. Как рассказывает об этом Фрейд, один врач, прослушав курс его лекций, «сравнил его научную систему, как он ее понял, по твердости ее внутреннего остова, с католической церковью». Мы думаем, что этот врач довольно верно определил эмоциональный состав, пронизывающий этот научный остов. Психоанализ, основанный на узах симпатии между врачом и пациентом, не в меньшей степени обладает «симпатическим» привкусом и для объединяемых им последователей и учеников. Сексуальность, как особое и напряженное внимание в сторону эротике, несомненно отразилась известным образом и на самих (?) аналитиках. А так как сексуальность есть ближайшая основа мистицизма и церковности, то и научная школа Фрейда, поскольку она стала идеологическим фактором для гибнущей буржуазии, приобрела, благодаря своему тяготению к эротике, некоторые черты подлинной церковности. Недаром Виттельс описывает в предлагаемой книге переход научного психоанализа к философской «метапсихологии», смену врачей, клиницистов

и физиологов различными философами и превращение общества психоаналитиков в подлинную церковь.

Вот что говорит по этому поводу Виттельс: «Члены психоаналитического кружка занимаются слишком много метапсихологией и при этом, как и можно было опасаться, сбиваются на путь схоластики. Обычный естествовед лишь с трудом может следовать за ними. В конце концов их труд в большинстве случаев вознаграждается плохо. Фрейд возводится в полубога или даже в целого бога. Его слова не подлежат критике. У Задгера мы читаем, что «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie» — библия психоаналитиков. Это гораздо более, чем оборот речи. Я заметил, что ученики Фрейда, по мере возможности, взаимно аннулируют свои работы. Они признают только Фрейда, мало читают и почти никогда не цитируют друг друга. Более всех цитирует их сам Фрейд. Все хотят быть вблизи Фрейда. Медицинский элемент отошел на задний план. Доминируют философы». Если прибавить к этому, что в Америке и англосаксонских странах учение Фрейда породило настоящую массовую эпидемию — «фрейдоманию» (Freud-craze), то мы поймем, что *научная теория Фрейда целиком приобрела идеологические формы* и послужила фундаментом, на котором воздвигается новая церковь.

II

Перерождение теории Фрейда в своего рода спасительное учение новой церкви, конечно, нисколько не препятствует нам, во-первых, выяснить его подлинные материалистические корни, следовательно, и его научные основания, и, во-вторых, после отделения идеологической примеси использовать все ценное, что дает фрейдизм для материалистического учения об обществе, выдвинутого современной теорией исторического материализма. В одном отношении идеологическое извращение теории Фрейда нам служит на пользу: оно чрезвычайно ясно показывает ту линию, по которой шло превращение научной теории в идеологическое учение буржуазии. Стоит лишь уяснить себе, чего именно добивалась буржуазия, соглашаясь на признание, фрейдовской теории и стремясь к ее идеологическому использованию.

Для этого нужно только представить себе положение буржуазного общества в течение последних десятилетий. Все прежние ценности оказались негодными. Нужно было перейти к какому-то новому мировоззрению. Вместе с тем, учитывая современное состояние знания и просвещения, необходимо было найти исходную точку в каком-нибудь научном или наукообразном положении. К подобному фундаменту предъявляются два особых требования: он должен быть возведен на социальном базисе, а с другой стороны, он ни в каком случае не должен совпадать с тем пагубным материалистическим учением, какое использовано большевиками для грубого переворота и сокрушения всех пресловутых культурных ценностей,

начиная с частной собственности и кончая либеральной и гуманитарной моралью. Следовательно, буржуазии понадобился идеализм, построенный на реальной почве социальных условий, проникнутый научностью, то есть строгим позитивизмом, вытекающий из научного эксперимента, но, вместе с тем, такой, который обошел бы подводные камни классовой борьбы и ненависти и слил человечество в одно единое целое, проникнутое всеобщим началом. Более того, подобная теория должна случить подкреплением для мечты, которая не раз провозглашалась либерально мыслящими материалистами: это — то царство любви, солидарности и единения, которое составляет буржуазный привесок у Фейербаха, сияет в качестве идеала промышленного общества у Спенсера и сулит всеобщее блаженство рая социократии Уорда. Такие требования сразу предопределяют судьбы фрейдизма. Ему должны быть присущи, во-первых, *строго научные и материальные основы* и, во-вторых, *идеалистическая надстройка*. Определить линию, разделяющую эти две друг другу противоречащие части, не составляет особенного труда.

Учение Фрейда исходит из разделения психической жизни на бессознательную и сознательную. Здесь никаких споров нет; это деление еще со времен Бернгейма и Льебо составляет прочное завоевание науки. Современная рефлексология на своем опыте вполне подтверждает такое положение. В своей характеристике бессознательного Фрейд сделал ряд открытий. Для нас наиболее важным является его утверждение, что деление на бессознание и сознание есть результат процесса развития, происходящего во времени, исторически и протекающего с самого начала под давлением внешней среды. Этот процесс дает нам две основные формы: развитие отдельного человека и историческое развитие человечества. Ребенок сначала определяет свое отношение к миру исключительно или преимущественно при помощи бессознания, посредством чувства «приятного» и «неприятного». В своем паразитарном существовании дитя может всецело руководствоваться раздражениями поверхности своего тела, в частности, слизистых оболочек («эрогенные зоны» области рта и выводящих путей), вызывающих в нем «сексуальное чувство» удовольствия и неудовольствия, которое, в свою очередь, тесно связано с инстинктом самосохранения и материальными условиями существования. Другими словами, ребенок, являясь как бы паразитом на теле взрослого, как «хозяина» (по выражению биологов), не вырабатывает еще самостоятельного и сложного аппарата приспособления, а пользуется самыми примитивными средствами сексуальной связи для обеспечения своего существования. И действительно, как мы знаем из наблюдений на детоубийстве среди дикарей, оно никогда не происходит после того, как ребенок приложен к груди, то есть после того, как установлена сексуальная связь между матерью и младенцем в акте сосания, который одновременно представляет собой акт питания и, вместе с тем, явление сексуального раздражения. Ясно, что здесь теория Фрейда несколько не противоречит фактам, и еще задолго до австрийского ученого

русский физиолог Сеченов говорил о «страстном мышлении» ребенка, как важнейшем аппарате его внешнего приспособления.

Заслуга Фрейда в том, что он сумел ближе сопоставить эротику ребенка с первобытным отношением к миру со стороны дикаря. Правда, здесь Фрейд далеко не одинок, так как учение о сходстве развития ребенка и первобытного человечества подкреплялось и до него с разных сторон и в разных отношениях. Прежде всего биологам прекрасно известен тот факт, что развитие отдельной особи (онтогенез) лишь повторяет историческое развитие рода (филогенез). В области психологии, и в частности детской психологии, американские бихевиористы также не раз проводили параллель между периодами развития ребенка и предполагаемыми эпохами развития первобытного общества (Болдуин). Новое, что внес сюда Фрейд, это установление сходства или, вернее, тождества того психического аппарата, при помощи которого приспособляется к внешнему миру как ребенок так и дикарь. А именно, как утверждает Фрейд, сексуальность есть тот основной аппарат приспособления к миру, который свойствен первобытному человеку, и лишь воскрешается в жизни ребенка в его, так сказать, дикарскую пору. Но так как ребенок повторяет в своем развитии только опыт первобытного человечества, то относительно древнейшей истории человеческого рода мы получаем следующие два положения. Во-первых, по содержанию, ребенок онтогенетически переживает коллективный опыт первобытного общества, а, во-вторых, по форме этот опыт основывается на аппарате так называемого сексуального отношения к миру, построенного на принципе приятного и неприятного.

Такого рода положения чрезвычайно важны. И хотя, само собой разумеется, мы нигде и никогда не найдем первобытного человека или дикаря, который исчерпывал бы все свое приспособление к миру работой половых желез и раздражением эрогенных зон, а с другой стороны, даже самое малое дитя с первых дней существования вырабатывает и другие способы отношения к миру, открытие Фрейда дает нам очень много. Во-первых, оно окончательно решает вопрос о роли индивида и бессознания. Опыт последнего — отнюдь не опыт личный или индивидуальный, но целиком общественный и коллективный. Следовательно, в глубочайшей основе психического аппарата, с которым человек начинает свою жизнь, заложены *социально выработанные инстинкты и навыки, бесповоротно связывающие особь с родом и превращающие ее с первых дней в своеобразное произведение коллективного опыта всех предшествующих поколений*. Древнее положение Аристотеля о том, что «человек есть животное общественное (политическое)», получило твердое и неоспоримое подтверждение. Живет прежде всего коллектив, а не особь, и, поскольку, психология есть наука о деятельности отдельного и живого нервно-мозгового аппарата, постольку же она есть система знаний, которая исходит из коллективного содействия этой деятельности. Индивидуалистическое положение, которое гласит: «вначале был человек», сменяется раз и навсегда другой истиной: *«вначале было общество»*. В данном пункте, однако, буржуазная идеология отнюдь не усматривает камня

преткновения. И, как показывает учение Дюркгейма, такой исходный пункт отнюдь не мешает последующему нагромождению идеалистических теорий. Ведь договорился же Дюркгейм до подлинного обожествления общества, а коллектив, тем самым, получил все признаки мистического бога.

Как мы видели выше, Фрейд определил не только содержание детского опыта. Он остановился на строгом анализе самих способов того отношения к миру, которые свойственны как ребенку, так и дикарю. Нужно заметить, что здесь он затронул область вопросов, глубоко волнующих научную мысль. Целый ряд ученых ставил вопрос о своеобразных чертах того «способа представления», который характеризует собой именно общество дикарей. Этим вопросом занимался прежде всего Вундт в своих обширных исследованиях по истории мифа, причем он пришел к признанию совершенно своеобразного, как он его назвал, «мифологического мышления». В связи с этим, тот же ученый посвятил много труда изучению фантазии, но, в конце концов, не мог прийти к сколько-нибудь определенным результатам. Значительно счастливее его оказался Леви-Брюль, который в своих исследованиях о формах мышления дикарей пришел к весьма любопытным выводам. Можно сказать, что он почти исчерпывающе установил все признаки этого мышления, поскольку они обнаруживаются не только во всевозможных мифах, но и в первобытном коммунизме с его тесной взаимной связью (*participation*). Леви-Брюль определил, в частности, это мышление как «мистическое». Одновременно с этим ученым и автор настоящих строк пришел в своих первых опытах (1908–1911 гг.) к различению особых «методов восприятия», которые свойственны различным общественным классам на почве их материального, и, в частности, производственного положения, причем, подобно Брюлю, и здесь для обозначения первичной формы отношения к миру был избран термин «мистическое». Социологический подход не мог дать, однако, решающих результатов за отсутствием соответственного психологического и психопатологического обоснования. Его наметила уже школа гипнологов, во главе с Шарко, подвергнувшая точному изучению бессознание, или подсознание, а Фрейд осветил эти вопросы при помощи своего учения о сексуальности и «сексуальном мышлении».

Нет никакого сомнения, что в одном отношении Фрейд отодвинул назад учение о бессознательном. Он значительно сузил это понятие. И сделал он это вопреки многочисленным фактам. Как известно, он, особенно вначале, целиком отождествлял бессознание с сексуальностью, как будто не существует никакого бессознания вне сексуальности. Это — несомненная ошибка, так как сексуальностью не исчерпывается ни аппарат дикаря, ни аппарат ребенка, а с другой стороны, под порогом сознания мы находим настоящий океан данных многостороннего опыта, которые отнюдь не являются порождением сексуальных влечений. Эту ошибку Фрейд исправил тем, что он установил, так сказать, два этажа под порогом сознания, а именно — отделил бессознание в тесном смысле от особой сферы предсознания, которое оказалось уже несравненно шире, нежели сексуальное бессознание,

и включило в себя даже бывшие в сознании представления. Но здесь мы должны отметить одно обстоятельство: обращение к сексуальности для объяснения бессознания в одном отношении, несмотря на всю свою ничем не оправдываемую крайность, оказалось истинным благодеянием для науки. Так как область сексуальных влечений представляет собой величайший запас живой энергии, громадной силы влечений, бурных эмоций и совершенно порабощенных их сгустками (комплексами) представлений, то Фрейд удалось дать почти исчерпывающий образ *детско-дикарского мышления*, как такой его формы, где *отражения действительности до неузнаваемости искажены нервно-мозговыми процессами, рожденными в половой сфере*. В этих процессах, искаженных влечениями и эмоциями личности, мир отражается в невероятных и чудовищных образах. Такое мышление, с исключением из него специально сексуального момента, Блейлер назвал «аутистическим».

Открытие дикарско-детского мышления, как преимущественно сексуального образа представлений, в особенности не может быть обойдено учением исторического материализма. Как известно, в этом последнем давно уже установлен факт «идеологического мышления, как мышления неверного», которое является нередко обратным отражением предмета, а иногда даже преломлением его в двух и трех степенях. Экономические и производственные причины такого метода социального сознания были безошибочно установлены еще Марксом и Энгельсом. Но до последнего момента от нас был скрыт тот нервно-мозговой аппарат и тот психический процесс, которые непосредственно дают подобные преломления лучей общественного сознания. Фрейд в этой области дал очень много. Он показал необходимость мышления, происходящего через призму сексуальности при известных реальных и фактических предпосылках. Он, можно сказать, исчерпывающе проанализировал этот аппарат, и всякий марксист, при рассмотрении чудовищных идеологий отдельного класса или эпохи, прекрасно учитывает, что там, где имеется познание при помощи приятного и неприятного, полное пренебрежение действительностью, концентрация определенных эмоций на совершенно несоответственном предмете, перенесение влечений с одного объекта на другой, нелепейшие подстановки и, наконец, первобытный идеализм, опирающийся на веру в силу мысли — там работает сексуальный аппарат, который в той или иной степени искажает или извращает действительное познание мира. *Детско-дикарское мышление есть мышление идеологическое, построенное при помощи сексуальности*.

III

Много дает нам Фрейд и в своем учении об отношении между сознанием и бессознанием. Это отношение он опять-таки строит на общественно-материальном обосновании. И первобытный человек, и ребенок здесь тоже подвержены более или менее одинаковой судьбе. Дикарь, по мере развития экономических условий, все в большей степени подчиняется тяжкому

влиянию внешнего мира. Естественная и общественная среда предъявляют все более суровые требования к борьбе за существование. От простого собирания плодов и удовлетворения весьма несложных потребностей человеку приходится переходить ко все более сложным способам приспособления и, наконец, к такому методу воздействия на окружающее, как труд. Под влиянием давящей «необходимости» человек в целях самосохранения вынужден отказаться от «сексуального мышления» и перейти к серьезному, чуткому познанию внешнего мира, каков он есть. Но такой процесс совершается не легко. Напротив того, в нервно-мозговом аппарате он вызывает настоящую катастрофу. Реальный мир со своими страшными угрозами прямо-таки выдавливает или вытесняет первобытный аппарат сексуального отношения к миру. В психике происходит отнюдь не органическое наложение сознания над бессознанием. А грубое вытеснение второго первым, причем наблюдается некоторое расщепление нервно-мозговой системы: сексуальность с ее примитивным животным основанием и дикарским опытом вытесняется в те сферы, которые наиболее удалены от бодрствующей активной жизни борца и работника, в то время как вновь образованный аппарат сознания, опирающегося на реальность, захватывает всю область пассивного и активного приспособления. *Борьба сознания против бессознания целиком зиждется на внешнем мире и его непрерывном опыте, и по мере того, как человек втягивается все больше и больше в борьбу за жизнь, суживается и ограничивается сфера сексуального влечения и его надстроек.*

По существу такое распределение двух сфер, бессознательной и сознательной, сильно напоминает философию Бергсона, знакомства с которой вряд ли избежал Фрейд во время своей работы сначала у Шарко, а затем в стенах Нансийской школы. Ведь и у Бергсона мистическое творчество, проникнутое интуицией и симпатией, отличается от деятельности разума именно потому, что первое дает непосредственное общение с миром, тогда как разум целиком определяется давлением внешней среды и борьбой за существование. Но между Фрейдом и Бергсоном — большая разница. У основателя психоанализа бессознание, благодаря своей сексуально-физиологической природе, совершенно лишено мистического характера. Напротив, у него мистика разоблачается при помощи сексуальности. С другой стороны, Фрейд расходится с Бергсоном и в том отношении, что у него не только побеждает сознание, как единственная высшая форма приспособления, но между сознанием и бессознанием возникает острый конфликт, в котором побеждает именно сознание, господствующее над миражом и призраками бессознания. Только конфликтом сознания, опирающегося на реальность, с бессознанием, работающим при помощи приятного, можно объяснить и то явление, которое Фрейд обозначает термином «цензура», то есть наличность таких тормозящих и вытесняющих сил, которые, во имя самосохранения человека, отбрасывают сексуальные влечения и весь их аппарат в область забвения и совершенно устраниают их из поля сознания.

Если стоять на точке зрения фрейдовского понимания психического процесса как отражения истории человеческого общества, то нельзя не отметить здесь *социального значения вытеснения*. Оно несомненно знаменует собою многочисленные конфликты в истории человечества, свидетельствуя о высших формах борьбы за существование и о процессе идеологической перестройки, которым завершилась эта борьба. И если экономический процесс развивается органически и стихийно, то, как мы знаем из учения Маркса, как раз идеологии, сменяя друг друга во время крупных катастроф, в буквальном смысле слова «вытесняют одна другую». Поэтому, когда Фрейд говорит о вытеснении, при помощи которого сознание, под влиянием материального мира, выбросило сексуальность из ее руководящих позиций и подвергло ее жестокой и нетерпимой цензуре, то этот процесс находит себе полную аналогию в том, как определенный метод социального мышления, вместе с изменением классового господства и производственных форм, разбивает и ставит под жесткие запреты ранее господствовавшие идеологические системы. Между человеком и обществом устанавливается еще новая аналогия: подобно тому, как наука и техника буржуазии вытесняют феодальную романтику и первобытный мистицизм, принцип реальности и сознательной организации становится на место эмоционального отражения мира, воспринятого через призму полового влечения. Было бы чрезвычайно интересно знать, в какой степени бессознательно воспринятые Фрейдом социальные конфликты современности отразились на его теории борьбы сознания с бессознанием и вытеснения последнего.

Во всяком случае, она весьма мало предопределила собой последующие выводы Фрейда. Его учение о результатах вытеснения является, пожалуй, поворотным моментом в том сходе с социальных, а пожалуй, и материалистических рельсов, который сделал Фрейда пророком буржуазного общества. Такое особенное и поворотное значение имеет его *учение о «симптомах» и сублимации*. Остановимся на этом моменте несколько дольше. Согласно учению Фрейда, вытесненный и отщепленный состав бессознания не исчезает, а остается в скрытом состоянии до наступления благоприятных условий — ослабления или временного прекращения цензуры. Изживается он весьма редко. Лучшим способом ликвидации такого скрытого бессознательного состояния является, в конце концов, проведение его через сознание, то есть лишение его свойств «скрытого» и «бессознательного». На этом зиждется в сущности и лечебная практика психоаналитиков и психотерапевтов, которые путем продолжительной и настойчивой работы вызывают доверие к себе со стороны пациента, возбуждают и организуют его самостоятельность и, на основании анализа свободных высказываний, сновидений и рассказов больного, постепенно вскрывают все более и более глубокие корни вытесненных бессознательных представлений. После того, как пациент действительно уяснит себе все содержание бессознательного процесса и ход его развития, *вытеснение ликвидируется, так как на место грубого и насильственного толчка или гнета становится ясно осознанное убеждение*. В подобном случае,

следовательно, на место механического отщепления бессознания с его наличным содержанием становится новое органическое слияние отщепленного состава со всем нервно-мозговым аппаратом особи и закрепление этого единства в деятельности высших мозговых центров нашего сознания. Если искать этому процессу аналогию в общественной жизни, то можно бы сказать, что здесь место террора и деспотического угнетения занимает разумная социальная политика, которая обращается непосредственно к самодеятельности самих граждан и находит опору в их рационально-осознанных интересах.

Вторым способом устранения бессознательных влечений является тот процесс, который проделывают они, так сказать, обходным путем. Во-первых, они могут *«сублимироваться»*. Это значит, что благодаря большой пластичности сексуальных влечений и при помощи работы нашего сознания, созданного обществом и работающего под его непрерывным давлением, такие влечения меняют свои цели, переходят на иные объекты, присоединяются к различным общественным влечениям и, таким образом, поднимаются на сравнительно более высокую ступень. В этом смысле бессознание и заключенная в нем сексуальность становятся первоначальным источником различных творческих проявлений человеческой деятельности. Они образуют основу напряженного искания и активности. Результатом чего являются изобретения. Они переходят в область этики и снабжают питательной энергией моральное чувство и подъем. Они устремляются на идеализацию окружающего, сливают сексуальное влечение с эстетическими формами и наделяют последние притягательной силой очарования. Наконец, они переносят сексуальную жажду и страсть в мир воображаемых отношений небесного отца и детей, потусторонних супругов и любовников, и дают жизнь отношениям мистической связи, религиозного восторга и любви. Во всех подобных случаях бессознание осуществляет заложенные в нем влечения путем известного перенесения своей силы на данные окружающей средой существа и предметы, до неузнаваемости перерабатывается в этих новых формах и лишь в редких случаях обнаруживает свою первичную природу. *Процесс сублимации есть, таким образом, процесс освобождения вытесненной энергии при помощи ее последовательного превращения и перехода в сознательные формы деятельности*, в результате чего получается известный компромисс между сознанием и бессознанием.

Второй обходной путь — это *процесс образования так называемых симптомов*, то есть болезненного и уродливого разрешения конфликта, когда вытесненные влечения устанавливают при помощи аппарата бессознания скрытую связь с совершенно случайными представлениями и целиком нарушают нормальную деятельность организма. Сами по себе эти представления и связанные с ними акты поведения ни в каком отношении не выходят из рамок дозволенного и обычного. С этой стороны они не заключают в себе никаких признаков, которые бы отличали их по существу от принятых и одобренных сознанием представлений и проступков, но благодаря скрытому в них содержанию приобретают нелепый характер. Во-

первых, они теряют рациональную связь с действительностью, дают преувеличенную или преуменьшенную реакцию на соответственные раздражения, переносят мир прошлого в настоящее, определяя этим прошлым свое поведение, обращают неудовлетворенное влечение в болезненных страх перед случайными предметами и обычными действиями, получают характер навязчивости, имеющий принудительную силу, и выражаются даже в заболевании различных органов нашего тела. Во-вторых, вытеснение влечения с приобретенным ими аппаратом представлений и поведения придают последнему особенную устойчивость, так как в такой уродливой и болезненной форме они все же получают удовлетворение и наслаждение. А отсюда рождается сила их «сопротивления», активно препятствующая всякой попытке разрешения этих «неврозов», «истерии», «фобии», «конверсионной истерии» или «невроза навязчивости» путем психоанализа и проведения их через сознание. Нечего говорить, что подобные формы реализации вытесненных влечений означают, с одной стороны, по своему содержанию, бессознательный возврат к давно пройденным типам сексуальности, к подлинному дикарству и варварству, а с другой — инвалидность и проистекающий отсюда паразитизм.

Если бы Фрейд стоял твердо на социальной точке зрения и действительно считал человека общественным существом, вся психика которого не только является реакцией на материальный мир, но и предопределена обществом, то здесь он должен был бы прийти к некоторым весьма любопытным выводам. Однако Фрейд непоследователен в своем социальном понимании человека. Он признает, что бессознание есть продукт коллективного опыта. Он утверждает, что вытеснение производится обществом, которое является олицетворением борьбы человека за существование, и следовательно, ведет жестокую борьбу с его сексуальными влечениями для того, чтобы направить по возможности все человеческие силы на борьбу с нуждой и на производительный труд. Само сознание оказывается коллективным продуктом как по форме, так и по содержанию. Казалось бы, следовательно, что и вся психика человека, вплоть до образования болезненных «симптомов», есть также одно из явлений социальной жизни. И действительно, Фрейд и его последователи именуют неврозы «социальными болезнями», порожденными непосредственно социальной средой и вызванным ею вытеснением. Ведь не надо забывать, что все воспитание ребенка и социальное воспитание взрослого, направленное к подавлению сексуальных влечений, есть акт общественной необходимости и самосохранения. Но вот тут-то мы и наталкиваемся на характерный поворот фрейдовской теории, о котором мы упомянули уже выше: в этом пункте и Фрейд, и его ученики определяют социальную болезнь весьма неожиданно и своеобразно.

Оказывается, прежде всего, что болезненные симптомы вытеснения являются *результатом не определенных общественных конфликтов, а непосредственного конфликта между обществом и личностью*. Эта последняя, подвергаясь, в силу известных внешних причин, грубому

вытеснению со стороны сексуальных влечений, претворяет бегство от жизни в болезнь и всевозможные неврозы и этим путем отстаивает возможность индивидуального наслаждения за счет общества и во вред ему, так как такой индивид, как мы видели выше, необходимо становится или просто паразитом, или иногда прямо опасным для окружающих субъектом. Таким образом удерживается самовлюбленное (нарцисстическое) детское Я, которое находит удовлетворение в образовании уродливых искажений социально организованной «сублимации». Такая личность, можно сказать, идет тоже путем своеобразной сублимации с тем различием, что «истерия представляет собой карикатуру на произведения искусства, невроз навязчивости — карикатуру на религию, параноический бред — карикатурное искажение философской системы». Подобное «отклонение в конечном результате объясняется тем, что неврозы представляют собой асоциальные образования; они питаются средствами индивида и выполняют то, что распространилось в обществе благодаря коллективной работе» (тотем и табу). Спрашивается теперь, какие же причины создают карикатуру в личности больного, в то время как те же самые процессы ведут к сублимации в обществе?

На это Фрейд отвечает следующим образом: «При анализе неврозов оказывается, что решающее влияние имеют здесь влечения сексуального происхождения, между тем, как соответствующие образования культуры заждутся на социальных влечениях, то есть таких, которые произошли от слияния эгоистических и эротических элементов. Сексуальная потребность не в состоянии таким же образом объединять людей, как требования, вытекающие из самосохранения; сексуальное удовлетворение есть прежде всего частное дело индивида. Генетически асоциальная природа невроза базируется на его первоначальном устремлении из неудовлетворения реальности в более приятный мир фантазии. В этом реальном мире, которого невротик избегает, господствуют общество людей и созданные ими институты; уход от реальности является одновременно и выходом из человеческого сообщества» (Фрейд, «Тотем и табу»). Или другими словами: насыщенная сексуальными влечениями природа бессознания, под влиянием общественного вытеснения, находит исход в призрачном мире обманчивой символики, вступает в резкое противоречие с реальным миром и обществом, дает в результате отщепление от социальной среды индивида, которое и приобретает антисоциальный характер. Таким образом, общество, в отличие от невротика, сохраняет свою незыблемость и единство, подчиняется. В противоположность карикатурам истерии или паранойи, нормальным образованиям сублимации и, благодаря господству принципа реальности, который, согласно учению Фрейда, присущ сознанию и действительным интересам человеческого Я, оказывается неизменно здоровым и прогрессивным.

Итак, в результате социального вытеснения получаются *чисто индивидуальный процесс*. «Общество» остается единым и неприкосновенным. Самый конфликт, который разыгрывается в психике антисоциального индивида, может быть легко выражен в противопоставлении прошлого настоящему, то

есть дикарства — культурной современности, причем антисоциальный индивид, обуреваемый первобытной сексуальностью, противится при помощи болезни благотворным мероприятиям идущего вперед общества и его необходимого приспособления. И вывод отсюда совершенно ясен. Такая «социальная болезнь», как явление индивидуальное, должна быть удалена при помощи столь же индивидуального процесса. На этом построена и вся психотерапия и психоаналитическая медицина. В качестве объекта берется индивидуальный больной, который вступает в общение с личностью врача. Между пациентом и медиком устанавливается так называемый «раппорт», то есть известная сексуально окрашенная связь, выражающаяся в том, что пациент переносит на своего целителя задержанные в бессознании сексуальные влечения. Весь процесс излечения носит затем строго индивидуальных характер: в течение месяцев работает психоаналитик над пациентом, чтобы преодолеть вытеснение при помощи раскрытия самого источника комплекса и провести через индивидуальное сознание больного все индивидуальные же явления его личного существования. Общество остается где-то в стороне, а люди, вскрывшие в своем учении глубочайшие корни общественной жизни. Удовлетворяются тем, что из массы людей, одержимых «социальными болезнями», подбирают ничтожные единицы, которые и вылечивают с большим трудом от невроза, и то без твердой гарантии его возвращения.

Уже одно сопоставление социально обоснованной теории с чисто индивидуалистическим лечением наводит на весьма грустные размышления. В самом лучшем случае, это означает, что гора родила мышь. Но подобный финал приводит и к одному совершенно неизбежному выводу: в вопросе о вытеснении и сублимации так же, как и в учении о неврозах, психоанализ методологически совершает какой-то великий грех, которого не могут искупить его блестящие достижения в толковании сексуальности и дикарско-детского способа представления. Каким образом невротик попал в индивидуальную категорию, в то время как ребенок и дикарь определенно представляют собой категории социальные? Или невроз есть столь редкое явление, что отдельных невротиков можно считать отклонениями от общего течения жизни?

IV

Вся суть в том, что, подобно ряду психологов и психопатологов, Фрейд оперирует с чрезвычайно общими понятиями, которые лишь путем известного прыжка через неизвестное достигают реального объекта исследования. Для Фрейда таким общим понятием был с самого начала индивид. Правда, при более глубоком исследовании вопроса (а он и начал именно с неврозов) Фрейд неизбежно и необходимо наткнулся на целый ряд социальных категорий. Надо сказать, что при современном состоянии науки было бы совершенно невозможно обойтись без такого социологического подхода. Отсюда такие общие категории, как общество, борьба за

существование, первоначальный родовой быт и отражение далекого прошлого в развитии от ребенка ко взрослому. При современных условиях не составляет труда установить и значение среды, экономической необходимости и роли сознания в борьбе общества за жизнь. Общим местом стало также подчинение единицы общественному целому и зависимость последнего от ступени культурного развития. Эти понятия до сих пор страдали, надо отдать справедливость, крупным дефектом: совершенно не был установлен эмоциональный, а, в частности, сексуальный момент общественной жизни в его различных выражениях и превращениях. Вливая в указанные общие понятия, которых Фрейд по существу никогда не подвергал самостоятельной критике, моменты сексуальности, этот мыслитель и его школа оказали крупные услуги человечеству. И если бы фрейдизм ограничился лишь исследованием первобытных и дикарских форм общественности в связи с отражением их в психологии детей и невротиков, то его научные приобретения были бы и без того достаточно велики.

Но Фрейд и его ученики пожелали большего. Исходя только из опыта своей клиники. Они решили поставить вопрос о вытеснении и сублимации в современном обществе, о социальной и антисоциальной природе невроза, даже об оценке современных общественных и политических движений вплоть до современных нам событий — мировой войны, революции и коммунистического движения. И в результате получилось нечто совершенно невероятное. Мы не будем здесь специально останавливаться на таких, с позволения сказать, «социологических» исследованиях, как работы Федерна и Кольнай. Они показывают слишком хорошо, куда может завести теория сексуальности, применяемая чисто идеалистически, без малейшего желания считаться с экономическим фактором и классовым расслоением. Эти и им подобные произведения можно охарактеризовать лишь одной фразой: нелепая и вздорная идеологическая выдумка. Но и там, где речь идет меньше всего о стряпне в угоду современной фашистской реакции или социал-демократическому соглашательству, мы находим те же печальные следы незнакомства или, вернее сказать, намеренного отказа от материалистической основы и строго научного социологического построения. Так обстоит дело и с вытеснением. С сублимацией и с неврозами. На всех этих понятиях жестоко отражается отсутствие той точки зрения, которая одна только могла бы дать действительно ценные результаты.

И в самом деле; остановимся прежде всего *на вытеснении, которое по Фрейду есть строго социальное явление.* «Общество, — говорит Фрейд, — вынуждено поставить себе в число своих самых главных задач в области воспитания — укротить, ограничить и подчинить индивидуальной воле, идентичной социальному велению, сексуальное влечение, когда оно впервые обнаруживается в виде стремления к продолжению рода. Интересы общества требуют также, чтобы его полное развитие было отодвинуто до тех пор, пока ребенок не достигнет известной степени интеллектуальной зрелости, потому что с полным удовлетворением сексуального влечения прекращается также

доступ влиянию воспитателя. В противном случае влечение прорвало бы все преграды и смело возведенное с таким трудом здание культуры. Задача укротить это влечение не так легка; она удастся то слишком плохо, то слишком хорошо. Основной мотив человеческого общества, в конечном результате, оказывается экономическим... оно должно ограничить число своих членов и отклонить их энергию от сексуальных переживаний в сторону труда» (Фрейд, «Лекции по психоанализу», т. II). Очевидно, что в данном случае сказывается влияние так называемого «общества». Оно берется вне времени и пространства, вне какой бы то и было классовой окраски. А между тем элементарные исторические факты должны были показать Фрейду, что вытеснение происходит в той или другой кастовой, сословной или классовой группе совершенно различными способами, что вытеснение среди мелкопомещанского или мелкокрестьянского была, связанное с узостью и ограниченностью жизни, а также со строгим наследованием мелкой собственности, совершенно иное, нежели где-нибудь в другом месте. Один пример ограничения числа рождений у парцеллярных крестьян Франции и Германии должен был бы показать ему, что здесь господствует своеобразный тип вытеснения, описанный не раз даже в художественной литературе. Вытеснение среди класса крупных землевладельцев и военного дворянства, исторически выдвигающее опять-таки совершенно иные формы — соединения тайных кровосмесительных отношений со строгим целомудрием девушки, хозяйственной ролью жены и матери и гетеризмом свободных женщин из низшего класса — должно было, в свою очередь, поставить вопрос о специально классовой форме вытеснения. Различные формы дает также вытеснение среди буржуазии и пролетариата со специфическими особенностями буржуазного брака и лишения пролетарием всякой нормальной семейной жизни. К этому надо еще прибавить широкое развитие продажной проституции, которой в такой форме не знало прежнее человечество. Мы не говорим уже здесь о вытеснении монашества и целибата, о священной проституции и т.д. Наконец, и это самое главное, вытеснение внутри класса есть результат другого, более могучего *вытеснения низших классов высшими*, которое либо открывает низшим классам свободный доступ к беспорядочному половому общению, какого не знали даже дикари, либо, наоборот, подчиняет их формам принудительного аскетизма, вплоть до самоизувечения на пользу класса хозяев и господ. Все эти вопросы фрейдизмом оставлены без всякого ответа.

Учение о сублимации страдает не меньшими дефектами. Основной момент общественной связи сведен или непосредственно к семейной сексуальности, или к процессу индивидуального перенесения самооблюбования на личность отца, а с него обратно на себя, в виде идеального Я, или, наконец, к олицетворению, при помощи сексуальной идеализации, какой-либо идеи. С этой точки зрения высшим завершением общественной организации является такое объединение общества в его едином высшем Я, какое мы находим у отдельного человека в результате победы принципа реальности над темным сексуальным бессознанием. Фрейд не может вырваться здесь из пределов

индивида и подняться до понимания общества, так как, говоря, с одной стороны, об экономической необходимости, он с другой, — ее совершенно игнорирует, а именно, при построении общественного Я, как сочетания Я индивидуальных. Единственное, что могло бы здесь помочь Фрейду, это признание решающего значения труда и трудового процесса в его внешнем активном выражении. Ибо как раз в этом пункте ритм человеческой жизни непосредственно сливается с ритмом окружающей среды и в ее такте, симметрии и гармонии находит реальный материал, оправдывающий и ниспровергающий чисто сексуальную идеализацию. На надо забывать, что реальность представляется человеку в двух видах: с одной стороны, это есть материальный процесс приспособления естественных сил природы к удовлетворению столь же материальных потребностей человека, но с другой — это есть самый процесс производства, приспособляющий материальный мир для человеческих нужд. И этот последний процесс сам по себе есть процесс оформленный и целесообразный, следовательно, обладающий эстетической ценностью независимо от вложенной в него сексуальной энергии. *Лишь в труде сексуальность теряет свои роковые свойства и превращается в творчество.*

Вот почему Фрейд не может вырваться из объятий обычной индивидуалистической идеологии и все время оперирует вместо общественных категорий с чисто индивидуалистическими. Вместилищем первобытного опыта у него оказывается бессознание, и оно, в конце концов, сосредоточивается в самообожании, или нарцизме, которое противопоставляет жадность сексуального паразита окружающему обществу. Из этого нарцизма совершенно естественно родилась школа Адлера с ее чисто индивидуалистической жаждой господства власти. Вот почему, когда Фрейд подошел затем к характеристике сознания и его реальных задач, он не мог не положить и здесь в основу всего некоторое эгоистическое Я, которое вполне отвечает построениям исконного буржуазного мировоззрения и поэтому не раз выдвигалось в трудах и Спинозы, и Гоббса, и Локка, и Бентама, и Бестиа. Где реальность, там эгоизм. Без эгоизма нет хозяйственной жизни и коммерческого расчета. Эгоизм — это сам разум, господствующий в сознании. Мы видели уже выше, что Я фигурирует даже в образе невротика, который представляет собой именно индивида, отщепленного от общества и противопоставленного ему. «Я» дикаря и ребенка, Я хозяйственника и взрослого человека, Я больного и отщепенца — все одно и то же Я, при посредстве которого создается и социальная связь с некоторым идеальным Я. *Не имея объективных ценностей, коренящихся в производственном процессе, и прежде всего в труде, Фрейд должен был, в конце концов, в буржуазно-идеологическом Я найти свою исходную точку.*

В результате мы получаем весьма любопытное сочетание. В распоряжении Фрейда остаются лишь две категории. Во-первых, он опирается на сексуальность в качестве принципа полумистического, полуметафизического характера. (Здесь берет свое начало школа Юнга). И, в самом деле, в своих последних «метапсихологических» сочинениях Фрейд ищет опоры для

сексуальности даже не в общественности, а выше или ниже — в общем мировом биологическом процессе, и в этом пункте он бесспорно соприкасается с шопенгауэровской «волей». Во-вторых, его приковывает к себе фетиш индивида или личности, пресловутого Я, которое в действительности и переживает переход от дикарского состояния через детство к Я современного дельца и промышленника с одной стороны и к Я жалкого невротика — с другой. Этот индивид есть несомненно явление временное и эмпирическое, жизнь которого в сущности означает лишь «стремление к смерти». Первоначальный фрейдовский монизм и материализм, таким образом, распадается на метапсихологических высотах на два диаметрально противоположных течения — стремление к жизни и стремление к смерти, которые уже определенно знаменуют собой *дуалистическую систему*. При таких условиях, свойственных буржуазному закату, пессимизм невольно окрашивает учение Фрейда, и вместо творческой сексуальности змий секса пожирает сам себя. Так, в конце концов, начало косности, постоянного возвращения и последней остановки ведет нас неизбежно к «принципу Нирваны» (*Jenseits des Lustprinzips*).

Учение Фрейда о сублимации, поскольку он описывает ее социальную форму, содержит также весьма любопытный пункт, где нельзя не заметить крупной непоследовательности. Это — *его учение о религии*. По существу, тот материал, которым он сам располагает, а также исследования его учеников приводят нас к весьма определенным выводам. Эти выводы можно формулировать как установление самого *несомненного и очевидного сходства между религией с одной стороны и явлениями невроза — с другой*. И здесь, и там мы одинаково встречаемся со скрытым осуществлением сексуальных влечений, которые, вместе с тем. Являются простым перенесением. Как здесь, так и там работает совершенно одинаковая система символики и совершенно одинаково обнаруживается «сексуальное» мышление. Результаты также совершенно одинаковы: получается не какая-либо художественная игра, а самая настоящая призрачная реальность, которая разрабатывается с полной серьезностью. Деятельность человека протекает здесь не под знаком «как будто», а настоящего «дела», осуществляемого в угоду вполне реальным божествам при помощи столь же реальной техники магического характера. Поражает своим сходством с психоаналитической практикой и деятельность жрецов, которая подходит к неврозу не со стороны его окончательного излечения, а наоборот, использования и дальнейшей организации. Если верить истории, то именно жрецы с самого начала были не только врачами, но и психоаналитиками в довольно узком смысле этого слова. Это были врачи, укреплявшие болезнь. Здесь не место останавливаться особо на дальнейшем развитии мысли о сходстве между индивидуальным неврозом и его социальным выявлением в виде религиозной надстройки. Эта тема заслуживает самостоятельного и внимательного исследования; здесь же мы можем считать этот пункт достаточно установленным уже потому, что нигде, ни в одной сублимации не теряется ощущение реальности. И нигде, кроме невроза и религии,

сексуальное поведение не захватывает человека целиком. Мы нисколько не сомневаемся в том, что исследователь, который проверил бы на фактическом материале вопрос о тождественности религиозных форм и поведения невротиков и параноиков, смог бы не только определить сексуальное содержание той и другой области, но и провести полную параллель между иконографией исторических религий в художественном творчестве больных, а также между церемониальным и магическим поведением последних и ритуальным культом религиозных организаций. И если религия является, вместе с тем, известным отражением действительности и способна включить иногда в свое учение вполне последовательную рационализацию и даже прямой ответ на запросы реальной жизни, то не надо забывать, что невротик и параноик, с одной стороны, воскрешают в своих фантазиях и своем бреде коллективно выработанный опыт прошлого, а с другой — непрерывно реагируют в своих магических действиях на окружающую их реальную жизнь.

К сожалению, однако, надлежащего тождества между религией и неврозом ни сам Фрейд, ни его ученики не устанавливают. И это тем более досадно, что в одной из своих работ Фрейд очень близко подошел к необходимому выводу из добытых психоанализом данных. В статье о «Навязчивых действиях и религиозных обрядах» (рус. пер. в журнале «Психотерапия», 1911 г., № 4–5) Фрейд, после подробного обзора психического механизма и вызываемого им поведения в области религии и невроза, приходит к заключению, что «можно было бы смотреть на навязчивый невроз как на патологическую копию развития религии, определить невроз как индивидуальную религиозность, а религию — как всеобщий невроз навязчивых состояний». К этому выводу и мы склонны были бы действительно прийти. Но, увы, Фрейд не может решиться на этот шаг. Хотя он и усматривает сходство этих двух явлений в том, что и здесь, и там в основе лежит «факт воздержания от удовлетворения природных страстей», и притом в аналогичной форме, так как и в религии совершается своего рода передача божеству «стремления к наслаждению», то все же от окончательного отождествления указанных двух явлений его удерживает свойственная ему идеализация общества. А потому религии присущ «символический и разумный смысл» в отличие от невроза, как «комической, полутрагической карикатуры частной религии», и если даже психоанализ разоблачает «кажущуюся бессмысленность и нелепость навязчивый действий» невроза и вскрывает их весьма реальную и осмысленную, хотя и символическую, природу, то в конце концов, все-таки получается, что именно религия «была тем путем, которым человек освободился от господства злых, социально вредных стремлений» эгоистического характера, тогда как при неврозе речь идет лишь о сексуальных влечениях. Отсюда неизбежный вывод: *религия «всеобщим неврозом» быть не может.*

Мы не хотим быть несправедливыми; в области психоанализа религии фрейдизм сделал очень много. Можно сказать даже, что лишь благодаря психоанализу и его сексуальной теории мы действительно подошли к тому

основному психологическому моменту, который позволяет нам опрокинуть все здание религиозного мышления и культа. И подобно тому, как при применении психоанализа в терапевтических целях, путем раскрытия и разоблачения симптомов и обнажения их сексуальной основы, оказывается возможным излечение невротика, так и в религии психоанализ производит ни с чем несравнимое действие: все основные догматы, мифология — теогония и космогония, любовь к божественным родителям, тайна страстей господних, воскресение и искупление, вера, аскеза, подвиг, нетерпимость, религиозная власть и господство, — все это рассыпается буквально как карточный домик при ближайшем прикосновении психоанализа и раскрытии секретов религиозной сексуальности. Под покровом сексуальной символики религиозных построений мы обнаруживаем, с одной стороны, вытесненное половое влечение во всем разнообразии его нормальных и извращенных форм, а с другой, — реальную среду, на которую религиозно-верующий реагирует самым фантастическим и нелепым образом. Другими словами, мы открываем здесь ту же картину, которую дает нам и невротик, поскольку он свое отношение к миру разрабатывает при помощи символики вытесненной сексуальности. Повторяем, в этой области заслуги психоанализа очень важны, и надо сделать лишь один шаг, чтобы подойти к религии, как к социальному неврозу, несущему с собой изумительное богатство фиксаций и регрессий, сгущений и сдвигов, веры в силу мысли, магии, церемоний и т.п. Но, к сожалению, именно этого шага фрейдизм не делает. *Разрушая одной рукой этот исторически окрепший «всеобщий невроз», он другой защищает его от решительного нападения.* Ибо с точки зрения фрейдизма, несмотря на все свое колоссальное сходство с неврозом, религия есть социальное явление, следовательно, нечто нормальное, здоровое и полезное. Невроз же, как мы видели выше, принадлежит к индивидуальной сфере. Невроз есть результат отщепления индивида от общества. Но само общество идет нормальным и законным путем. Каково бы оно ни было, оно есть высшая и непогрешимая инстанция. В обществе непрерывно совершается прогресс и наблюдается преуспеяние. Личность можно признать больной и подвергнуть ее лечению. Но общество — никогда. Отсюда следует совершенно логичный вывод, что индивид, одержимый сексуальным мышлением и дающий исход вытесненному влечению в различных симптомах — невротик. Но общество, поступающее точно так же, это — здоровое общество, которое осуществляет спасительную для вытесненной энергии сублимацию. И если даже в результате такой сублимации мы получаем совершенно аналогичные неврозу результаты, то они в счет не идут. Здесь уже общество покрывается новой, верховной инстанцией — самой историей, которая безапелляционно оправдывает и бессмысленную трату сил на культ мертвых, и человеческие жертвы, приносимые то Ваалу, то инквизиции, и процессы ведьм, и миллионы изувеченных во имя божества людей, и отраву религиозного дурмана, который вносят бесчисленные религиозные организации в сферу классовой борьбы. Что ж из того? Ведь фрейдизм не знает классов, а имеет дело лишь с благодетельным обществом и его «сублимацией».

Только применение материалистической диалектики учения Маркса может очистить драгоценные зерна фрейдизма от идеологической оболочки буржуазного общества, от идеалистических и метафизических извращений, от противоречий и непоследовательности. Марксистская наука должна найти в себе силы и умение не только переработать громадный фрейдовский материал, но продолжить его первоначальную линию монизма и материализма. Только участники классовой борьбы пролетариата смогут выковать из теории Фрейда новое оружие для борьбы с общественным неврозом религии, которая до сих пор являлась один из крупных факторов классового угнетения: при помощи молитвенных, аскетических и культовых насосов выбрасывалась в пространство громадная энергия угнетенных классов, которая, не будь этого приспособления, уже давно взорвала бы на воздух своих эксплуататоров.

***Виттельс Ф. Фрейд. Его личность, учение и школа.
Л., 1925, с. 7–33***

Фрейдизм и его марксистская оценка

И. Д. Сапир

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вместе с ростом культурного уровня нашей рабочей молодежи, вместе с усилением тяги с ее стороны к знанию, у нее появляется и повышенный интерес к вопросам психологии. Объективным выражением этого является все возрастающее количество соответственных книг и книжек. С другой стороны, те, кому приходилось беседовать с молодежью на общественные и естественнонаучные темы, знают, с какой чуткостью она относится ко всему, что касается внутреннего строения человеческой личности. Удивительно ли это? Далеко нет.

Интерес к психологии — не простое любопытство и не тяготение к отвлеченному мудрствованию; он диктуется потребностями жизни, потребностями борьбы и работы, задачами хозяйственного, культурного и бытового строительства. Ведь историю делаем, на основе объективных общественных условий, *мы сами*, а сознательно делать историю нельзя, если не знать качеств того людского материала, который в этом процессе участвует. О чем бы ни шло дело: о воспитании ли будущих общественных работников, о подборе ли людей к различным общественным функциям, об оценке ли поведения своих врагов и друзей на арене общественно-политической жизни, — во всех этих областях неизменно встает вопрос о сложном аппарате человеческой деятельности, о том, как устроена и работает «голова» человека. Конечно, — не только этот вопрос и во всяком случае — не он в первую очередь. Сознание определяется бытием, и поэтому на первом плане стоит изучение этого бытия, то есть той общественно-экономической среды, которая направляет и формирует человеческую «голову». Общественные условия действуют не на пустое место, а на известным образом построенный организм человека. Можно ли, стало быть, обойтись без знания особенностей этого организма?

Первая четверть XX столетия ознаменовалась крупными достижениями в области подлинно-научной психологии. Сюда относятся в первую очередь работы, касающиеся тончайшего строения и физиологии (жизнедеятельности) нервной системы. В этом отношении много сделано рядом американских ученых и особенно много — ленинградскими академиками Павловым и Бехтеревым. Громадный фактический материал, добытый этими учеными путем строго объективных наблюдений и экспериментов (опытов) над реакциями (действиями) животных и человека при различных воздействиях со стороны внешней среды, имеет крупнейшее теоретическое и практическое значение.

Он дает неоспоримые доказательства в пользу того, что все, даже самые сложные проявления психики объективно есть ни что иное, как работа тончайшего нервно-мозгового аппарата, действующего в самой непосредственной связи с другими органами и тканями нашего тела. Что же касается, так называемых, субъективных переживаний, то есть разного рода ощущений, мыслей, образов и т. д., то они, хотя и воспринимаются нами, как нечто независимое от нервно-мозговых процессов, на самом деле составляют лишь обратную сторону этих материальных изменений в нашем мозгу. Таково именно свойство высоко организованной нервной материи, что человек — ее носитель — воспринимает ее изменения как ряд субъективных переживаний. Таким образом, работы современных физиологов безжалостно разрушают хитроумные учения буржуазных психологов, достаточно многочисленных и поныне, учения о том, будто совершенно независимо от тела, от материи существует некая нематериальная сущность — душа. В этом и заключается капитальное теоретическое значение указанных работ, насквозь материалистичных и глубоко враждебных всякому дуализму (признанию двух начал — материи и духа) и идеализму (философскому учению о мировом духе).

Практическое значение современных достижений в области нервной физиологии состоит в том, что они создали прочный фундамент для разрешения широкого ряда различных конкретных вопросов, выдвигаемых повседневной жизнью. Без знакомства с законами, управляющими высшей нервной деятельностью, не может обойтись ни воспитатель, ни деятель по научной организации труда, ни психотехник¹.

В нашу задачу не входит здесь более подробный разбор нервнофизиологических достижений. Темой данной статьи является рассмотрение другой, тоже очень важной и интересной области — психологии. Речь идет о, так называемом, *фрейдизме*, то есть об особом психологическом учении, получившем это свое название по имени его основателя и творца, — венского ученого Фрейда. Работы этого ученого так же, как и работы физиологов, раскрывают ряд механизмов нервно-психической деятельности. При этом достижения фрейдизма отнюдь не противоречат результатам, полученным в других отраслях психологии. Наоборот, они в общем и целом *очень хорошо* согласуются с этими последними и дополняют их, если только, вопреки Фрейду, толковать эти достижения *материалистическими*.

Учение Фрейда приобрело очень большую популярность за границей и начинает получать широкое распространение также и у нас в СССР. Это обстоятельство обязывает марксистов критически заняться фрейдизмом и под углом зрения нашего марксистского метода установить, что именно является в учении Фрейда подлинно-научным, а стало быть, полезным для дела пролетариата, и что, наоборот, является необоснованным и вредным.

¹ Психотехника ставит своей задачей наиболее целесообразное распределение людей по профессиям с точки зрения особенностей профессии и нервно-психических качеств людского материала.

Тут есть ради чего поработать, потому что фрейдизм действительно грешит некоторыми мало убедительными утверждениями, которые не только дают неверное представление о многих сторонах механики человеческого поведения, но и резко противоречат основным положениям марксизма. В этом повинен как сам Фрейд, так и его последователи, не в меру усердно раздувающие его ошибки до невероятных размеров. Речь идет, конечно, о буржуазных последователях Фрейда. Ошибки Фрейда встречают с их стороны горячую поддержку именно потому, что эти ошибки, как нельзя больше, соответствуют их (последователей) социальной природе. Не надо забывать, что *а* сам Фрейд по всему своему мировоззрению и складу мышления относится к числу буржуазных ученых. Правда, способность Фрейда идти неуклонно вразрез с общепринятыми буржуазными взглядами и отдельные политические замечания, брошенные вскользь в разных местах его сочинений, заставляют считать его человеком радикальным и «левонастроенным». Но все же этот научный и даже политический радикализм не выходит за пределы буржуазной психологии и не меняет социальной сущности Фрейда.

2. ЦЕННОЕ В УЧЕНИИ ФРЕЙДА — УЧЕНИЕ О БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ

Фрейдизм есть прежде всего и в первую очередь учение *о бессознательных* механизмах человеческого поведения, то есть о тех нервно-мозговых процессах, которые влияют на деятельность человека без того, чтобы человек сам это сознавал. Короче говоря, фрейдизм изучает область (иди сферу) бессознательного, или еще проще — бессознательное в человекке. В этом главный интерес фрейдизма, ибо это учение с большой настойчивостью и доказательностью приписывает бессознательному роль первоклассного психологического двигателя. Не странно ли, однако, утверждать такую) выдающуюся роль за бессознательным? И в самом деле, ведь, на первый взгляд кажется, что в нашей повседневной жизни мы как раз руководимся исключительно *сознательными* мотивами, может быть, не всегда достаточно ясными, но во всяком случае оставляющими след в нашем сознании. Фрейдизм вовсе не посягает на правильность этого последнего факта; он и не думает отрицать сознательных мотивов нашего поведения. Но что наше поведение психологически зависит *исключительно* от сознательных мотивов — против этого фрейдизм выступает самым решительным образом, — и совершенно справедливо. Помимо нервно-мозговых процессов, переживаемых нами как нечто сознательное, в нас протекает и огромное количество нервно-мозговых процессов, ничем в сознании не отмечаемых. и тем не менее, оказывающих мощное влияние на нашу деятельность. Этот вопрос заслуживает большого внимания.

Интересно, что учение Фрейда о бессознательном встретило сильный отпор не только со стороны неискующих в науке людей, но и со стороны наиболее авторитетных психологов буржуазного мира.

«Как, — негодуя возражают они, — неужели можно приравнять высшую психическую деятельность совершеннейшего из существ — человека — к примитивной (простой) и действительно бессознательной работе какого-нибудь из растительных органов нашего тела, вроде печени или почек. Если в мозгу и протекают различные неосознаваемые нами рефлексy, то на каком таком основании можно им приписывать сколько-нибудь значительное влияние на «разумную» деятельность человека. Это-де клевета на «свободную человеческую волю», это — низведение человека на низшую животную ступень, какового этот «царь природы» совершенно не заслуживает. Оставьте же, говорят они, изучение бессознательных рефлексов низшего порядка тем, которые изучают телесные отправления нашего организма, тем, кого интересуют печень, легкие и другие «неблагородные» органы нашего тела. Уделом же «истинных» психологов пусть останется по прежнему сознательная душевная жизнь, которая одна только и определяет, мол, поведение человека.

Так или приблизительно так говорят буржуазные психологи — противники Фрейда. Здесь в каждом положении так отчетливо сквозит противопоставление «души» и «тела», так ярко проступает мистическое преклонение перед «духом» в виде «свободной воли» и т.п., что подробно доказывать антимарксистский характер такого рода возражений против Фрейда — нет решительно никакой надобности.

Верно ли, однако, что в нас на самом деле существуют нервные механизмы, которые влияют на нашу деятельность без того, чтобы это влияние нами осознавалось?

Здесь необходимо по отдельности разобрать основные группы механизмов, из которых складывается бессознательная сфера. Не только Фрейд и его школа поработали над раскрытием этих механизмов: многое было известно и до Фрейда, да и сейчас разрабатывается независимо от него. Однако заслуги Фрейда отнюдь от этого не становятся меньше.

НИЗШИЕ РЕФЛЕКСЫ

Начнем с наиболее простых видов нервной деятельности, а именно с, так называемых, низших рефлексов. Рефлекс — это ответное действие организма, снабженного нервной системой, на какое-нибудь внешнее раздражение. Как показали работы крупнейших физиологов — Сеченова и Павлова, нет ни одного проявления нервной деятельности — все равно высшей или низшей, — которое не являлось бы рефлексом или их сочетанием. Наиболее сложные из этих процессов (условные рефлексy, по терминологии Павлова), в значительной части переживаются нами, как акты сознания. Другие, менее сложные, низшие процессы (так называемые, безусловные рефлексy) могут протекать без всякой сознательной, субъективной окраски, и именно поэтому они нас здесь интересуют.

Удар молоточком внизу подколенной чашки вызывает выбрасывание воли вперед. Вдыхание амил-нитрита (особого азотистого вещества) влечет за

собой покраснение лица. Действие нашатырного спирта на слизистую оболочку носа вызывает слезотечение. Все это — низшие рефлексy; их нервные пути идут не через кору больших мозговых полушарий, а через спинной мозг, продолговатый мозг и другие, так называемые нижние этажи нервной системы. И все они возникают не только «невольнo», но и часто при решительном противодействии воли. Более того, они могут даже не «регистрироваться» в сознании, что для нас здесь особенно важно.

Гвоздь вопроса не в том, существуют ли вообще бессознательные рефлексy, а в том, способны ли они оказывать действие на высшую нервно-психическую работу, а вместе с тем и на все поведение организма.

Кому неизвестно, например, какое тормозящее, угнетающее влияние на настроение и на умственную работу оказывает нарушенная деятельность кишечника? А ведь как раз в основе правильного пищеварения лежит рефлекторная работа желудочных и кишечных желез. Нормальное протекание этой работы составляет одно из условий квалифицированной мозговой деятельности.

ВЫСШИЕ РЕФЛЕКСЫ В БЕССОЗНАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Не только безусловные рефлексy, но и самые высокие проявления нервной деятельности могут при известных условиях протекать бессознательно. Наиболее наглядным примером в этом отношении служит игра на рояле опытного пианиста, который совершенно автоматически берет сложнейшие аккорды в то время, как его внимание в этот момент направлено, скажем, на замысел музыкальной пьесы. Точно также привычная стенографистка может совсем без участия сознания делать такое нелегкое для новичка дело, как перевод на стенографические знаки сложной речи оратора; в то же время ее сознание может быть занято самым содержанием речи оратора. Рабочий у станка, достаточно привыкший к своей, иногда очень замысловатой, работе, тоже может выполнять ее совершенно машинально и быть в это время отвлеченным беседой со своим соседом по станку.

Сложность работы во всех приведенных случаях понятно требует участия наиболее квалифицированных рефлексов нервно-мозгового аппарата, а это значит, что и такие наиболее квалифицированные процессы могут протекать без наличия субъективных переживаний.

При каких условиях это имеет место, почему наоборот иной раз те же высшие рефлексy переживаются нами как акты сознания — это другой вопрос, в свою очередь очень важный и интересный. Например, одно из таких условий с большой наглядностью выясняется хотя бы из тех фактов, которые только что были отмечены. И пианист, и стенографистка, и рабочий могут отвлекать свое внимание от самого процесса работы безнаказанно для этой последней только в том случае, если они достаточно к этой работе *привыкли*, другими словами, если все они прошли через большой стаж упражнения и тренировки. Есть основания полагать, что постоянное употребление одних и тех же нервных путей как бы облегчает прохождение

по нам нервного тока; нервные пути делаются как бы «проторенными». Такое состояние мозгового вещества позволяет рефлексам осуществляться при значительно меньшем напряжении нервной энергии, чем тогда, когда рефлекс является новым, непривычным. Эта относительно небольшая напряженность нервного тока и является, по-видимому, основным условием для бессознательного протекания рефлексов, даже наиболее сложных и квалифицированных.

, Но достаточно об этом. Для нас важен самый факт: что высшие нервно-психические процессы не в меньшей мере, чем низшие, тоже занимают место в области бессознательного. С этой точки зрения сейчас станет ясным, что Бессознательная сфера чрезвычайно богата по своему содержанию; больше того, она несравненно богаче, чем область сознания в каждый данный момент. И вот — почему.

Общественный человек в течение своей жизни приобретает громадное количество самых разнообразных навыков знаний, опыта и т.д. Он сталкивается с сотнями других людей, входит в различные отношения с разными общественными слоями — и как член определенного класса, и как работник определенной профессии и т.д. Он учится в семье и в школе, на фабрике и на практической общественной работе. Как частица производственного коллектива, он становится и разные отношения не только к людям, но и к средствам и орудиям производства. Короче говоря, опыт человека, запечатленный в системе его условных рефлексов, особенно, если человек живет не в застойной, а изменчивой среде, постоянно обогащается и усложняется. Между тем, в каждый данный момент личности приходится пользоваться лишь незначительной частью этого фонда своих знаний. Например, для того, чтобы успешно проработать в кружке данную тему, приходится вспомнить лишь то, что к этой теме относится; но вместе с тем не нужно и даже вредно для успеха работы ворошить тот запас знаний и навыков, который относится к десяткам других областей, быть может, хорошо знакомых учащемуся, но не имеющих связи с изучаемым вопросом. Весь этот запас ненужных в данный момент знаний тормозится так, что в значительной своей части он даже не появляется в сознании. Таким образом, только небольшая часть нервно-психического «багажа» приобретает высокую интенсивность и «вспыхивает в ноле сознания»; другая же часть, несравненно более значительная, остается в бессознательной сфере. Многие из приобретенных некогда знаний и навыков при этом настолько оттесняются в глубину бессознательного, что кажется человеку совершенно чуждым, даже если его побуждать к припоминанию забытого. Однако, большей частью это только самообман: в подходящей обстановке человек все же может вспомнить раз заученное или проделанное. Во всяком случае, обучаясь тому же во второй раз, он обычно добивается успеха с гораздо меньшей затратой времени и энергии, чем при первоначальном обучении. Это означает, что в бессознательной сфере рефлекс, однажды приобретенный, сохраняется долго и упорно. Тем нагляднее выступает перед нами богатство содержания бессознательной области.

Интереснее всего то, что богатые запасы бессознательной области отнюдь не лежат «мертвым капиталом». Напротив, здесь идет непрерывная работа, являющаяся существеннейшим дополнением к работе рефлекторных механизмов сознания. Вот одна из наиболее ярких иллюстраций.

Кому не случалось пережить следующее: долго бьешься над решением какого-нибудь вопроса, результатов же нет никаких. Между тем жизнь не ждет и рано или поздно отвлекает внимание, в другую сторону. Но вот через некоторое время, под влиянием какого-нибудь случайного обстоятельства, внезапно вспыхивает, «как молния, в голове» счастливое и долгожданное решение старого вопроса. То, что раньше никак не давалось в процессе упорной мыслительной работы, вдруг оказалось в твоих руках без всякого сознательного напряжения с твоей стороны.

Разгадка этого факта только и может заключаться в том, что покуда высшие нервные механизмы (сознание) человека были направлены на другие вопросы, — в глубине бессознательной сферы, пусть медленно, но все-таки успешно) шла незаметная творческая работа. И в известный момент достаточно было небольшого внешнего толчка, чтобы ее результат проявился в полной мере.

Бессознательное работает и тогда, когда мы «перевариваем в голове» большое количество новых знаний. Известно, что при этом никогда, не обходится без самого активного размышления над плохо понятыми вопросами. Но вместе с тем десятки второстепенных вопросов, над которыми просто нет времени хорошенько призадуматься, а также многие из основных вопросов, хотя и обдуманых, но нерешенных, — «укладываются в голове» как то «сами собой» в процессе дальнейших занятий. Правда, на этом пути успех достигается опять-таки с большей затратой времени, чем при сознательной мыслительной работе. Но важно не это обстоятельство, а то, что на ряду с высоко заряженными процессами сознания работают и менее активные процессы бессознательной сферы. Тут-то и происходит «переваривание» и «укладывание», конечно, не в прямом, а в переносном смысле этого слова.

Мы подчеркиваем здесь с особой настойчивостью подвижность, активность и взаимную связанность, а короче говоря, динамичность бессознательной сферы, каковое качество присуще вообще всей нервно-психической деятельности любого организма.

Одна из крупневших заслуг фрейдизма как раз и состоит в энергичном указании на эту именно динамичность. В противоположность Фрейду, буржуазные психологи других направлений изображают психику либо, как нечто совсем застойное, либо, как совокупность отдельных «способностей души», работающих совершенно изолированно друг от друга.

БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Огромную роль в механике нервной деятельности играют так называемые *аффекты*. С субъективной стороны — это своеобразные переживания,

называемые в просторечии «чувствами»: чувство страха, гнева, радости и т.д. и т.п. С объективной же стороны — это особые рефлексы нашего организма, которые выражаются, во-первых, мимическими движениями лицевых и других мышц тела, а во-вторых, многочисленными изменениями сердечно-сосудистой и железистой деятельности. Например, при гневe краснеет лицо, сжимаются кулаки, «загораются» блеском глаза, учащенное бьется пульс, чаще становится дыхание и т.д. Большое участие в механизме аффекта или, как его называет Бехтерев, — мимико-соматического (телесного) рефлекса, принимает, помимо центральной нервной системы, полусамостоятельная сеть волокон симпатического и блуждающего нервов; кроме того, вводятся в действие и железы внутренней секреции.

Ни одно сколько-нибудь энергичное и упорное проявление человеческой активности, ни одно устремление и влечение не обходится без аффективной окраски. Это можно установить, как наблюдая человека извне, так и вглядываясь в свои собственные переживания. Многосторонность изменений, происходящая при этом в организме, заставляет предполагать, что здесь работают наиболее мощные источники нервно-психической энергии.

В силу закона связи между возбужденными участками нервной ткани (а такой закон установлен многими первоклассными физиологами и психологами) каждый аффект обрастает многочисленными условными рефlekсами, что субъективно выражается в возникновении наряду с аффектом массы различных образов, понятий и т.д. С другой стороны, каждый образ (условный рефлекс) может вызвать в свою очередь относящийся к нему аффект. Группа образов и представлений, связанная общим аффектом, носит в психологии особое название: «комплекс». Совокупность же этих комплексов составляет мощную психологическую основу человеческой активности, основу устремлений, влечений, «импульсов» и потребностей, которые психологически определяют поведение человека.

Стоит ли прибавлять, что в свою очередь *направление* каждого такого устремления или, другими словами, содержание каждого комплекса определяется условиями окружающей общественной среды.

Работают ли механизмы комплексов только в области сознания или, кроме того, они входят также в состав бессознательной сферы? Да, несомненно, входят. Подойдите к малосознательному, совсем неразвитому агитацией и пропагандой рабочему и спросите его, как он относится к большевизму. Иной раз вы получите, с его стороны искренно-равнодушный ответ, что «ему все равно», что «он не знает, не разбирается в политике» и т.п. Но вот, когда настанет тяжелое время, когда контрреволюция начинает грозить завоеваниям советской власти, неожиданная перемена происходит с этим массовиком-пролетарием. Какая-то неодолимая внутренняя сила вырывает его из обычной обстановки и бросает на самые опасные позиции фронта.

Что это означает? Это значит, что человек сам не знал о том, какие устремления и порывы живут в глубинах его психики. А между тем они в нем таились, хотя и бессознательно. И действительно, нельзя же объяснить

перемену в его поведении исключительно внезапными особенностями боевого момента. Откуда же в самом деде этот размах энергии? И почему именно эта энергия направилась в совершенно определенную сторону? Почему наш пролетарий стал как раз в ряды красных войск, а не по ту сторону баррикады?

Да именно потому, что всю свою жизнь, работая, страдая и радуясь в унисон с остальными товарищами по классу, он постоянно приобретал те основные навыки и устремления, которые свойственны классу пролетариев. Эти навыки и устремления, эти богатые залежи комплексов вовсе не обязательно переживаются человеком сознательно. Наоборот, в подавляющей своей , части они накапливаются и хранятся незаметно для самого их носителя — в его бессознательной сфере. И если под влиянием особых условий момента они получают высокую интенсивность, они начинают осознаваться со всей яркостью и одновременно становятся мощными психологическими двигателями личности.

Когда комплексы не осознаются, они отнюдь не теряют своей движущей роли. Часто говорят о том, что человек одним своим «классовым чутьем» и долго не размышляя нащупал правильную линию поведения. С психологической стороны в основе этого чутья лежит не что иное, как ряд бессознательных комплексов, которые, незаметно для человека, толкнули его на правильный путь. Понятно, что и здесь дело идет при определяющем влиянии со стороны социальной среды.

Так бессознательное вторгается в сферу сознания и оказывает на него могучее воздействие. И происходит это именно потому, что комплексы бессознательной сферы не лежат мертвым хламом, а «бунтуют», «кипят», переплетаются друг с другом; иными словами — потому, что сфера бессознательного *динамична*.

Возвращаясь к фрейдизму, отметим, что это именно он разработал и обосновал учение о комплексах, как о важнейшей составной части бессознательной области. Было бы только большой ошибкой думать, что Фрейд мыслит себе самое содержание комплексов в таком же виде, как это было изображено выше. Мы нарочно подбирали иллюстрации так, чтобы показать не только механизм действия комплексов, но и одновременно социальное, классовое их содержание, например, когда речь шла о комплексах рабочей солидарности. Между тем, для Фрейда человек не классовое, а прежде всего половое существо. Другими словами, по Фрейду, комплексы человека имеют почти исключительно половой характер. На этом недопустимом уклоне фрейдизма мы остановимся несколько ниже.

То, что было сказано о механике бессознательных комплексов, еще далеко не исчерпывает всего, что сделано Фрейдом по этому вопросу. Согласно Фрейду, из общего фонда комплексов следует обратить усиленное внимание на особую их группу — на группу, так называемых, «ущемленных комплексов».

И к этой действительно важной группе механизмов бессознательного мы сейчас перейдем.

УЩЕМЛЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Ущемленные комплексы — это те, которые особенно глубоко и скрыто таятся в бессознательной сфере личности. И если, тем не менее, их существование все же удастся обнаружить, то только с особым трудом и при помощи целого ряда сложных способов. Однако, обнаружить их все же возможно, ибо они, как и другие менее скрытые комплексы, оказывают свое влияние на поведение личности.

Ущемленные комплексы, в отличие от других бессознательных, не просто остаются незаметными для личности, но и, кроме того, кажутся ей глубоко *чуждыми*. Уличенный в наличии у него таких именно ущемленных комплексов, человек начинает возмущаться самым глубоким и при том самым искренним образом. Несмотря на их ущемленность, такие комплексы могут своеобразно проявляться вовне.

Вот несколько примеров, взятых из «Лекций о психоанализе»¹ самого Фрейда.

Председатель одного достопочтенного собрания, открывая это последнее, громогласно заявляет: «Объявляю заседание закрытым», то есть делает нечаянную и при том совершенно для него незаметную ошибку (должен был сказать «открытым», а сказал «закрытым»). Когда впоследствии внимание председателя было на это обращено, то он пытался оправдаться тем, что слова «закрытый» и «открытый» чрезвычайно схожи по своей звуковой форме, и что поэтому, особенно при наличии небольшого волнения, их нетрудно было перепутать. Предположение о другой более глубокой причине этой оговорки он возмущенно и решительно отрицал. Между тем подробное рассмотрение всех обстоятельств дела показало, что оговорка председателя отнюдь не была случайной. Выяснилось, что по целому ряду причин председателю было бы куда меньше неприятностей и волнений, если бы собрание общества не состоялось вовсе. «В тайне души», сам того не сознавая, он этого собрания всеми силами не хотел. Это и оказалось истинной причиной оговорки. Нельзя, конечно, утверждать, что созвучие двух перепутанных слов не могло явиться благоприятным условием для оговорки; но разве мало сходных слов мы употребляем в своей речи и, тем не менее, их не смешиваем. В данном случае созвучие слов оказалось лишь надстроечной причиной, а глубокая причина, фундамент оговорки, крылась в соответственном ущемленном комплексе.

В другой из приведенных Фрейдом случаев дело обстояло так. Одно лицо, посылая письма к своему приятелю, каждый раз делало какую-нибудь оплошность вроде перепутывания адреса или отправки письма без марки. В результате почти ни одно из писем не дошло до своего адресата. В первое время виновник этих оплошностей, смеясь, объяснял это простой забывчивостью или случайным совпадением обстоятельств. Но и здесь

¹ Психоанализ — это особое название фрейдизма, данное этому учению самим Фрейдом.

впоследствии удалось установить, что подлинной причиной оплошности было скрытое нежелание иметь дружеские отношения с приятелем. В этих отношениях уже давно назревал разрыв *без того, однако, чтобы отправитель писем осмелился бы сам себе в этом сознаться*. Стало быть, и в указанных оплошностях был виноват соответственный ущемленный комплекс.

Или, наконец, еще один пример, характерный между прочим и для полового уклона Фрейда.

Некая особа, недавно вышедшая замуж, увидев на улице своего мужа, весьма равнодушно заметила своей подруге: «Смотри-ка, вот идет г-н X», как будто он был для нее совершенно посторонним человеком (при всем этом надо, разумеется, иметь в виду нравы обыденной буржуазной среды, в которой имело место это событие). Обе спутницы долго смеялись над этим происшествием, не придавая ему никакого существенного значения. И только впоследствии стало ясно, что случай с молодой женщиной имел под собой глубокую причину. Ее отношения с мужем с самого начала таили в себе глубокую трещину которая только в дальнейшем была опознана и послужила причиной окончательного разрыва. В момент оговорки это ею еще не осознавалось. Таким образом, ошибка молодой женщины была порождена не чем иным, как ущемленным комплексом неприязни к мужу.

Понятно, все эти примеры относятся к числу мелочей. Сами по себе они еще не решают вопроса о том, на самом ли деле ущемленные комплексы могут занимать большое место в области бессознательного. как на этом настаивает Фрейд. Однако, и этот вопрос решается положительно. Стоит лишь посмотреть, *каков источник* ущемленных комплексов, чтобы стало ясно, что при известных условиях их может возникнуть большое множество.

Ущемление комплекса или, другими словами, влечения, потребности происходит тогда, когда это влечение или потребность встречают непреодолимые препятствия к своему удовлетворению. Чтобы комплекс ущемился, вытеснился, необходимо несоответствие между желанием и фактической возможностью это желание удовлетворить. Потребности субъекта здесь входят в противоречие с обстоятельствами внешнего объективного мира, социальной средой. Ту же мысль сам Фрейд выражает несколько своеобразно; по его словам, принцип наслаждения сталкивается с принципом реального (окружающей действительности), и тогда возникает ущемление комплекса.

Такой механизм вытеснения вполне правдоподобен и находит себе подтверждение в известных опытах академика Павлова.

Когда собаке одновременно с кормлением дают много раз слушать звук колокольчика, то через некоторое время становится достаточным одного лишь этого звука, чтобы собака начала возбуждаться, щелкать челюстями, выделять слюну — точь-в-точь как при непосредственной даче пищи. Но если такое изолированное (без одновременного кормления) звучание колокольчика повторять слишком долго, то обычная реакция собаки па

колокольчик прекращается; реакция тормозится, «вытесняется» и поэтому перестает выявляться.

Точно так же влечение у человека, — а, ведь, оно есть тоже реакция — тормозится и вытесняется, коль скоро оно много раз не нашло себе удовлетворения.

Теперь спрашивается: 1) насколько многочисленны влечения и потребности у человека и 2) действительно ли социальная среда создает так много препятствий для их осуществления?

По первому пункту нужно сказать следующее. В раннюю пору своего развития, в периоде раннего детства потребности человека сравнительно немногочисленны и просты. Это ряд первичных физиологических, унаследованных влечений. Сюда относятся — пищевой рефлекс, рефлекс нападения и обороны, рефлекс игры и т.п. По-видимому, в том же периоде имеются и зачаточные половые влечения, на что совершенно справедливо, хотя и явно переоценивая их, указывает сам Фрейд. Но, по мере развития человека и по мере усложнения его связей с общественной средой (школа, улица, работа и т.д.), его потребности чрезвычайно увеличиваются по их количеству и разнообразию. На основе ранних примитивных влечений вырастают десятки и сотни других разнообразных потребностей. Перечислить их нет никакой возможности. Страсть к коллекционированию марок сюда относится в такой же мере, как и стремление к научной работе и как потребность в общественной деятельности или в ежедневном чтении привычной газеты.

Нечего и говорить, что эти потребности резко отличаются друг от друга у представителей разных классов и разных исторических эпох.

Перейдем к второму пункту. В какой мере социальная среда, этот очевидный источник человеческих потребностей, является в то же самое время их гасителем. Скажем сразу — в очень большой мере. Это на первый взгляд странно, но все же это так. «Я тебя породил, я тебя и убью».

В самом деле много ли простора для своих наклонностей и стремлений имеет пролетарий в капиталистическом обществе? Нет не много, — и поэтому часть этих устремлений неизбежно загоняется в бессознательное. Тут идет речь не только об открытых выступлениях пролетариата, которые немедленно подавляются мерами голого насилия, но, главным образом, о тех проблесках классового сознания, о тех неоформленных классовых чувствах, которые в самом их зародыше подавляются буржуазной прессой, церковью, школой и ходячей буржуазной моралью. Исторический опыт показывает, что, несмотря на всю силу идеологического и физического влияния командных классов, основные черты пролетарской психологии продолжают оставаться неприкосновенными. Очевидно, комплексы товарищеской солидарности и классовой ненависти только загоняются в глубины бессознательной сферы, но они живут, действуют и в известные исторические моменты являются могучим источником революционной энергии.

Оттесняющее влияние социальной обстановки на комплексы происходит и в другой форме.

Представим себе выходца из мелкобуржуазной среды, вынужденного силой обстоятельств сделаться наемным рабочим. Новая обстановка начинает оказывать на него сильнейшее перевоспитывающее влияние. Проходит ряд лет, и он не только экономически, но и как будто психологически стал подлинным пролетарием. По крайней мере, он неоднократно проявлял революционную солидарность и уже во всяком случае мыслит себя как плоть от плоти рабочего класса. Значит ли это, однако, что его прежние мелкобуржуазные навыки и наклонности окончательно погибли и больше не выявятся никогда и ни при каких условиях? Нет, не значит, ибо опыт показывает, что иной раз при известных условиях (при каких — об этом мы здесь говорить не будем), они все-таки выявляются и подчас очень ярко.

Стало быть, выходит *так*, что они существовали все время, но только на многие годы были оттеснены в бессознательную область. А произошло это потому, что они встретили резкое противодействие со стороны новой пролетарской обстановки.

Общий вывод из фактов такого рода гласит, что *основным источником ущемленных комплексов является социальная среда.*

Не менее очевиден и другой вывод, а именно тот, что *наибольшим ущемляющим действием обладает общество классовое, а в особенности капиталистическое общество.*

Кстати, этих выводов сам Фрейд не делает, несмотря на то, что они естественно вытекают из основ его учения. Но об этом дальше.

Изучение ущемленных комплексов бессознательной сферы имеет громадную практическую ценность. Прежде всего потому, что иной раз ущемленный комплекс может стать единственным властелином психики и принести к неожиданным изменениям в поведении человека. Такую возможность надо уметь предвидеть и, если нужно, бороться с нею правильным образом.

С другой стороны, чрезмерное богатство психики ущемленными комплексами может очень резко понизить социальную полноценность человека. Обладать ущемленными комплексами, значит — носить в себе ряд глубоких психологических противоречий. В результате возможны — постоянный внутренний разлад, мучительная раздвоенность и «вечные» колебания. Ибо ущемленные комплексы, хотя и находятся в подсознательной сфере, но все действуют и потому тормозят человеческую активность. Они, если можно так выразиться, «камень на шее» у высоко квалифицированных процессов сознания.

Когда ущемленные комплексы, благодаря некоторым особенностям нервной системы и тяжело сложившимся внешним условиям, начинают действовать с особенно большой силой, то даже могут развиваться своеобразные болезненные состояния. Сюда относится, например, так называемая истерия, которая способна надолго оторвать человека от полезной общественной работы.

СУБЛИМАЦИЯ

Ущемленные комплексы подчиняются при известных условиях особому закону нервной механики. Этот закон носит название «сублимация», ибо здесь идет речь о повышении качества нервной энергии (сублимация — повышение или улучшение).

Дело в том, что нервная энергия мимико-соматических рефлексов (они же — аффекты) может перемещаться в нервные пути более сложных и квалифицированных мозговых функций (действий). Это наблюдается например, у людей, когда-то погруженных исключительно в удовлетворение узколичных эгоистических потребностей, а теперь с не меньшей страстью отдающихся упорной общественной работе. При этом перемещение энергии на выполнение более высоких социальных задач становится подчас настолько основательным и прочным, что человек способен во имя этих задач жертвовать своей собственной жизнью; до такой степени подавляются здесь первичные физиологические потребности.

Таким образом, сублимация означает, с одной стороны, усложнение нервно-мозговой деятельности, а с другой — большую направленность ее на социальные задачи.

Для того чтобы сублимация имела место, необходимы: во-первых, препятствия к осуществлению «низменных» потребностей (например, моральное осуждение со стороны товарищей), а во-вторых, выработка тех социальных навыков, на выполнение которых могла бы устремиться энергия «низших» нервных центров. И то, и другое происходит как и школе, так и в повседневной жизни. Этим путем, например, половая или иная распущенность беспризорных ребят может быть превращена в высокополезную трудовую энергию детского коллектива.

Очень важно, с другой стороны, что существует и процесс, резко противоположный сублимации, так называемая «десублимация», когда, наоборот, нервная энергия понижается по своим биологическим и социальным качествам. Речь в этом случае идет, например, о людях, которые до известного момента были энергичными общественными работниками, а затем, под влиянием ряда сильных неудач, резкого утомления или других причин «деморализовались» и превратились в поклонников вина, проституции и т.п.

Таким образом, бессознательная сфера и особенно заключенные в ней механизмы ущемленных комплексов оказывают огромное внутреннее влияние на деятельность человека. Без учета всего этого не может обойтись ни воспитатель, ни врач, ни психотехник (см. выше), ни организатор. Разобрать, анализировать бессознательную сферу — дело большой практической важности.

Другой вопрос — какими именно способами этого можно добиться. На первом плане, с нашей точки зрения, здесь должно стоять подробное выяснение всех тех условий, в которых жила и развивалась данная личность. При этом нужно быть во всеоружии знаний по социальной психологии, то

есть нужно знать, каковы интересы, настроения и взгляды у тех общественных слоев, через горнило которых прошла данная личность. Ибо личность есть прежде всего сгусток общественных влияний.

И уж, конечно, при этом не обойтись без пашей марксистской социологии, без исторического материализма, который один только и позволяет безошибочно разобраться в сложной сети экономических, политических, идеологических и всяких прочих отношений.

Фрейд, со своей стороны, разработал и предложил особый метод собеседования с людьми; он считает также возможным использовать для проникновения в бессознательную сферу и такой, казалось бы, маловажный материал, как сновидения людей, их описки, очитки и т.п. Однако эту узкопрактическую часть фрейдизма мы здесь оставим без рассмотрения.

Сведем теперь воедино все то ценное, что внес фрейдизм в науку о строении человеческой личности, в науку о механизмах человеческого поведения.

Фрейдизм подчеркнул и разработал вопрос о значении бессознательной сферы. В этой сфере он указал на огромную роль комплексов, этих внутренних двигателей человеческой деятельности. Далее он выделял из числа этих механизмов особую группу, так называемых, ущемленных комплексов и обнаружил сложную механику их действия. Он объяснил, наконец, как, при помощи этой механики, личность «сублимируется» — в одних случаях, и как она теряет свою социальную полезность, даже заболевает — в других случаях.

Но уже и тогда, когда мы излагали эти высокоценные стороны фрейдизма, мы не могли удержаться от указаний на ряд недоговоренностей и ошибок этого учения. Мы должны были попутно сказать, что Фрейд, говоря о комплексах, замалчивает их общественное содержание и происхождение. Фрейд силен там, где он говорит об общих психологических законах человеческого поведения и, наоборот, очень слаб постольку, поскольку речь идет об отношениях между психологическими механизмами и социальной средой¹.

Так как ошибочные положения фрейдизма преподносятся читателю наряду с цепными сторонами этой теории, больше того, — так как именно они, эти ошибочные положения часто выдаются за самую суть фрейдизма, то на них необходимо остановиться несколько подробнее.

3. НЕВЕРНОЕ В УЧЕНИИ ФРЕЙДА

Действительно ценные научные достижения переплетаются у Фрейда с целым рядом совершенно ненаучных и антимарксистских построений. И переплетаются так тесно, что о положительном отношении марксиста к фрейдизму в том виде, как он представлен у самого Фрейда и его последовательных учеников — не может быть и речи.

¹ Философские взгляды самого Фрейда — далеко не материалистические — мы здесь оставляем в стороне.

Прежде всего, *Фрейд не* материалист. Из того, что учение о бессознательном можно легко согласовать с современными данными о физиологии мозга, еще отнюдь не следует, что Фрейд действительно это согласует.

Более того, Фрейд совершенно недвусмысленно избегает единственно правильной материалистической постановки вопроса. Чего стоит, например, следующее заявление: «Психоанализ (то есть учение Фрейда) должен прежде всего откинуть все чуждые ему (курсив наш. — *И. С.*) анатомические, химические и физиологические теории и оперировать исключительно с чисто психологическими понятиями». Ведь это идеализм чистой воды.

Для марксиста каждый процесс в бессознательной сфере есть определенный физиологический процесс. Об этом говорилось в предыдущей главе. Это подтверждается огромным фактическим материалом павловской и бехтеровской школ. Не так обстоит дело у Фрейда. излагая, например, свою теорию о том, как бессознательные влечения искажаются цензурой сознания, этот ученый тут же спешит оговориться: «Вы не должны связывать это выражение (то есть цензуру) с пространственным представлением, воображая себе какой-нибудь особый мозговой центр...» Нужно ли доказывать, что с такой оговоркой «цензура» принимает у Фрейда совершенно бесплотный идеалистический характер? Насквозь идеалистическим является у Фрейда и следующее определение бессознательной сферы: «Бессознательное представляет собою особое душевное царство со своими собственными душевными движениями, , собственным способом выражения и свойственными ему душевными механизмами...» Марксисту нечего делать с такого рода определениями. Если многие факты подмечены Фрейдом правильно, то это вовсе не значит, что Фрейд дает им правильное истолкование. Вопреки Фрейду, мы должны понимать эти факты материалистически, и только в таком виде они соответствуют марксизму и становятся плодотворными для научного исследования. Теперь — о других уклонах фрейдизма.

Фрейд, сделав ценные открытия в области общей биологической механики бессознательного, оказывается чрезвычайно слабым там, где он пытается раскрыть конкретное содержание человеческой психики.

У Фрейда нет подхода к человеку, как к представителю определенного класса и определенной исторической эпохи. Если бы Фрейд допустил, что в бессознательной сфере людей живут могучие социальные комплексы, если бы отсюда он сделал совершенно необходимый вывод, что в психике пролетариата содержанием таких комплексов является ненависть к классовому врагу, то ему пришлось бы прийти к заключению, чрезвычайно невыгодному для капиталистического общества. Мудрено ли поэтому, что Фрейд всячески избегает социальной, классовой постановки вопроса?

Вместо всего этого Фрейд выдвигает свою «беспартийную» теорию всемогущего полового влечения. Несколько слов об этой теории. По Фрейду, с первых же дней после рождения у человека начинает развиваться половой инстинкт. В соответствии с той важной ролью, какую играет воспроизведение себе подобных у каждого вида живых существ, этот

инстинкт становится главным двигателем человека. Не надо думать, что половое влечение ребенка сводится, по Фрейду, к потребностям иметь половые сношения. Теория, которая попыталась бы утверждать такую нелепицу, была бы сразу обречена на полный неуспех. Половое влечение, в узком смысле этого слова, формируется только к периоду половой зрелости. Зато у ребенка имеется целый ряд как бы заместителей полового влечения. Во-первых, он испытывает безотчетный интерес к половым органам, интерес, доводящий его подчас до онанизма. Во-вторых, ребенок испытывает особое возбуждение при раздражении слизистых оболочек мочеиспускательного канала и заднего прохода, то есть тех органов, которые находятся в непосредственной близости к половым органам. Наконец, у ребят встречаются иногда проявления бессмысленной жестокости по отношению к своим сверстникам или животным, — проявления, очень напоминающие «садизм»¹ у извращенных взрослых людей.

Все эти факты детской жизни Фрейд и оценивает как доказательства наличия полового влечения у детей. В дальнейшем же эти влечения испытывают целый ряд изменений, пока не превратятся в обычную ПОЛОВУЮ потребность взрослого человека.

Если бы половая теория Фрейда ограничивалась только этим, то большой беды бы тут не было. Здесь можно было бы говорить лишь о некоторых фактических преувеличениях, да и то не очень значительных, ибо весьма раннее проявление зачаточных форм полового инстинкта, действительно, имеет за себя достаточное количество данных.

Но последуем за Фрейдом дальше. Он утверждает, что извращенные половые стремления детского периода продолжают существовать и у взрослого человека, несмотря на то, что этот последний подвергается ряду воздействий со стороны социальной среды. Социальная среда, однако, не уничтожает их, а только загоняет вглубь бессознательной сферы, превращая их в ущемленные комплексы. Но эти только означает, что они влияют на человека еще сильнее и бесконтрольнее, чем тогда, когда они находятся в ясном поле его сознания. Да и нормальное половое влечение имеет, по Фрейду, необыкновенно большую власть над людьми, власть, размеры которой далеко не учитываются ими.

Вот с этого именно пункта и начинается «смысл философии всей». Оказывается, если дать веру Фрейду и его ближайшим последователям, что могучее половое влечение во всех его видах и формах определяет решающим образом жизнь как отдельного человека, так и всего общества; оно проникает мощной струей во все поры человеческого творчества, составляет главную суть художественных произведений и т.д. Одним словом, половые свойства человека возводятся чуть ли не на степень основного двигателя истории.

Предвидя резкую оппозицию по отношению к своей теории, Фрейд выдвигает два любопытных защитных соображения. Первое заключается в том, что у нас имеется вполне естественное внутреннее *сопротивление* к

¹ Садизм — извращенное стремление истязать предмет своей любви.

тому, чтобы признать у самих себя наличие таких наклонностей, которые осуждаются окружающим обществом. Далеко не всякий находит в себе мужество раскрыть в своей бессознательной сфере ряд отвратительных влечений.

Второе соображение гласит, что половые стремления проявляются отнюдь не прямо, а косвенным, обходным путем. Бессознательно проявляя на каждом шагу свою половую страсть, мы не называем вещи их настоящими именами, а безотчетно пользуемся *символами*, то есть словами, имеющими какую-нибудь отдаленнейшую связь с «неприличным» предметом. Если верить проф. Ермакову, одному из безудержных поклонников Фрейда у нас в СССР, то, например, знаменитая повесть Гоголя о потерянном носе есть не что иное, как повесть об утратившем свои мужские качества половом органе.

Сами по себе эти факты (исключая, конечно, более чем странное утверждение Ермакова), действительно, имеют место, хотя и здесь Фрейд допускает ряд преувеличений. Но нечего и говорить, что, *защита* всяких ложных уклонов фрейдизма, они решительно никуда не годятся. Так и про бога можно сказать, что нечего соваться с сомнениями по поводу его существования, потому, мол, что он «непознаваем, и неисповедим».

Как, однако, должен отнестись марксист к самому существу половой теории Фрейда?

Прежде всего, здесь не нужно поддаваться естественно возникающему чувству отвращения. Этого требует марксистский подход к вопросу. Отвращению может быть дан ход только тогда, когда предварительно вскрыты холодным ножом научного анализа ложные взгляды нашего противника. Иначе можно уподобиться чиновнице из произведения Глеба Успенского, которая, услышав о теории Дарвина, была потрясена в своих лучших чувствах. Подумать только, она, эта благородная дама ведет свое происхождение, ни дать, ни взять, от обезьяны!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ФРЕЙДИЗМА

Итак, перейдем к существу дела и разберем его сначала с одной стороны. Допустим на минуту, что в известном отношении Фрейд прав, допустим, что действительно половые влечения, и только они, составляют основное содержание человеческой психики. Сделать такое допущение даже не очень трудно, потому что в жизни на самом деле подчас встречаются не только отдельные лица, но и целые общественные слои, насквозь развращенные, насквозь пропитанные половыми устремлениями. Таковы, например, герои из произведений знаменитого французского писателя Мопассана или действующие лица из романа «Санин», принадлежащего перу присяжного клеветника на революцию небезызвестного Арцыбашева.

Так вот, можно ли было бы даже при таком положении вещей говорить, что главным двигателем людей, «последней по счету» причиной их поведения является половой инстинкт?

Стоит лишь внимательно отнестись к вопросу, чтобы возник и ответ на него — и, конечно, отрицательный. В самом деле, а социальная среда (конечно, в

широком смысле этого слова, включая производственные отношения и т.д.) разве здесь ни при чем, и разве не она именно есть «последняя по счету» причина их поведения? Никто, конечно, не станет спорить против того, что иногда половой голод может толкнуть человека на тот или иной поступок. Но разве тот половой голод и его движущая сила возникли совершенно самопроизвольно и независимо от социальных условий? Конечно, нет. Ибо при одной социальной обстановке половые инстинкты разжигаются, а при другой — претерпевают резкое ослабление.

Разгром революции 1905 г. создал условия для небывалой половой распушенности, а в эпоху революционной гражданской борьбы от половых «уклонов» не осталось и следа.

И с другой стороны, самое содержание полового влечения и способ достижения половой цели без остатка определяются теми общественными условиями, в которых живет человек. Средневековый рыцарь добивается расположения своей «дамы сердца» путем беспощадной расправы над «неверными» сарацинами, а современный король биржи покоряет свою кокотку баснословным мотовством своих неисчерпаемых богатств. Точно также представителя одной эпохи привлекают к себе совсем не те достоинства предмета его любви, какие действуют обворожительно на людей другой эпохи.

Одним словом, какие бы инстинкты ни таились в человеке, объяснять его поведение можно только опираясь в первую очередь на факты общественного порядка.

Не так поступает уже однажды упомянутый проф. Ермаков в своей книге о творчестве Гоголя¹. Кстати, эта книга является лучшим образцом того, до каких нелепостей может привести некритическое применение основ фрейдизма. Если у самого Фрейда отказ от социального подхода производит впечатление недоговоренности, правда, отнюдь не случайной, то здесь этот отказ возводится в принцип. В книге речь идет о том, почему Гоголь выбирал одни темы, а не другие, почему он заставляет своих героев поступать так, а не иначе и т.п. И вот проф. Ермаков пытается найти последние причины для всего этого исключительно в особенностях характера Гоголя, исключительно в специальных свойствах его половой природы. Здесь не хватит места, чтобы показать, к каким натяжкам приходится прибегать проф. Ермакову для доказательства своих заранее обреченных на неудачу выводов. Но об одном все-таки нужно сказать.

Если произведения Гоголя ,изобилуют такими непривлекательными типами, как Чичиковы, Маниловы и Собакевичи, если эти герои изображены порющими своих крепостных, а не выпускающими их на волю, то в первую очередь именно потому, что другого материала не , давала Гоголю эпоха неудержимого разгула крепостничества и самодержавия. И если Гоголь при этом смеялся не иначе, как «сквозь слезы», то опять-таки потому, что он

¹ Ермаков. Творчество Гоголя.

находился под воздействием вполне определенных общественных влияний, о которых здесь нет возможности распространяться.

Так, и только так, должен был подойти к вопросу автор книги о творчестве Гоголя. Естественно, что авторы, подобные Ермакову, докатываются и до самых реакционных утверждений.

ПОГРЕШНОСТИ ДИАЛЕКТИКИ

Теперь несколько слов о другой стороне половой теории Фрейда. Мы допустили выше, что половые влечения составляют главное содержание психики. Но сделано было это только для того, чтобы, по возможности, ярче выявить социологическую несостоятельность Фрейда. На самом же деле о таком исключительном преобладании полового инстинкта *при* всех и всяких условиях не может быть и речи.

Возьмем для примера испытанного революционного бойца. Как с половой точки зрения объяснить его классовую ненависть или неизменную преданность интересам пролетариата? Неужели здесь можно ценою хотя бы какой угодно натяжки сослаться на половой инстинкт? Какая нелепость!

Даже у животных, ведущих одиночный образ жизни, наряду с половым инстинктом имеются и другие чрезвычайно мощные инстинкты. Достаточно назвать из их числа инстинкты — пищевой и самосохранения. Что же катается *общественных* животных и в первую очередь человека, то у них либо самостоятельно, либо на основе этих первичных рефлексов развилась, кроме того, целая серия социальных инстинктов¹. А на базе этих последних, как бы прикрепляясь к ним и прочно связываясь с ними, вырастает надстройка сложнейших условных реакций.

Почему же в таком случае нужно, не считаясь с диалектикой, всегда я повсюду отдавать предпочтение половому инстинкту? Почему нужно обязательно думать, что это он, и только он, является источником энергии для всех видов деятельности человека? Ведь, точно с таким же основанием, и даже с гораздо большим, можно было бы утверждать тоже самое и относительно пищевого инстинкта.

В своей знаменитой речи над могилой Маркса Энгельс сказал: , «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органической природы, Маркс открыл закон развития человеческой истории. Он открыл тот простой факт... *что люди прежде всего должны есть, пить, шить и одеваться* (курсив наш. — И. С.) и лишь после этого могут заниматься политикой; наукой, искусством, религией и т.п.»

А разве, прибавим мы от себя, революции, если посмотреть на них не с социологической, а с физиологической стороны, не происходят от того, что массы перестают иметь средства для того, чтобы «есть, пить, жить и

¹ Из некоторых видов общественных животных, как, например, у пчел, значительная часть особей являются даже совсем бесполовыми.

одеваться». А, ведь, революции это — «локомотив истории». При чем же здесь полевой инстинкт, как *единственная* основа психики?

Мы вовсе не стремимся отрицать наличие половой потребности у человека. Но все дело в том, что она есть лишь *одна* из тех многочисленных реакций, на которые способен их *единый носитель* — человеческий организм.

И здесь опять вырастает во весь свой гигантский рост огромное значение социальной среды. Ибо здесь вырисовывается перед нами еще один вид ее влияния на человека.

Это она определяет, до какой степени разовьется одно качество организма, и, наоборот, до каких пределов угасания ослабнет другое. *Она как бы играет на этих качествах, как на клавишах, и дает одним из них сильнейшее развитие, в то время как задерживает другие на их зародышевой стадии.*

Эротика (половая устремленность) пышным цветом распускается лишь там, где имеется соответствующая общественная обстановка. Эротикой насыщена, например, жизнь паразитирующих буржуазных кругов Франции. Эротикой проникнуто существование бездельничающих и отчаявшихся кругов эмигрантской белогвардейщины. Условия НЭПа у нас в СССР также создают почву для расцвета эротике в ряде общественных» слоев и прослоек. И, наоборот, только впадая в чудовищные ошибки, можно приписывать безграничную половую устремленность широчайшим массам трудящихся; только ценою грубейших натяжек можно говорить об эротике у истинных революционеров. Вся жизненная обстановка развивает здесь совсем иные устремления, но только не эротику. Половое чувство имеется и тут, во ему отведены чрезвычайно скромные границы.

Такое понимание связи между психикой человека и общественной средой дает единственный ключ для оценки половой теория, Фрейда. ,Отдельные закономерности, устанавливаемые этой теорией, действительно правильны. Когда половой инстинкт развит очень сильно, то на самом деле он способен вызвать к жизни те извращения, заболевания и прочие явления, о которых говорит Фрейд. Когда под наблюдение врача или воспитателя попадает истерик, вращавшийся все время в узеньком кругу романических интересов, то этот врач или воспитатель, действительно, не может обойтись без применения данных Фрейда; он даже стихийно наталкивается на них.

Но если тот же врач притягивает теорию Фрейда *ко всем без исключения* случаям, когда он пытается истолковать с точки зрения этой теории, например, и психику социально устремленного человека, то он неизбежно терпит ряд тяжелых и вполне заслуженных неудач¹.

Ошибка фрейдизма не в том, что он .приписывает половому влечению способность психологически влиять па поведение человека, а в том, что он *недиалектически* придает этой способности *абсолютное* значение, распространяя ее на все «времена и народы» независимо от конкретной общественной обстановки.

¹ Гигантский опыт империалистической бойни тоже показал, что ущемление ,комплексов происходит отнюдь не только на половой почве.

Другая ошибка фрейдизма, о которой мы уже говорили выше, — это ошибка социологического порядка. Такому исключительно биологическому моменту, как половая потребность, он придает роль основного двигателя истории. Тем самым Фрейд и его буржуазные последователи ставят себя в ряды тех, жестоко раскритикованных еще Плехановым, социологов, которые пытаются вывести человеческую историю из «природы человека».

Мы не станем здесь разбирать вопроса, каковы социальные корни ошибок самого Фрейда, другими словами — каковы особенности той общественной среды, которые бессознательно продиктовали самому Фрейду ряд его неоправданных увлечений. Это завело бы нас слишком далеко.

Здесь нужно только вкратце подчеркнуть основные выводы. Марксизм не может не приветствовать тех ценных открытий, которые сделал фрейдизм в области изучения общих законов строения человеческой личности. Но фрейдизм *в целом* отнюдь не может быть принят марксизмом.

Большая критическая осторожность и умелое применение марксистской там, где речь идет о попытках Фрейда истолковывать конкретное содержание человеческой психики. Эта критическая проработка фрейдизма у нас в СССР уже идет и приносит свои ценные практические плоды. Только вооруженные марксистским методом мы можем использовать фрейдизм в интересах социалистического строительства.

*Молодая гвардия, 1925,
№ 1, с. 113–131*